

Институт «Справедливый Мир» создан в 2008 году. Мы поддерживаем инициативы и проекты, направленные на совершенствование демократического процесса, расширение участия граждан России в политической и общественной жизни страны.

Институт «Справедливый Мир» — это научно-исследовательский центр и площадка для публичной дискуссии, где экспертное сообщество, политики, общественные деятели и ученые реализуют различные гуманитарные, исследовательские и просветительские проекты.

Библиотека Института «Справедливый Мир» создается в просветительских целях, чтобы информировать экспертное сообщество, граждан о новейших исследованиях в области развития социальной демократии, социального государства, теории и практики международного социалистического и социал-демократического движения.

www.spravmir.ru

ISBN 978-5-906751-58-4

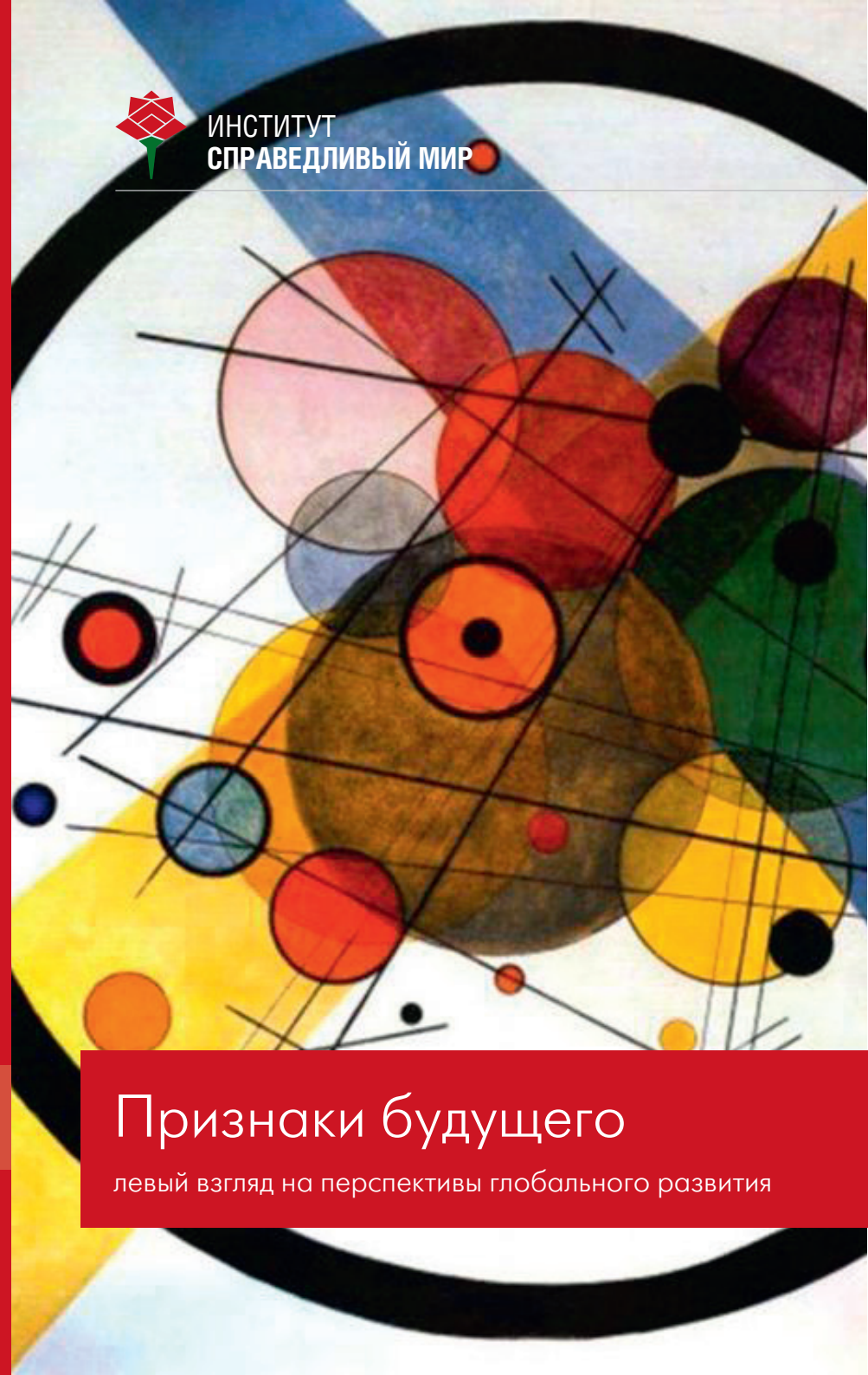

9 785906 751584

Признаки будущего

левый взгляд на перспективы глобального развития

ПРИЗНАКИ БУДУЩЕГО

левый взгляд на перспективы
глобального развития

УДК 32/33
ББК 65+66
П75

Составители: *Е.Е. Кутовая, В.А. Белов*

В оформлении обложки использована работа В.В. Кандинского.

Рецензент – доктор философских наук, профессор *В.Н. Шевченко*.

Признаки будущего : левый взгляд на перспективы
П75 глобального развития : [сборник статей / сост. Е. Е. Кутовая,
В. А. Белов]. – Москва : Ключ-С, 2016. – 288 с. – (Библиотека
Института «Справедливый мир»; вып. 39).
ISBN 978-5-906751-58-4

Сборник «Признаки будущего» составлен из статей, опубликованных 2013 – 2016 годах на портале журнала «Социалист» (www.socialistinfo.ru).

В сборнике представлены как статьи известных российских политологов и журналистов, так и переводы из западных изданий по самой различной проблематике – от анализа актуальной политической повестки до исторических и культурологических экскурсов. Пёструю мозаику мнений и тем этого сборника объединяет общее для всех авторов левое мировоззрение.

УДК 32/33
ББК 65+66

ISBN 978-5-906751-58-4

© Институт «Справедливый мир», 2016
© Кутовая Е.Е., Белов В.А., составление, 2016
© Оформление. Издательство «Ключ-С», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЕЦ СРЕДНЕГО КЛАССА

1. **Славой Жижек.** Восстание наёмной буржуазии.....7
2. **Дмитрий Галкин.** Призрак бедности для среднего класса 14
3. **Марко Черветти.** Угасшие на холме (Будущее Италии)23
4. **Кристоф Буттервеге.** Неофеодализм в финансово-рыночном капитализме.....30
5. **Даг Сондерс.** Богатые богатеют, почему не богатеют бедные?36
6. **Михаил Хосудовский.** Глобальный голод38
7. **Джон Кози.** Кто делает мир лучше?.....46

БУДУЩЕЕ ОТМЕНЯЕТСЯ?

1. **Джефф Уорт.** Конец нефтяного века.....50
2. **Дмитрий Галкин.** Предсказание из настоящего59
3. **Ванесса Бэйерд.** Слишком много людей.....66
4. **Борис Романов.** Индивидуализированное общество.....72
5. **Интан Суванди.** За кулисами глобализации78
6. **Дж. Беллами Фостер.** Как предотвратить климатическую смерть?.....87

КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ

1. **Адам Терл.** В защиту реального мира.....93
2. **Томас Метшер.** Между апокалипсисом и утопией97
3. **Томас Остермайер. Каролин Эмке.**
«Распалась связь времён» 101
4. **Герхард Вагнер.** Символ режима 114
5. **Детлеф Каннапин.** Шостакович по Волкову..... 122
6. **Кай Келер.** История, отражённая в музыке 126
7. **Томас Вагнер.** Не правые, не левые? 133

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ

1. **Марко Черветти.** Неправильное зеркало, или Отражения с другой стороны виртуального занавеса 138
2. **Хольгер Вендт.** Царство свободы 144
3. **Патрик Кёбле.** Разбившись о войну 152
4. **Альфред Нолль.** Идеолог войны и фюрерства 158
5. **Рихард Шильд.** Антифашистская панихида 167

ГЕОПОЛИТИКА

1. **Ноам Хомски.** Институциональные императивы и неолиберальное безумие 173
2. **Хельмут Келлерсхон.** Игры разума 179
3. **Петер Линке.** «Украинский кризис – первое проявление конкуренции между Китаем и Западом» 185
4. **Джемал Ваким.** «Исход конфликта между Западом и Востоком зависит от ситуации в Египте» 191

ВЫБОРЫ, КАК ОНИ ЕСТЬ

1. **Борис Романов.** Социалист в стране демократов 198
2. **Мануэль Гари.** Новые левые наступают 202
3. **Ли Бертайюэм.** Джастин Трюдо: яркий победный выход 209
4. **Дмитрий Галкин.** Украинский вопрос в американской кампании 212
5. **Марина Хайд.** Воспоминания о выборах: пустые залы и дебаты 219
6. **Дмитрий Галкин.** Обама: urbi et orbi 223

В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОГО МАРКСИЗМА

1. **Владимир Шевченко.** Социализм с китайской спецификой 233
2. **Кит Розентал.** Социализм, политика и инвалидность 250
3. **Даниэль Братанович.** «Углублять, обосновывать, укреплять» 260
4. **Борис Славин.** О судьбе одной идеологии в контексте украинского кризиса 270
5. **Роберт Макчесни.** Левый поворот в борьбе за СМИ 278

Будущее отменяется? Будущее принадлежит нам!

Дорогие друзья!

Перед вами второй выпуск сборника статей, опубликованных на портале интернет-журнала «Социалист». Это своеобразная интеллектуальная хроника событий, мнений и идей нашего очень непростого времени.

Мы являемся современниками глобальных экономических, геополитических, социальных и культурных изменений в стране и мире. Нам навязывают мироустройство, в котором власть и собственность, как на глобальном, так и на региональных уровнях, будут сосредоточены в руках ничтожного меньшинства, а государственные институты станут обслуживать интересы транснациональных корпораций. Нас убеждают, что подобный социальный строй является неотвратимым, запугивая катастрофическими последствиями, к которым якобы может привести сопротивление подобным преобразованиям. Ведущие медиа, которые благодаря технологическим достижениям последних двух десятилетий приобрели невиданные ранее возможности для формирования общественного мнения, внушают, что единственной альтернативой формирующемуся мировому порядку является социальный хаос, разгул террористических группировок и бесконечная череда вооруженных конфликтов.

Для того чтобы преодолеть этот насаждаемый невротический страх, мешающий отстаивать гуманистические ценности и защищать идеалы социальной справедливости, мы должны сохранять ясность мышления, способность рационально анализировать ситуацию и на основе такого анализа вырабатывать стратегию личного и коллективного действия.

Хотя на верхней палубе ещё играет оркестр и пьют шампанское, каюты среднего класса уже затоплены. Средний класс полностью деморализован и пребывает в сильнейшей апатии. Он утрачивает политическое влияние даже в тех государствах, где стратегия национального развития на протяжении многих десятилетий определялась интересами и потребностями мелкобуржуазных слоев. Все его надежды сохранить свой прежний уровень и образ жизни оказались тщетными, а попытки спастись на личном уровне обречены на провал. Столь скоротечное разрушение среднего класса в последние годы чревато серьёзными социальными потрясениями, которые затронут всех без исключения, все слои общества и его институты. В самое ближайшее время мы можем стать свидетелями масштабных социальных конфликтов, подобных тем, что потрясли мир после окончания Первой мировой войны.

Преодолеть надвигающуюся лавину социальных, экономических и геополитических проблем можно будет, только опираясь на идеалы социальной солидарности, объединяясь для защиты гуманистических идеалов, ценностей Просвещения, интересов наемных работников и других социальных групп, подвергающихся эксплуатации и страдающих от угнетения. Только активная гражданская и личная позиция даст нам возможность найти выход из системного кризиса, обусловленного противоречиями позднекапиталистического общества, и позволит встать на путь устойчивого развития и прогресса.

Редакция интернет-журнала «Социалист», коллектив авторов и переводчиков надеются, что материалы, которые предлагаются вашему вниманию, помогут лучшему пониманию сложных процессов, происходящих в нашей стране и мире.

В заключение хочу поблагодарить читателей интернет-журнала «Социалист», аудитория которого постоянно возрастает, за интересные комментарии, а иногда и настоящие развёрнутые дискуссии на портале журнала, и пригласить всех желающих к активному творческому сотрудничеству.

*Главный редактор журнала «Социалист»
Вадим БЕЛОВ*

КОНЕЦ СРЕДНЕГО КЛАССА

Славой Жижек, философ

ВОССТАНИЕ НАЕМНОЙ БУРЖУАЗИИ

Каким образом Билл Гейтс стал самым богатым человеком в Америке? Его богатство не имеет ничего общего с тем, что компания Microsoft производит хорошее программное обеспечение по ценам ниже, чем у ее конкурентов, это также не связано с тем, что она эксплуатирует своих работников более эффективно (компания Microsoft платит своим интеллектуальным работникам относительно высокие зарплаты).

Если бы дело было в этом, Microsoft бы уже давно обанкротился: люди бы выбирали бесплатные операционные системы вроде Linux, которые тоже хороши, а возможно, и лучше продукции Microsoft. Миллионы людей продолжают покупать программное обеспечение Microsoft, поскольку компания позиционирует себя как практически универсальный стандарт, монополизировав эту область и став воплощением того, что Маркс называл «всеобщим разумом», подразумевая под этим понятием коллективное знание во всех его формах от науки до практических навыков. Гейтс эффективно приватизировал часть всеобщего разума и стал богатым, присвоив ренту от того, что из этого последовало.

Возможность приватизации всеобщего разума – это то, что Маркс никогда не принимал во внимание в своих работах, посвященных капитализму (прежде всего потому, что он рассматривал его социальные аспекты).

Между тем именно этот вопрос является краеугольным камнем сегодняшней борьбы за интеллектуальную собственность, ведь роль всеобщего интеллекта, основанного на коллективном знании и общественной

кооперации, возросла в эпоху постиндустриального капитализма таким образом, что богатство наращивается, выходя за рамки просто труда, задействованного при производстве.

Результат получается не таким, которого ожидал Маркс: самораспада капитализма не происходит, а происходит постепенная замена прибыли, полученной в результате эксплуатации труда, присвоением ренты, полученной в результате приватизации знаний.

Такая же ситуация с природными ресурсами, эксплуатация которых является одним из мировых источников ренты. Что за этим следует – бесконечная борьба за право получения ренты, между гражданами третьего мира и западными корпорациями. Есть некоторая ирония в том, что, объясняя разницу между трудом (который производит прибавочную стоимость) и другими товарами (стоимость которых потребляется при использовании), в качестве примера «простого» товара Маркс приводит нефть. Сегодня же любая попытка связать рост или падение цен на нефть с ростом или падением производственных затрат или ценой на эксплуатируемый труд не имеет смысла: затраты на производство несоизмеримы с ценой, которую мы платим за нефть.

Следствием роста производительности, обусловленного стремительным ростом влияния коллективного знания, становится изменение роли безработицы. Самый большой успех капитализма (повышение производительности труда, возросшая эффективность), который приводит к безработице, – возрастающее число ненужных рабочих. То, что должно было стать благом, – тяжелый труд становится менее востребованным – становится проклятием.

Иными словами, возможность стать объектом эксплуатации на длительное время становится привилегией. Мировой рынок, по словам Фредрика Джейсона (американский марксистский литературный и социальный теоретик. – *Прим. ред.*), «становится пространством, в котором каждый когда-то был производительным трудящимся и в котором труд стал назначать себе цену с оглядкой на систему».

В продолжающемся процессе капиталистической глобализации понятие «класс безработных» уже не попадает под определение «резервной армии труда», введенное Марксом. Оно также включает в себя, как пишет Джеймсон, людей в разных странах мира, которые, так сказать, «выпали из

истории», преднамеренно исключенных из модернизационных проектов капитализма Первого мира и списанных как безнадежные и умирающие»: так называемые несостоявшиеся государства (Конго, Сомали), жертвы голода или экологической катастрофы, загнанные в ловушку псевдоархаичной «этнической вражды», объекты филантропии и заботы со стороны НГО или мишени в «борьбе с террором».

Таким образом, класс безработных расширяется, чтобы вместить широкие ряды людей от временно неработающих, тех, кто более не способен найти работу и перманентно незанятых, до жителей гетто и трущоб (всех тех, кого часто Маркс отвергал как «люмпен-пролетариат») и в конечном итоге – до всего населения стран, исключенного из мирового капиталистического процесса.

Некоторые скажут, что эта новая форма капитализма предоставляет новые возможности для освобождения. Во всяком случае, таковым является тезис Хардта и Негри в книге «Множество», который заключается в радикализации идеи Маркса – если отрубить голову капитализму, мы получим социализм. Учение Маркса, как они его понимают, было исторически ограничено понятием централизованного, автоматизированного и иерархически организованного механического индустриального труда. Как результат, Маркс понимал «всеобщий разум» как что-то вроде центрального планового агентства.

Только сегодня, с ростом «нематериального труда» революционный поворот становится «объективно возможным». Этот нематериальный труд простирается между двумя полюсами: от интеллектуального труда (производства идей, текстов, программ и т.д.) до эмоционального труда (выполняемого врачами, нянями, бортпроводниками).

Сегодня нематериальный труд является «гегемоном» в том контексте, в котором Маркс называл капитализм XIX века временем гегемонии крупного индустриального производства. Возникает огромный новый домен, называемый «общим», – общее знание и новые формы общения и кооперации. Продукция нематериального производства – это не предметы, это новые общественные или межличностные отношения. Нематериальное производство является биополитичным, это производство общественной жизни.

Хардт и Негри описывают процесс, который идеологи современного «постмодернистского» капитализма сегодня определяют как переход от

материального к символическому производству, от централизованно-иерархической логики к логике самоорганизации и многоцентрового сотрудничества. Разница в том, что Хардт и Негри остаются верными Марксу: они пытаются доказать, что Маркс был прав в том, что рост всеобщего разума в долгосрочной перспективе несовместим с капитализмом.

Идеологи постмодернистского капитализма выступают с диаметрально противоположным заявлением: по их мнению, марксистская теория (и практика) не выходит за рамки иерархической логики централизованного государственного контроля и таким образом не может справиться с социальными последствиями информационной революции. Данное утверждение подтверждается крепкими эмпирическими аргументами: коммунистические режимы были свергнуты из-за их неспособности приспособиться к новой социальной логике, поддержанной информационной революцией. Они пытались вернуть революцию в еще один крупномасштабный проект централизованного государственного планирования. Парадокс в том, что то, что Хардтом и Негри представляется уникальным шансом преодолеть капитализм, идеологами информационной революции оценивается как рост нового, свободного от трения капитализма.

Анализ Хардта и Негри имеет и ряд слабых мест: к примеру, как капитализм смог пережить появление новых организаций производства (в классических марксистских терминах), что делает его устаревшим.

Они недооценивают, до какой степени сегодняшний капитализм (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) приватизирует всеобщий разум, а также в какой степени рабочие, даже больше чем буржуазия, становятся лишними (все большее число людей становится не просто временно безработными, а структурно нетрудоспособными).

Если идеалом старого капитализма был предприниматель, который инвестировал (собственные или заемные) средства в производство, им организованное и им же управляемое, а затем получал прибыль, сегодняшним идеалом становится менеджер, управляющий компанией, принадлежащей банкам (которые в свою очередь также управляются менеджерами, которым банк не принадлежит) или нескольким инвесторам. В этом новом идеальном виде капитализма новая буржуазия, которая оказалась не у дел, наделяется функциями наемных управленцев: новая буржуазия получает заработную плату, и даже если она владеет частью компании, то

получает долю в ней в качестве вознаграждения за свою работу («бонус» за их «успех»).

Эта новая буржуазия по-прежнему присваивает прибавочную стоимость, но в (мистифицированной) форме, что называется, «прибавки к зарплате». Их зарплаты гораздо выше пролетарского «минимального оклада» (зачастую это мифическая точка отсчета, единственно реальным примером которой в нынешней глобальной экономике является зарплата трудящихся, работающих в потогонных условиях цехов Китая и Индонезии), в этом и состоит их отличие от среднестатистических пролетариев.

Таким образом, буржуазия в классическом смысле этого слова постепенно исчезает: капиталисты появляются вновь в лице наемных работников, менеджеров, в силу своей компетенции получивших право получать больше (поэтому псевдонаучная система «оценивания» сотрудников обретает такую значимость – она узаконивает неравенство в доходах). Далеко не ограничиваясь лишь менеджерами, эта категория работников, получающих прибавку, расширяется до экспертов, администраторов, чиновников, врачей, юристов, журналистов, работников интеллектуальной сферы и творческих работников. Прибавка, которую они получают, принимает две формы. Первая предусматривает больше денег (для менеджеров и проч.), другая же форма предполагает меньший объем работы и больше свободного времени (особенно – для интеллектуалов, но также и для чиновников и проч.).

Процедура оценки персонала, позволяющая некоторым работникам получать прибавку к зарплате, является самоуправным механизмом власти и идеологии, в реальности не имеющим серьезной связи с действительной компетенцией работника. Дополнительная зарплата существует не по экономическим, а по политическим причинам: в целях сохранения «среднего класса» для поддержания социальной стабильности. Самоуправство общественной иерархии – это не ошибка, в этом все и дело: самоуправство оценочной процедуры аналогично самоуправству рыночного успеха. Насилие угрожает не тогда, когда слишком много непредвиденных обстоятельств в социальной сфере, а когда предпринимаются попытки их устранить.

В своей книге «Знак священного» Жан-Пьер Дюпуи рассматривает иерархию как одну из четырех процедур (*dispositifs symboliques*), смысл которых состоит в том, чтобы сделать отношения превосходства не та-

кими унижительными: иерархия как таковая (навязанный извне порядок, который дает мне ощущение более низкого статуса независимо от моей внутренней оценки), демистификация (идеологическая процедура, которая демонстрирует, что общество не результат меритократии, а продукт объективной социальной борьбы, позволяющей мне избежать болезненного заключения о том, что чье-то превосходство – результат их заслуг и достижений), случайность (аналогичный механизм, благодаря которому мы осознаем, что наше положение на общественной лестнице зависит от природной и общественной лотереи, счастливчики – это те, кто родился с правильными генами в богатых семьях) и сложность (неконтролируемые силы приводят к непредсказуемым последствиям; к примеру, невидимая рука рынка может привести к моим неудачам и успеху соседа, даже если я работаю больше и гораздо умнее его).

Вопреки видимости, эти механизмы не конкурируют с иерархией и не угрожают ей, но делают ее удобоваримой, ведь «что разжигает зависть, так это мысль о том, что кто-то другой достоин удачи, а не противоположная идея, которая только и может быть высказана в открытую».

Из вышеуказанного Дюпуи делает вывод, что великой ошибкой будет считать, что относительно справедливое общество, которое также считает себя справедливым, тем самым будет лишено всякого рода обид; напротив, именно в таком обществе те, кто занимает подчиненное положение, найдут выход для ущемленной гордости в яростных вспышках протестов.

В этой связи можно объяснить проблемы, с которыми сталкивается Китай сегодня. Идеальной целью реформ Дэн Сяопина был капитализм без буржуазии, теперь китайские лидеры делают болезненное открытие: капитализм без стабильной иерархии (вызванной существованием буржуазии) порождает постоянную нестабильность.

Так каким путем пойдет Китай? Бывшие коммунисты, тем временем, становятся наиболее эффективными менеджерами капитализма, потому что их историческая неприязнь к буржуазии как к классу идеально вписывается в тенденцию сегодняшнего капитализма – управленческий капитализм без буржуазии. В обоих случаях, как говорил Сталин, «кадры решают все». Интересное различие между сегодняшним Китаем и Россией: в России преподавателям университетов платят до смешного мало – де-факто, они уже являются частью пролетариата. В то же время в Китае преподавате-

лям комфортно, им выплачивается к зарплате прибавочная часть с целью гарантировать их послушание.

Понятие прибавочной заработной платы позволяет по-новому взглянуть на идущие «антикапиталистические» протесты. В кризис очевидными кандидатами для «затягивания поясов» являются более низкие слои наемной буржуазии: политический протест является их единственной возможностью, если они собираются избежать присоединения к пролетариату. Хотя их протесты номинально и направлены на жестокую логику рынка, в действительности они протестуют против постепенной эрозии своего (в политическом отношении) привилегированного экономического положения.

Айн Рэнд мечтала о протестующих творческих капиталистах, эти фантазии находят свою извращенную реализацию в сегодняшних забастовках, которые являются по большей части забастовками «наемной буржуазии», движимой страхом потерять свои привилегии (прибавку к минимальной зарплате). Это не пролетарские протесты, это протесты против угрозы быть низведенными до уровня пролетариев.

Кто смеет бастовать сегодня, когда привилегией является само существование постоянной работы? Не низкооплачиваемые работники (что осталось) текстильной промышленности и т.д., а привилегированные рабочие с гарантированными рабочими местами (учителя, работники общественного транспорта, полиция).

Это также объясняет и прокатившуюся волну студенческих протестов: их главной мотивацией, возможно, является страх за то, что высшее образование больше не будет гарантировать им прибавку к зарплате в дальнейшей жизни.

В то же время очевидно, что повсеместное возрождение протестов в прошлом году – от Арабской Весны до Западной Европы, от «Захвати Уолл-стрит» до Китая, от Испании до Греции – нельзя рассматривать только как восстание наемной буржуазии. Каждый случай нуждается в отдельном рассмотрении. Студенческие протесты против университетской реформы в Великобритании совершенно точно отличаются от августовских беспорядков, ставших карнавалом потребительских погромов, истинным бунтом исключенных.

Можно утверждать, что восстания в Египте начались частично как восстание наемной буржуазии (образованная молодежь протестует против

отсутствия перспектив), но это лишь один из аспектов более крупных протестов против репрессивного режима. С другой стороны, протест едва ли мобилизовал бедных рабочих и крестьян, и победа на выборах исламистов стала индикатором узкой социальной базы изначально светских протестов. Греция – особый случай: в последние десятилетия благодаря финансовой помощи и займам ЕС была создана новая наемная буржуазия (в частности, в раздутом госаппарате), а протесты были вызваны в значительной степени угрозой потерять эти привилегии.

В то же время пролетаризация более низко оплачиваемой категории наемной буржуазии сопровождается с другого края иррационально высоким вознаграждением топ-менеджеров и банкиров. Эти вознаграждения являются экономически иррациональными, потому что, как правило, обратно пропорциональны успеху компании, о чем свидетельствуют расследования в США.

Вместо того чтобы заниматься морализаторством и критикой этих тенденций, мы должны интерпретировать их как знак того, что **капиталистическая система сегодня больше не в состоянии найти уровень саморегулируемой стабильности**. Иными словами, **капитализм угрожает выйти из-под контроля**.

*Оригинал статьи был опубликован в журнале London Review of Books
Перевод Елены Васильевой*

Дмитрий Галкин, политический аналитик

ПРИЗРАК БЕДНОСТИ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

«О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!» – эти слова Альбера из «Скупого рыцаря» точно выражают главное свойство бедности. Она унижает нам сердце, поскольку заставляет думать о мелких вещах и ничтожных явлениях, которые внезапно вырастают до уровня вопросов первостепенной важности, отравляющих и направляющих нашу жизнь. Стопанная обувь, платье, вышедшее из моды еще в позапрошлом году, безденежье, вынуждающее сидеть дома субботним вечером, старый автомобиль, на котором стыдно припарковаться у приличного ресторана.

Безусловно, все это ужасно унижительно. Но это все-таки трудно назвать «настоящей бедностью». Мы безошибочно узнаем ее зловещее присутствие, когда попадаем в промышленные города, где не работает большинство заводов, или рассматриваем толпу на провинциальном вокзале. Это иное, совсем неведомое нам явление, о котором мы ничего не знаем. Тогда о чем же говорит герой пушкинской «маленькой трагедии» и почему нам так близки его слова? Он говорит о бедности тех, кто соприкасается с жизнью богатых (или хотя бы наблюдает ее издали), сам надеется разбогатеть, добившись признания своих способностей, или когда-то принадлежал к более обеспеченным слоям общества.

Заметим, что сам Альбер ни на минуту не забывает о том, что отец его когда-нибудь умрет и он унаследует набитые золотом сундуки. И возмущает его больше всего унижение, которое он испытал из-за того, что ростовщик посчитал, что ради богатства он способен на отцеубийство. После этого Альбер решает действовать. Пожаловаться на отца герцогу, чтобы немедленно получить часть отцовского богатства, не вступая в конфликт с собственной совестью. Но рядом с этой драмой юноши из обеспеченной семьи, вынужденного страдать из-за отсутствия модной одежды и заискивать перед ростовщиками, мы видим настоящую бедность. Вот как она выглядит:

*Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.*

Это говорит отец Альбера, тот самый «скупой рыцарь». Он рассказывает о страданиях, которые и не снились его сыну. Сидеть на пиру «за герцогским столом» в латах в то время, как остальные рыцари красуются «в атласе да бархате», конечно же, мучительно. Но стоять на коленях под дождем с голодными детьми, а затем, утратив надежду вымолить отсрочку,

отдать последние деньги – все-таки несколько иное дело. Но почему же тогда Альбер является главным героем произведения, рассказывающего о бессмысленности и безобразности стяжательства, а вдова, удалившись из-под окна скупого рыцаря, исчезает навсегда?

Потому что до вдовы нам нет никакого дела. Мы, безусловно, готовы ее пожалеть и возмутиться безнравственностью человека, обрекающего ее на голод. Но долго переживать за нее мы неспособны. Страдания, выпавшие на ее долю, она несет с той же терпеливой покорностью, которая вызвала гневное возмущение Некрасова в его знаменитом стихотворении о русской крестьянке. Отчего? Оттого, что ни у пушкинской вдовы, ни у некрасовской крестьянки нет надежды вырваться из бедности. Она их не унижает, а оупляет, подавляет их чувства, обучает терпению и смирению, без которых простоять полдня под дождем невозможно. Альбер терпеть не может и не хочет, и потому он нам интересен. Он протестует, потому что ему есть на что надеяться. Отцовские сундуки, набитые дублонами, рано или поздно достанутся ему. Его делает нетерпеливым надежда на освобождение от низких мыслей, вызванных бедностью, от унижающих переживаний, которые она порождает. Он не желает ждать, он не хочет получить то, что считает своим, при помощи преступления. И он, в конце концов, добывается своего, правда, потеряв при этом расположение своего сюзерена. Но герцог ведь не прогнал его совсем. Он сказал: «На глаза мои не смейте являться до тех пор, пока я сам не призову вас». Так что еще не все потеряно.

Представим, что эта история сложилась по-другому. Старик не умер, требуя напоследок свои ключи, а оклемался и лишил Альбера наследства. Что бы с ним стало?

У Константина Станюковича есть рассказ «Червонный валет» про молодого человека из хорошей семьи, наделавшего долги, подделавшего вексель и оказавшегося в результате без средств и помощи со стороны близких. Он быстро опустил, утратил прежний лоск и «удивлялся, что находил вкусным обед в кухмистерских». С Альбером (если бы он не погиб на войне или при грабеже) вполне могло произойти нечто подобное. Но переживания человека, с удовольствием обедающего в кухмистерских, редко выходят за пределы текущих горестей и неудач. Он думает о том, как бы заработать деньги на следующий обед, а не о том, как бы забраться на вершину социальной лестницы. Правда, из посетителя столовой может со

временем получиться новый Раскольников. Но в этом случае привычная еда перестанет его радовать (Раскольников, помнится, практически перестал есть). Герой Станюковича смог полюбить обеды в кухмистерской только после того, как утратил социальный стыд, который делает бедность (точнее, ее зловещий призрак) мучительной и непереносимой.

Социальный стыд заставляет воспринимать бедность как несчастье, без него она воспринимается как некоторое неудобство либо, в самом крайнем случае, как отсутствие средств для поддержания жизни, которые нужно добыть любым способом, чтобы избежать гибели. Поэтому в традиционном обществе, где социальный стыд присущ только высшим сословиям, восстания угнетенных часто начинаются внезапно, без сколько-нибудь заметного повода. Терпение людей, живущих в тяжелых условиях, постоянно находится на пределе. И часто оказывается достаточно простого призыва к неповиновению, чтобы вдова вместе с соседями побегала на штурм замка, под окнами которого она еще вчера стояла на коленях.

Но человек, находящийся под влиянием социального стыда, ведет себя по-иному. **Социальный стыд, как известно еще со времен Адама Смита, заставляет людей, обладающих достаточными средствами для выживания, остро ощущать собственную бедность, если они не могут жить в соответствии со стандартами, принятыми в их социальной среде.** Освободившись от институтов традиционного общества, наиболее образованная часть «третьего сословия» стала бояться не столько нужды, сколько ее признаков, ставящих их носителя в подчиненное положение, мешающих ощущать собственную социальную значимость и полноценность. «Третье сословие», разрушив «старый режим», получив права и привилегии, которыми пользовались духовенство и дворянство, унаследовало и обязанности, ложившиеся на их плечи. Европейская культура Нового времени (принявшая в наши дни глобальный характер) возлагает на «третье сословие» ответственность за состояние общественной морали. Обязывает жертвовать личными интересами (и даже жизнью) ради общего блага (то, что это чувство прочно утвердилось, наглядно продемонстрировали две мировых войны). Заставляет, несмотря на сытость, чувствовать социальный стыд, если собственное положение в обществе кажется унижительным.

Социальный стыд, получивший массовое распространение накануне промышленной революции (и во многом сделавший ее возможной и не-

обходимой), помог сделать европейскую цивилизацию такой, какой мы ее знаем сегодня. Все права, которые, по крайней мере, на бумаге получило «третье сословие», оно завоевало, начав борьбу под влиянием социального стыда. Он заставил увидеть, что бедность не сводится к недостатку продуктов, отсутствию лекарств и плохому жилищу, а заключается в отсутствии тех возможностей, которыми пользуются другие, в том числе наиболее привилегированные. Сытый человек, живущий в просторном доме, обладающий добротной одеждой с точки зрения современной европейской культуры все равно является бедным, если он не защищен от произвола власти и несправедливого суда, не может получить образования, позволяющего самостоятельно сформировать целостные представления о мире, не принимает участия в выборах общенационального руководства и местного самоуправления.

ООН в своих документах определяет бедность как отсутствие у личности возможности выбора и права на развитие, унижительное для человеческого достоинства. Таким образом, бедность понимается как жизненная ситуация, в которой личность ощущает повод для социального стыда. Но социальный стыд неотделим от надежды на преодоление бедности, на жизнь в соответствии с социальными стандартами той группы, с которой связывает себя личность.

После того как институты традиционного общества прекратили свое существование (правда, еще сохраняется семья, но ей, чувствуется, также недолго осталось), функции социальной стратификации взяли на себя медиа, в первую очередь развлекательные. Нам ежедневно сообщают, к какому социальному слою мы принадлежим и каких потребительских стандартов должны придерживаться. Причем каждый улавливает предназначенный именно ему сигнал, различающийся в зависимости от коммуникационных каналов, на которые ориентируется та или иная социальная группа. Понятно, что бедные в узком смысле слова, те, кто сталкивается с проблемой выживания, в этой игре не участвуют. Но для современной социально-экономической системы (особенно в развитых странах) они не представляют никакого интереса, зачастую даже в виде рабочей силы. В США и Западной Европе миллионы бедных получают пособие от государства, чтобы не умереть от голода, в то время как работу, которую они могли бы выполнять, делают бедные в Юго-Восточной Азии, также находящиеся под угрозой голодной смерти.

Те, кому голод не грозит, должны жить в соответствии с потребительскими стандартами, которые им навязывают медиа. Для низших слоев среднего класса – это глянцево-журнальные и кассовые мелодрамы. Для более обеспеченных – доверительные сообщения о модных тенденциях и престижных новинках, которые транслируются самыми разными медиа. Для тех, кто ведет богемный образ жизни, занимается творческим трудом или перебивается случайными заработками, существуют соответствующие сообщества в Интернете. Спрятаться от сообщений, задающих личности ее потребительский статус, невозможно. Разрыв между этим желаемым статусом (который, как правило, несколько выше реальных материальных возможностей) и действительным образом жизни необходимо преодолеть или хотя бы замаскировать в ожидании лучших времен. Стремление среднего класса жить в соответствии с заданными стандартами позволило раздуть пузыри на финансовых рынках.

Теперь, после обвала 2008 г., очевидно, что нынешняя экономическая система, главным двигателем которой было постоянно растущее потребление, требует слишком много ресурсов и является крайне неэффективной. Но ее продолжают искусственно поддерживать, несмотря на огромную вероятность того, что подобная бессмысленная и безрассудная политика закончится катастрофой.

Существующую систему нечем заменить, поскольку переход к более рациональному (и безопасному) экономическому устройству потребовал бы от среднего класса отказаться от постоянного повышения собственного потребительского статуса. Соответственно, и от надежды на жизнь, свободную от социального стыда и унижительной бедности. Надежда, порождаемая социальным стыдом, которая на протяжении двухсот лет заставляла представителей «среднего класса» улучшать свои бытовые условия, заниматься самообразованием и путешествовать, подражая более обеспеченным слоям. В современном обществе она приняла уродливые формы потребительского бума. Но даже в этом виде надежда, порождаемая социальным стыдом, во многом играла положительную роль в жизни социума, способствуя росту социальной активности и повышению социальной мобильности. Согласно американским статистическим данным, в период с 1995 по 2005 гг. в США около 50% представителей наиболее бедных социальных слоев перешли в группы с более высокими доходами. При-

близительно то же самое происходило в других странах, принадлежащих не только к «центру» современного мира, но и к его «полупериферии», а иногда и к «периферии». Но теперь, когда рост доходов, скорее всего, надолго остановился (а там, где он будет продолжаться, например в Китае, его темпы существенно снизятся), надежда вырваться из бедности сменится массовой апатией и различными фобиями, которые могут стать основой для чрезвычайно опасных социально-политических процессов. Главным следствием того, что надежда на безбедную жизнь приняла форму погони за потреблением, стало размывание классового самосознания и замена его на ощущение своей принадлежности к определенной потребительской группе.

Средний класс, испытывающий наибольший страх перед бедностью (точнее, перед ее призраком, созданным принуждающими к потреблению медиа), – это всего лишь название для различных общественных групп, объединенных общим потребительским статусом и схожими социальными ориентирами. Правда, большинство этих групп принадлежит к рабочему классу, поскольку их представители живут исключительно за счет продажи своей рабочей силы, занимают подчиненное место в системе производства и не пользуются какими-либо привилегиями при распределении общественных благ. Однако своего родства с другими, менее обеспеченными группами рабочего класса, особенно с теми, которые входят в число «бедных», представители среднего класса не осознают. Призрак бедности, заставляющий их гнаться за все более высоким потребительским статусом, мешает им осознать свое подлинное место в социальной структуре.

Опаснее всего то, что удовлетворение растущих потребительских запросов притупляет чувство социального стыда, создает видимость того, что мечта о безбедной жизни стала реальностью. В действительности, представители среднего класса, увлекшись потребительскими радостями, забывают, что бедность в широком смысле слова (в том смысле, в каком она была осознана на заре Нового времени «третьим сословием») связана не только с отсутствием еды или одежды, но и с оторванностью от «высокой» культуры и политическим бесправием. Средний класс уже лишился части завоеванных ранее позиций в культурном и политическом пространстве, в результате чего культурные и политические процессы стали в значительно большей степени, чем тридцать лет назад, управляться экономической элитой, преследующей эгоистические цели.

Конечно, было бы наивно рассчитывать, что созданный медиа призрак бедности перестанет пугать средний класс и его представители утратят страх перед снижением собственного потребительского статуса. **Однако экономический кризис, порождающий бесчисленные политические угрозы, одновременно предоставляет среднему классу возможность вновь осознать бедность не столько как невозможность удовлетворить потребительские запросы, но и как унижение своего гражданского и человеческого достоинства, как унижительную зависимость от чужой воли и мнения.** Если подобное сознание станет реальностью, средний класс вновь почувствует социальное родство с более бедными слоями «третьего сословия». А это в свою очередь даст шанс на возрождение просвещенческого дискурса, точнее говоря, на появление его новых форм, соответствующих современным социальным и культурным реалиям, способным стать основой для социального прогресса в нынешних условиях.

Крупнейшие протестные выступления среднего класса на постсоветском пространстве, демонстрации 2011–2012 гг. в Москве и киевский майдан 2013–2014 гг. не дали сколько-нибудь заметного стимула восстановлению политической практики, возникшей под влиянием «просвещения». Участники протестных акций не выдвигали собственных экономических требований и предлагали изменить политическое устройство.

Они готовы были смириться с существующим социально-экономическим строем, обрекающим большую часть общества на наследственную бедность, при условии, что политическая власть станет более ответственной и честной, будет прислушиваться к голосу среднего класса, перестанет нарушать закон и поощрять коррупцию. Эти требования трудно назвать реалистическими, в условиях олигархического капитализма осуществить их принципиально невозможно. Но российский и украинский средний класс побоялся выдвинуть программу социальных преобразований, поскольку не желал брать на себя ответственность за развитие общества и отказываться от привычного образа жизни, связанного с различными видами статусного потребления (от регулярных зарубежных путешествий до приобретения загородных домов).

За отказ от борьбы за социальные преобразования среднему классу России и Украины придется довольно дорого заплатить. Российскому – арханизацией общества и резким усилением бюрократиче-

ского произвола, украинскому – системной слабостью государства, которое в обозримом будущем не сможет восстановить социальную стабильность. В подобных условиях качественное потребление удастся обеспечить только высшим слоям общества, а социальным группам, составляющим украинский средний класс, придется надолго распрощаться со своим нынешним потребительским статусом. Вполне возможно, что через несколько лет с подобной проблемой столкнутся и представители среднего класса России.

Справедливости ради нужно отметить, что по сравнению с московскими митингами киевский майдан представляет значительный шаг вперед. Российский протест отступил перед призраком бедности. Когда стало ясно, что власть добровольно не пойдет на демократизацию системы управления и за политические преобразования придется бороться, средний класс утратил интерес к уличной активности. Очевидно, что переход к открытому противостоянию с властью создал бы тяжелые угрозы для социальной стабильности и привычного образа жизни. Украинский средний класс этого не испугался. После того как режим Януковича попытался подавить протест, открыто отказавшись прислушаться к майдану, его сторонники вступили в опасную борьбу за свое право на личное достоинство и уважение со стороны власти. При этом украинский средний класс сражался вместе с бедными, которые впервые стали важной частью протестного движения.

Правда, выходцам из беднейших слоев общества не позволяли руководить протестными акциями или представлять протестное движение в публичном пространстве. Однако средний класс, несомненно, продемонстрировал способность к совместной деятельности с более бедными социальными группами и готовность защищать не только собственные потребительские претензии, но и универсальные социальные ценности (пока еще плохо осознаваемые).

Это значит, что постсоветский средний класс постепенно возвращается к ценностям Просвещения (пусть еще очень робко), преодолевая мифы, созданные массовой культурой капиталистической периферии, и страхи, которые насаждают ведущие медиа. Просвещение в XVIII в. разогнало химеры, порожденные разлагавшимся традиционным обществом, которые подавляли и унижали «третье сословие». В своих новых формах (пока трудно судить, какими именно они будут) просвещенческий дискурс

уничтожит созданный корпоративным капитализмом призрак бедности, мучающий средний класс.

Марко Черветти, писатель

УГАСШИЕ НА ХОЛМЕ (БУДУЩЕЕ ИТАЛИИ). ПО МОТИВАМ ЭДГАРА ЛИ МАСТЕРСА

В статье известного итальянского писателя и философа Марко Черветти рассказываются истории жизни молодых итальянцев. Эти истории написаны в форме своеобразных эпитафий, в подражание поэме американского поэта и прозаика Эдгара Ли Мастерса (1869–1950) «Антология Спун-Ривер» (Spoon River Anthology, 1915), повествующих о судьбах жителей провинциального городка.

*Где Элмер, и Герман, и Берт, и Том, и
Чарли,
Слабак, силач, посмешище, пьяница,
труженик?
Все, все спят на холме.*

Э.Л. Мастерс

С. Оканчивает с отличием один из престижных университетов. Докторантура за пределами Италии. Владеет пятью языками, включая японский и румынский. Весьма предприимчив, обладает привлекательной внешностью. Высокая степень ответственности. Во время обучения за границей совмещает учебу с преподаванием в местном университете латинского языка и литературы. По возвращении на Родину рекомендован на работу в качестве одетого в национальный костюм продавца билетов на улице. После многих месяцев изнурительного поиска нанят в качестве клерка в пункт обмена валют. Работает там достаточно долго. Становится продавцом в магазине муранского стекла. Серая зарплата. Готовится окончательно покинуть Родину.

Н. Оканчивает с отличием один из престижных университетов. Знает три языка, среди которых немецкий. Имеет опыт работы за рубежом. Его эрудиция настолько широка, что с ним консультируются все, начиная от

профессуры и заканчивая местными интеллектуалами, которые прозвали его Маэстро. Работает мойщиком посуды в одном из ресторанов друзей. В свободное время работает ночным охранником в гостинице. Он расслабляется только по вечерам в баре.

Д. Оканчивает пятилетнюю магистратуру в течение двадцати лет. Кругозор – от минимального до среднего, никакой склонности к предмету. Отец Д. – самый важный архитектор города, бюро которого находится в одном из палаццо на главной площади города. Отец передал все дела сыну. Недавно сын купил себе новый мотоцикл.

С. Окончил с отличием престижный университет. Годичный курс по специальности за рубежом. Владеет пятью языками, среди которых китайский и турецкий. Проведя много лет за границей, где преподавал в различных институтах и участвовал в международных проектах, вернулся на Родину и открыл фирму. Спустя год изнурительной работы не получает денег от заказчиков, всех сбережений не хватает, чтобы заплатить налоги. Оставшись без дома, он закрывает компанию и уезжает навсегда.

Р. Образцовый студент в университете. Диплом с отличием. Три кандидатских диссертации в Нью-Йорке, Берлине и Лондоне. Специалист в своей области, преподавал в Оксфорде. Возвращается домой по семейным обстоятельствам, ищет временную работу. Около года работает в качестве посудомойщика, затем бармена. Мы простились с ним вчера – он уехал. Ему предложили должность профессора по контракту в одном из университетов за границей. Обещал возвращаться к нам лишь в отпуск.

Г. После среднеобразовательной школы Г. решает не продолжать обучения. Его призвание – быть панком. Мы наблюдаем его в течение многих лет, одетого в кожу и лохмотья, с шипами и татуировками, пьющим пиво и разбивающим бутылки. Он ненавидел отдельно взятых буржуа и буржуазию как класс. Ненавидел саму социальную организацию общества, потому что был анархистом. Однажды мы увидели его опрятным, в костюме и при галстуке. Он прошел с видом «я делаю, что хочу». Его отец, член городской администрации, подыскал сыну место в муниципалитете, в отделе реестров. Теперь, когда буржуа запрашивает у Г. какой-либо документ, – он его делает. И даже улыбается.

І. Оканчивает факультет архитектуры. Средний студент. Владеет английским языком. После университета сразу переезжает в Лондон,

где находит работу в крупном архитектурном бюро. Через несколько лет становится управляющим партнером этого архитектурного бюро. Еще через несколько лет он открывает собственное дело, в котором работают сотни архитекторов, в том числе многие из его однокурсников. Теперь он переехал в богатую и развивающуюся страну, где фактически основал свою архитектурную империю. Он женат, счастлив, богат. Когда мы были студентами, то довольно часто ему нечего было есть.

S. Старший из четырех детей, без высшего образования. Когда отец умирает, S. берет на себя управление маленькой семейной мастерской. После нескольких лет, посвященных исключительно работе, ему удается создать производственный центр, вышедший на мировой рынок. Из шести сотен рабочих и руководителей маленькой провинциальной империи, большинство являются членами семьи, друзьями, знакомыми друзей. Из-за переутомления S. серьезно подрывает свое здоровье. Братья, видя S. ментально и физически ослабленным, избивают его и вынуждают передать им права на владение всем имуществом и компанией. Сейчас S. живет в лачуге, бедный и больной. Он даже не может позволить себе купить лекарства.

D. Категорически отвергает любую поддержку отца – мэра города. С отличием окончил университет. Хорошо владеет английским языком. После университета D. в течение многих лет безвозмездно работает в городской газете. В настоящий момент работает фотографом на выставках и вечеринках, только так способен содержать себя. Он молодец.

F. Молодой, но уже признанный ученый. Годы учебы и докторантуры за границей. Его научные статьи переводятся на многие языки. F. становится крупным ученым в своей области. Несмотря на предложения из университетов всего мира, вынужден оставаться в своем городе из-за больной матери. В местном университете занимается бумажной работой и замещает преподавателей. Многие его коллеги рангом выше перекладывают неблагодарную работу на F., тем самым унижая его. Он всегда в поисках подработок, которые дополняют его зарплату в двести евро и дают шанс выжить. Один раз, сидя в кабаке, он сказал нам, что тут делается все для уничтожения высшего образования.

A. Архитектурное образование. Средний студент. Не хотел покидать Родину, нашел работу чернорабочего на стройке, решив таким образом

понять строительство изнутри. Говорил, что это важно для специальности. Прошло время, он не находит работы архитектором. А. повысили по службе – после долгих лет разгрузки цемента он стал каменщиком.

М. Учился на бухгалтера. Результаты посредственные. Сын богатого производителя мрамора. После многих лет безделья и кокаина, папа назначает М. руководителем зарубежных проектов в своей компании. «Кажется, ему понравится ездить в командировки, такая работа будет удерживать его в рамках», – говорила мать. После нескольких лет катастрофических контрактов и расточительства сына-дегенерата, отец вынужден закрыть свою компанию. В последний раз мы видели М. работающим в качестве зызывалы на дискотеке в Лос-Анджелесе.

А. Техническое среднеспециальное образование. Высшее образование в области юриспруденции. Очень ответственный. Хорошее знание английского языка. Чтобы оплатить учебу, устраивается рабочим на фабрику. Не найдя способа иначе заработать на жизнь, остается на фабрике и после университета. После долгих лет кто-то из офиса замечает А. Его повышают до служащего. Спустя некоторое время он женится, рождается прекрасный сын. С помощью родителей и взяв банковский кредит, А. покупает квартиру. Он хороший муж. Он отличный отец. Он счастлив.

С. Изучает юриспруденцию в престижном университете. Около двух лет работает у одного адвоката в качестве стажера, который не платит, но взимает плату в размере шестисот евро в месяц – утверждает, что мало тех, кто возьмет С. для практики. На деле С. переставляет папки с документами и иногда готовит всем кофе. Еще и платит. Предыдущие два года С. провела в подготовке к сдаче экзаменов в гильдию адвокатов. Вступает в гильдию. Находит работу в другом городе, куда переезжает. Съем одной комнаты стоит дорого, примерно в два раза больше ее месячной зарплаты, которая составляет двести евро. Все это для того, чтобы набраться опыта, прежде чем жить одной, без помощи родителей. Ей тридцать пять лет. Скоро она выйдет замуж и станет домохозяйкой.

S. Оканчивает престижный университет. Отличный кругозор и объем специальных знаний. Его образование предполагает минимум десять лет практики, прежде чем начать работу по специальности. В то же время S. должен еженедельно платить профессору, который ведет его практику. И ежегодные налоги. Чтобы выжить, работает в организации при больни-

це – гуляет с детьми-инвалидами. Однажды его зарплата после удержания новых налогов составила минус двенадцать евро.

С. Диплом с отличием. Знает языки и отлично приспосабливается к ситуации. Многие годы успешно работает за границей по специальности. По семейным обстоятельствам вынужден вернуться домой, сохранив при этом свою работу за границей. Через некоторое время женится, рождается сын. Вынужден оставить работу за границей. Поиск работы в своем городе приводит его на место оператора телефонной линии ночного такси. После каждой ночи, проведенной в выслушивании оскорблений от таксистов, которые зарабатывают в десять–двадцать раз больше, подумывает о том, как хорошо было бы уехать со своей семьей навсегда.

А. Диплом с отличием. Знание языков. Высокий профессионализм. Во времена студенчества является центральной фигурой культурной жизни города. После окончания учебы зарабатывает на жизнь переводами. Благодаря накоплениям, сделанным за годы работы, и помощи родителей открыл собственный книжный магазин. После нескольких лет скудных заработков, огромных налогов и бойкота больших дистрибьюторов вынужден закрыть магазин. После года безработицы он готовится переехать в Бельгию.

С. и Ф. – два брата, сыновья пастуха. Родители отправили сыновей учиться, несмотря на стесненные экономические обстоятельства. Оба оканчивают университет с хорошими оценками. После долгого периода, проведенного за работой по краткосрочным контрактам, зарабатывая 500 евро в месяц, решили вернуться в горы, чтобы продолжить дело своего отца. В это время местная высшая буржуазия решает создать в деревеньке, где проживает вся семья, модный горнолыжный курорт для состоятельных людей. Отец С. и Ф. пользуется случаем и продает свои земли за невероятно высокую цену. Братья возвращаются в город и покупают шикарный палатко в центре, живут как рантье. Недавно они основали журнал.

В. Сын мелкого ломбардского промышленника. Отец настоял на выборе специальности в университете. Учеба не задалась. В. объясняет это отсутствием призвания к выбранной родителями профессией. Бросает университет и посвящает себя нью-эйджу: йога, фэншуй, «энергии» и «вибрации». В течение многих лет систематически разбазаривает состояние

отца, который, скончавшись, завещает весь семейный бизнес сыну. Во время экономического кризиса и без малейшего представления о специфике отрасли сын за два года доводит предприятие до закрытия и увольнения двухсот сотрудников. Отложив в сторону практики нью-эйдж, в настоящее время посвятил себя импорту-экспорту со странами Дальнего Востока. Он не знает даже английского языка.

С. Сын рабочих. Посвящает свою жизнь искусству, совмещенному с тяжелой работой. Спустя многие годы открывает свое дело за рубежом, где обретает экономическую стабильность и международный престиж. Женится, заводит детей. Жена настаивает на возвращении на Родину. Он продает свой бизнес, возвращается в свой город, покупает дом и находит работу без зарплаты – за процент от сделки. Через год проценты не были выплачены, жена подает на развод. Суд оставляет жене детей, дом и имущество, требуя выплаты алиментов. Без дома, семьи и работы он возвращается за границу, где начнет новую жизнь.

D. Оканчивает один из самых блистательных университетов. Говорит на нескольких языках, владение которыми востребовано на рынке труда (так ему говорили многие). Не имеет постоянной работы. Несколько лет работает по месячным и квартальным контрактам, после которых остается лишь неудовлетворенность и долги. D. решает переехать за границу, в страну с так называемой развивающейся экономикой. В новой стране D. быстро находит себе достойную работу, дом и семью. Часть своего времени он посвящает переводам. Открывает свое издательство. Иногда он приезжает навестить нас и всегда приглашает переехать к нему, чтобы получить путевку в жизнь.

N. Молодой человек из приличной семьи посвящает свою жизнь театру и режиссуре. С великолепными результатами учится в различных престижных театральных и режиссерских школах, набираясь бесценного опыта. Тогда ему говорили, что он слишком молод, чтобы быть режиссером. Он должен набраться еще больше опыта, прежде чем поставить самостоятельно какой-либо спектакль. Год за годом N. не принимают на важную для него работу из-за его гетеросексуальности, которая автоматически исключает N. из замкнутого круга гомосексуальной театральной касты, тогда как другие, часто с отсутствием опыта и таланта, занимают его место. Он начал работать за границей, где обрел огромный успех. После долгих лет

блестящей карьеры за границей, N. возвращается на Родину, уверенный в том, что теперь его должны оценить. Но театральная каста отвергает его вновь, и он окончательно покидает и касту, и Родину.

L. Юридическое образование. Посредственные результаты. Завершив учебу, L. поступает на практику, готовится держать экзамен в гильдию адвокатов. Практику проходит в конторе известного адвоката. Пожилой юрист находит в юной девушке вторую молодость, соблазняет ее и делает своей любовницей. Карьера L. идет в гору, она быстро сдает экзамены и становится адвокатом, ей сразу доверяют громкие дела. Состоятельная и известная, она часто проходит мимо того места, где собиралась наша компания. Но больше не здороваются, полагая, что она лучше нас, копошащихся в грязи.

F. Он всегда мечтал стать певцом. С детства обладал потенциалом и возможностями. Но друзья, учителя и даже приходской священник просили его перестать мечтать о глупостях и посвятить себя учебе и работе. Они хотели видеть его швейцаром в муниципалитете или сотрудником банка. Несмотря на то, что общество мелких людей делало все возможное для подавления его устремлений, F. все же продолжал усердно заниматься вокалом и писать песни. Сегодня он достаточно известный певец, все уважают его талант. И все же F. вынужден работать помощником бухгалтера, чтобы выжить. Я надеюсь, что он продолжит петь, хотя бы назло окружающим, которые не верят ни во что.

S. Диплом престижного университета с отличием. Владение пятью языками. Уникальное знание своего города, которое надеется применить в сложной профессии гида. Несколько лет посвящает сдаче экзамена на патент гида, который наконец открывает для S. перспективы получения работы. Но S. тут же понимает, что рынок экскурсионных услуг находится в руках нелегальных гидов (с ужасающим знанием истории и искусства), связанных с криминальной группировкой. Когда работы практически не остается, гиды, имеющие лицензию, объединяются для публичного заявления о происходящем и протеста. Все плохо заканчивается. Полиция, коррумпированная криминальной группировкой, насильственно прерывает сидячую забастовку, а «братки» предупреждают каждого гида по отдельности, что если они хотят жить, то должны молчать и сменить работу. Избитый несколько раз и оказывающийся все чаще без работы S.

по-прежнему остается гидом своего города, который любит все меньше, и, возможно, скоро уедет навсегда.

В. Блестяще оканчивает крупный государственный университет, мечтает посвятить свою жизнь учебе и исследованиям. Заявляет о своем участии в конкурсе среди аспирантов. После регистрации В. получает от своего профессора явную угрозу – конкурс подготовлен только для его любовницы и никто другой не может подать заявку. В случае отказа снять свою кандидатуру профессор клянется В., что тот никогда не найдет работу в этой стране. Оценив ситуацию, В. продолжает обучение за границей. Сегодня В. – преподаватель в крупнейшем университете мира, и университеты нашей страны готовы платить любые деньги за его лекции.

З. Дипломированный специалист по изучению античных манускриптов. После долгих лет учебы, стажировок и сотрудничества с музеями и библиотеками, сейчас он больше никому не нужен. З. старается зарабатывать любым способом – носит продукты домохозяйкам в обмен на еду. Уже много лет как потерял надежду на будущее, на создание семьи, на собственный дом, на работу. Он говорит, что наше поколение было выметено, оно мертво. **Гордость и амбиции, желание творить и развиваться давно исчезли, мы сегодня являемся непризнанной парией, без амбиций, без мечты, теми, кто смирился с положением «отходов общества», теми, кто потратил лучшие годы на образование, не нужное никому.** Над нами насмеются, и никто не понимает, о нас говорят, как обычно говорят о несуществующем предмете. Нам остается лишь вежливо попрощаться и покинуть подмостки в темноте занавеса.

Москва–Венеция

Кристоф Буттервеге, журналист

НЕОФЕОДАЛИЗМ В ФИНАНСОВО-РЫНОЧНОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Большое богатство в Германии приобретается, в основном, за счёт массовой эксплуатации иностранной рабочей силы (промышленно-капиталистическая модель обогащения в XIX и XX вв.), успешной спекуляции на финансовых рынках (модель обогащения «казино-капитализма» в конце

XX в. и в XXI в.) или же благодаря большому наслeдству – средневековая модель феодального общества, которая сейчас переживает второе рождение. Под влиянием норм, освобождающих наследство и имущество предприятий от налогов и законодательно зафиксированных немецкими партиями ХДС, ХСС, СвДП и СДПГ в двух разных коалиционных правительствах, Германия вновь превращается в «родовое общество». Такое определение французский экономист Тома Пикетти даёт стране, где размер «отцовского наследства» играет решающую роль в том, кто богат, а кто беден.

Для того чтобы данная форма неофеодализма смогла закрепиться в финансово-рыночном капитализме, государство должно быть сдержаннее в случаях наследования или дарения и отказаться от высокого налогообложения наследников. Правительство, парламент и Конституционный суд, в конце концов, заняли позицию защиты наиболее богатых и влиятельных семей ФРГ. В то время как не менее 1,64 млн детей в возрасте до 15 лет (из 10,65 млн общего числа детей данной возрастной группы) живут в нуждающихся семьях, получающих пособия, **самые богатые наследники страны были осыпаны «налоговыми подарками» стоимостью в миллиарды.**

Приговор суда и законопроекты

Решением от 17 декабря 2014 г. Федеральный конституционный суд предоставил законодателю право отдавать предпочтение имуществу предприятий перед прочими видами имущества, если на то имеются общие и частные основания, служащие достижению блага. Тем не менее, Первый Сенат раскритиковал отдельные нормы закона о налоге на наследство и дарение, например, освобождение большинства компаний от обязательства на постоянном уровне поддерживать несколько лет общую сумму зарплаты, то же в отношении неограниченного предоставления льгот очень крупному имуществу, а также регулирования имущества, принадлежащего административным органам: разрешается, чтобы имущество предприятия, попадающего под льготы, на 50% (в случае регулируемого освобождения от налогов) или на 10% (опционально в случае полного освобождения) со-

стояло из имущества, принадлежащего административным органам. Сюда включаются, например, переданные в пользование третьих лиц участки земли и постройки, произведения искусства и ценные бумаги.

Федеральный министр финансов Вольфганг Шойбле в феврале этого года представил двухстраничный документ с оценочными критериями по пересмотру налога на наследство для имущества компаний; пересмотр, по его собственному определению, должен был ограничиться «минимальными инвазивными поправками». Вместо того чтобы придерживаться низкой (согласно постановлению Федерального конституционного суда, непропорционально низкой) границы для имущества административных органов, ниже которой всё имущество компании получало налоговые послабления, Шойбле дал новое определение имуществу, которому предоставляются льготы: теперь освобождённым от налога на наследство и дарение может оставаться только такое имущество, которое, исходя из своей основной задачи, изначально используется для осуществления сельскохозяйственной, лесопромышленной и ремесленной деятельности, а также деятельности свободных профессий. Шойбле хотел отказаться от контроля заработной платы в компаниях стоимостью до 1 млн евро.

Согласно его оценочным критериям, верхней границей освобождения от налогов должна стать сумма в 20 млн евро. Если стоимость подаренного или унаследованного имущества превышает этот необлагаемый налогом минимум, налоговая инспекция должна подвергнуть бенефициара «проверке на личные потребности» и, таким образом, определить, способен ли тот лично погасить налоговый долг из переданного (непроизводственного) или прочего, уже существующего (частного) имущества.

Разумным, согласно документу с оценочными критериями, является использование 50% наличного имущества. Отсрочка выплаты налога предоставлялась на тот случай, если приобретателю вначале необходимо превратить имущественные объекты в наличные деньги. В то время как ведущие политики СДПГ безоговорочно поддерживали документ Шойбле, ХСС и экономическое крыло ХДС отклонили так называемую нижнюю границу компенсации (1 млн евро), размер контрольного порога для потребности в освобождении от налогов (20 млн евро), а также обращение к личному имуществу. Шойбле пришлось договариваться и с федеративными землями, которые могли бы взимать налог на наследство и дарение и заблокировать

закон в Бундесрате. Поскольку Бавария, управляемая ХСС, во главе с министром финансов Маркусом Сёдером и премьер-министром Хорстом Зеехофером, стремится к регионализации налога на наследство и дарение, чтобы иметь возможность привлекать ещё больше богатых и очень богатых людей в Южную Германию. Земля Баден-Вюртемберг, управляемая «зелено-красными», хотела ещё больше пойти навстречу предпринимательским семьям и подняла тему контрольного порога в 100 млн евро.

Лоббисты одерживают полную победу

Хотя Шойбле желал лишь избежать последующего поражения в Карлсруэ и, следовательно, хотел несколько строже сформулировать нормы (которые Федеральный конституционный суд считает несоразмерными) об освобождении от налогов, семейные предприниматели уже вопили, причитали и угрожали уходом либо гибелью внутренних промышленных площадок. **В дискуссии о пересмотре налога на наследство Шойбле не строил из себя – как на переговорах по кредитам для Греции – «саму несгибаемость», а делал промышленным лоббистам одну уступку за другой.** Вначале снизилась нижняя граница компенсации, привязанная к стоимости компании, вместо которой ограничились предприятиями с числом занятых не более 3-х человек как верхней границей для исключения из регулирования заработной платы. Для предприятий с количеством сотрудников от четырёх до десяти были введены новые послабления. Для них минимальный размер заработной платы составляет 250% от стоимости, существовавшей в год получения наследства или подарка, если компания продолжает деятельность в течение пяти лет (регулируемое освобождение от выплат), и только 500 %, если оно продолжает деятельность в течение семи лет (опционное освобождение от выплат).

Кроме того, в законопроекте Федерального министерства финансов от 1 июня 2015 г. для компаний с обычными для концерна капиталовложениями был создан второй контрольный порог в размере 40 млн евро. Притом крупным наследникам выше соответствующего контрольного порога предоставили право выбора в отношении проверки целесообразности освобождения от налогов. Наконец, приобретатели, не желающие использовать и/или раскрывать личное имущество, получили возможность, – вместо того

чтобы выплачивать налог на наследство или дарение из своего прочего (личного) имущества, – сильнее обременять унаследованное или подаренное предприятие, хотя именно его законодатель якобы и хочет защитить.

В июне 2015 г. на ежегодно проводимом Фондом семейных предприятий «Дне немецкого семейного предприятия» в Берлине Ангела Меркель приободрила своих слушателей: «Речь не просто о рабочих местах и практической пригодности, а о конституционном соответствии закона. Но Шойбле выбрал возможный подход и после многочисленных бесед внёс дополнительные варианты, с помощью которых мы, как и прежде, защищаем ядро, а именно наследуемое имущество». Меркель успокоила «ценных семейных предпринимателей», сославшись на «Закон Штрука», согласно которому ни один законопроект не выходит из Бундестага без изменений, и заверила, что «отчётливо осознаёт тонкость обсуждаемого предмета»: «Вы можете рассчитывать на то, что мы стараемся найти нормы, которые вам помогут».

Фактически ХДС, ХСС и СДПГ в принятом 8 июля 2015 г. правительственном законопроекте пошли на ещё большие уступки предпринимательским семьям. Так, налоговый порог, ниже которого не производится контроль потребности в освобождении от налогов, был повышен до 26 млн евро (для обычных семейных предприятий) и до 52 млн евро (для семейных предприятий с корпоративными структурами). Для компаний с числом занятых более 10, но не более 15-ти, обязательство по сумме заработной платы, т.е. регулирование сохранения рабочих мест, вновь смягчилось. Таким образом, минимальный размер заработной платы составляет 300%, если такое предприятие продолжает деятельность в течение пяти лет, и 565% – если в течение семи лет. Из-за поправок к первоначальному проекту новое законодательное регулирование налога на наследство и дарение в целом было до того усложнено, что оно в лучшем случае будет понятно наиболее опытным налоговым специалистам (крупных компаний).

Нарушен принцип равенства

Остаётся достаточно лазеек для передачи огромных состояний без уплаты бенефициарами налогов. Так, предоставляется возможность передачи компании детям уже к моменту, когда они ещё не в состоянии

распоряжаться значительным имуществом и потому, несмотря на нововведённый контроль потребности в освобождении от налогов, могут по-прежнему вступать во владение корпорацией вне зависимости от её стоимости. Даже если компания стоит миллиарды, а бенефициар является очень состоятельным, но не желает раскрывать свои имущественные отношения, ему после продолжения деятельности компании в течение семи лет и соблюдения норм заработной платы придётся отчислять не более 19,5% налога на наследство или дарение.

Продолжающееся предоставление привилегий имуществу предприятий в рамках налогового права является подлым, чисто капиталистическим и ничем не оправданным, поскольку противоречит принципу равенства, зафиксированному в Конституции: «Все люди равны перед законом». Специальный налоговый режим для наследников компании доводит до крайности предоставление государственных льгот собственникам капитала в гражданском обществе. Нет никакого разумного основания для такого повышения благосостояния наследников компаний, поскольку те не обязаны ни обеспечивать данные рабочие места, ни личным имуществом защищать предприятия, которыми они управляют под личную ответственность. Количество рабочих мест из-за реформ налога на наследство, проводимых большой коалицией, несомненно, не уменьшится, вопреки заявлениям лоббистов. По всей вероятности, ввиду чрезвычайно сложных правил кодекса, появится даже больше рабочих мест для налоговых экспертов, инвестиционных консультантов и управляющих активами. По существу запланированное введение новых норм в отношении налога на наследство и дарение мало что изменит в действующем праве, поскольку предоставление привилегий предпринимательским семьям зафиксировано лишь ограниченно. Как и прежде, эти семьи смогут передавать имущество своего предприятия без выплаты налогов бенефициарам. Во всяком случае, им не придётся пользоваться более благоприятным налоговым режимом где-нибудь за рубежом, чтобы насладиться своим богатством в полной мере. Поскольку **ФРГ, тем временем, сама стала настоящим раем для налогов на наследство, капитал и прибыль.**

*Оригинал статьи опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Даг Сондерс, журналист

БОГАТЫЕ БОГАТЕЮТ, ПОЧЕМУ НЕ БОГАТЕЮТ БЕДНЫЕ?

Богатые становятся богаче, никто не возьмется это отрицать. Некоторые из них становятся намного богаче. А как обстоит дело с бедными? Очень часто их попросту игнорируют. Иногда мы даже не знаем, кто это такие.

Если верить исследованиям, то сегодня финансово-имущественное неравенство в глобальном масштабе достигло рекордной отметки. Статистики утверждают, что к концу нынешнего года 1% самых состоятельных жителей планеты суммарно аккумулирует больше материальных благ, чем все остальное человечество. Обеспеченные становятся более обеспеченными, причем богатеют они быстрыми темпами – это является отдельной серьезной проблемой, поскольку существенная часть их богатства никогда не обкладывается налогами.

А как обстоит дело с беднейшими? Кто они? Экономист Феликс Салмон исследовал данные международного холдинга финансовых услуг Credit Suisse и пришел к выводу, что «считающиеся бедными слои населения иногда включают в себя достаточно обеспеченных людей». Представьте себе проживающую в Ванкувере семью профессионалов с общим доходом в 360 тыс. долл., пятью детьми, обучающимися в частных школах, няней, живущей в доме, и ипотечным долгом 800 тысяч долларов за дом ценою в 1,1 миллион. Эта семья тоже попадает в категорию беднейших 10%, она беднее, чем 1,3 млрд граждан Китая. И все из-за того, что если вычесть из доходов долги, то семья из Ванкувера оказывается в минусе на несколько сотен тысяч долларов. **Если измерять не уровень недостатка, а чистый доход, результаты будут иными. 5% самых высокооплачиваемых работников-индийцев в среднем зарабатывают меньше, чем 5% беднейших работающих американцев.**

О подобном неравенстве пишет экономист Всемирного банка Бранко Миланович, детально изучивший данные каждой страны, касающиеся финансового положения домохозяйств. Его исследование охватывает 95% населения планеты. Миланович пишет, что в 2014 г. до сих пор стабильно

растущий уровень неравенства снизился. Это произошло впервые за 7 лет главным образом вследствие роста доходов граждан Индии и Китая, а также из-за того, что экономическое развитие многих западных стран несколько замедлилось. По сравнению с 1990-ми, когда доходы человечества четко делились на максимальные (Запад) и минимальные (все остальные), сегодня наибольший совокупный доход получает «всемирный средний класс», представители которого в среднем зарабатывают 5 тысяч долларов в год.

Это интересная информация, но она ничего не говорит о том, как распределяются доходы внутри стран. Вливаются ли представители бедных слоев в средний класс, получив образование, хорошую работу или открыв малый бизнес, или все это лишь помогает им стать менее бедными? Это уже вопрос не столько социального неравенства, сколько социальной мобильности. Если вы родились в бедности, каковы ваши шансы умереть не бедным? **Неравенство перестает быть решающим фактором, если у вас есть возможность мигрировать из одной категории населения в другую. Социальная мобильность является крайне важным показателем.** Согласно большинству исследований, в наши дни ее уровень снижается. Профессор Университета Оттавы Майлз Корак исследовал уровень социальной мобильности в 22 странах. Худшими признаны Китай, Бразилия и Перу. Профессор Корак отмечает, что эти страны в последние десятилетия успешно боролись с бедностью, сотням тысяч их граждан удалось вырваться из нищеты на грани голода, характерной для сельской местности.

Однако исследования профессора Университета Оттавы показывают и то, что эти граждане по-прежнему остаются бедными, просто их бедность уже не такая кричащая. Другие исследования говорят о том, что социальная мобильность в Китае 10 лет назад была выше, чем теперь. В тот период времени у китайцев было больше шансов вырваться из бедности, сегодня прогресс остановился. Широкие слои жителей Китая стали бедными горожанами, это уже не тот уровень бедности, который грозит голодной смертью, однако ежедневная борьба за существование по-прежнему необходима. **Страны с наивысшим уровнем социальной мобильности, включая государства Скандинавии и Канаду, – это, как правило, страны с мощными механизмами социальной защиты и активными правительствами.** И то и другое позволяет снизить уровень неравенства

и стимулирует социальную мобильность. Глядя на опыт подобных стран, можно утверждать: для того чтобы бедные перестали быть бедными, требуется национальный проект.

Оригинал статьи опубликован в газете The Globe and Mail

Перевод Станислава Варыханова

Михаил Хосудовский, экономист

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОЛОД

Человечество вступило в период беспрецедентного экономического и социального кризиса, который характеризуется стремительным обнищанием крупных сегментов населения мира. Рушатся национальные экономики, растет безработица. Локальные очаги голода возникают в Африке, Южной Азии, регионах Латинской Америки. «Глобализация бедности» в странах третьего мира, во многом перечеркнувшая достижения послевоенной деколонизации, совпала с долговым кризисом начала 1980-х и разрушительными реформами, инициированными Международным валютным фондом.

Новый Мировой Порядок «кормится» за счет бедности людей и уничтожения окружающей среды. Он порождает социальный апартеид, провоцирует расизм и межэтнические трения, угрожает правам женщин, нередко толкает целые страны в водоворот разрушительной национальной вражды. Начиная с 1990-х годов в орбиту Нового Мирового Порядка угодили все ключевые регионы планеты, включая Северную Америку, Западную Европу, государства бывшего Советского блока и «новые индустриальные страны» (NICs) Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Этот глобальный процесс оказался более опустошительным, чем Великая депрессия 1930-х, Новый Мировой Порядок привел к масштабным геополитическим потрясениям, при которых экономическое разорение стран сопровождается вспышками региональных войн, поляризацией наций, а в некоторых случаях – разрушением государств.

Мир проходит через горнило самого серьезного экономического кризиса в современной истории. Результатом реструктуризации мировой экономики с помощью «свободного рынка» – процесса, корни которого уходят в долговой кризис начала 1980-х, – становится голод.

Этот феномен не является чем-то новым, как это утверждают некоторые западные газетные обозреватели. Современные исследования находят корень проблемы в краткосрочных перебоях с поставками сельхозпродукции и запросе на новые виды сельскохозяйственных культур, упуская из вида более существенные, «структурные» причины глобального голода.

Голод возникает там, где изначально господствовали бедность и хроническое недоедание. Рост цен на продукты питания накладывается на углубление продовольственного кризиса. Растущие цены на продукты бьют по карманам обедневшего населения, для которого становится актуальным элементарное выживание.

Голодные бунты практически одновременно вспыхивают во всех ключевых регионах мира. «Цены на продукты в Гаити выросли в среднем на 40% в течение менее чем года, при этом на некоторые сельскохозяйственные культуры, например на рис, они удвоились... Порядка 20 тысяч работников текстильной промышленности Бангладеш вышли на улицы, протестуя против роста цен на еду и требуя повышения зарплаты. В этой стране цена риса за последний год удвоилась, угрожая голодом рабочим, чья зарплата составляет 25 долларов в месяц... В египетском городе Махалла Аль-Кобра, расположенном к северу от Каира, рабочие, протестуя против роста продуктовых цен, забросали камнями текстильный центр, акции продолжались два дня, двое человек погибли от рук сил безопасности. Сотни участников протеста арестованы, правительство бросило подразделения полиции в штатском на предприятия с целью заставить рабочих работать. В течение года цены на продукты в Египте выросли на 40%... В начале месяца тысячи граждан Берега Слоновой Кости вышли на марш к резиденции президента, скандируя: «Мы голодаем!» и «Жизнь дорожает, ты нас убиваешь!»... Подобные демонстрации, забастовки и столкновения сотрясали Боливию, Перу, Мексику, Индонезию, Филиппины, Пакистан, Таиланд, Йемен, Эфиопию, африканские регионы, граничащие с Сахарой», – писал несколько лет назад обозреватель Билл Ван Окен в статье, опубликованной ресурсом GlobalResearch.ca.

«Ликвидировать бедных»

Когда широкие слои населения живут за чертой бедности, даже краткосрочный рост цен на сельскохозяйственные продукты становится для людей опустошительным. Миллионы человек во всем мире не могут позволить себе купить продукты, необходимые для того, чтобы попросту выжить. Взлеты цен ведут к «ликвидации бедных», обреченных на голодную смерть. Генри Киссинджер как-то сказал: «Контролируя нефть, вы контролируете народы, контролируя продукты питания, вы контролируете людей». В контексте этого заявления интересно проанализировать разработанный Киссинджером в 1974 году «Меморандум исследования проблем национальной безопасности–200: Последствия роста населения мира для безопасности и глобальных интересов Соединенных Штатов» (National Security Study Memorandum 200: Implications of Worldwide Population Growth for U.S. Security and Overseas Interests). **Периодические рецидивы голода в различных уголках планеты могут де-факто свидетельствовать об установлении контроля над численностью населения...**

Два взаимосвязанных измерения

Продовольственный кризис, загнавший миллионы людей в хроническую нужду и голод, имеет две взаимосвязанные составляющие. Первая – это долгосрочная политика глобальной экономической реструктуризации, исторический процесс, ведущий к падению жизненных стандартов как в развивающихся странах, так и в развитых. Вторая – массовая бедность, обострившаяся на волне роста цен на зерновые культуры, что в ряде случаев уже привело к удвоению розничных цен на продукты. Эти ценовые скачки во многом обусловлены действиями спекулянтов.

Спекуляция на зерновых

Анализируя причины ценовых скачков, средства массовой информации невольно искажают картину, когда концентрируются главным образом на стоимости, климатических условиях и других факторах, снижающих

уровень снабжения населения продуктами питания и повышающих цены. Эти факторы могут оказывать влияние, но отнюдь не решающее.

Главной причиной роста цен являются рыночные манипуляции, спекуляция продуктами массового потребления. Цены на зерно выросли искусственно в результате спекулятивных сделок Нью-Йоркской и Чикагской торговых бирж. Спекулятивные сделки в сфере торговли пшеницей, рисом или кукурузой могут совершаться без заключения сделок в сфере реальной торговли продуктами массового потребления. Спекулянты на рынке зерна могут активно работать, вовсе не занимаясь конкретной деятельностью по продаже или доставке зерна. Транзакции могут совершаться с использованием индекс-фондов, являющихся рычагом повышения или снижения цен на продукты.

С помощью согласованных манипуляций профессиональные трейдеры и финансовые институты способны дать толчок росту цен, после чего сделать ставку на тот или иной товар, чья цена идет вверх. Спекуляция ведет к неустойчивости рынков. В свою очередь, подобная нестабильность поощряет дальнейшую активность спекулянтов. Они получают прибыль, когда цена растет. И наоборот, спекулянт зарабатывает деньги на падении цен, если в этот момент он вовремя избавится от товара. Недавний скачок цен на продукты питания создал благоприятные условия для мирового процесса, создающего предпосылки голода в беспрецедентном масштабе.

Отсутствие регулирования как причина голода

Было бы несправедливым утверждать, что организаторы спекулятивных сделок сознательно провоцируют голод. Голод наступает, когда отсутствуют регулирующие механизмы, способные исключить спекулятивные формы торговли (опционы, фьючерсы, товарные индексные фонды). Политическое решение о наложении запрета на спекуляцию продовольственным сырьем моментально привело бы к снижению цен на еду.

Почему же мы не видим набора взвешенных мер, ставящих целью препятствовать спекулятивным транзакциям или хотя бы снизить их эффект? Похоже, перед нами совсем не то, что предлагалось Всемирным банком и Международным валютным фондом (в их декларациях).

Роль Всемирного банка и МВФ

Некоторое время назад Всемирный банк и Международный валютный фонд в ответ на углубляющийся продовольственный кризис выступили с планом неотложных мер по стимулированию сельского хозяйства. При этом причины кризиса продовольствия названы не были. Президент Всемирного банка Роберт Зеллик назвал свою инициативу «новой сделкой», планом действий с целью «долгосрочного подъема производства сельскохозяйственной продукции» с помощью удвоения размера займов, предоставляемых африканским фермерам.

Однако в реальности «экономическая медицина» ВБ и МВФ является не столько решением проблемы голода в развивающихся странах, сколько его причиной. Увеличение кредитов, якобы призванных оживить сельское хозяйство, на деле лишь утяжеляет долговое бремя и усугубляет бедность. Займы Всемирного банка выдаются при условии, что страны-получатели подчинятся ВБ, т.е. перестроят свои экономики в соответствии со стандартами неолиберальной политики, с начала 1980-х годов работающей на разрушение сельскохозяйственных отраслей «на местах». «Макроэкономическая стабилизация», программы Международного валютного фонда и Всемирного банка, направленные на «структурное переустройство» экономик развивающихся стран в соответствии со стандартами МВФ и ВБ, ставились как условия новых переговоров по вопросу внешнего долга этих стран.

Они привели лишь к обнищанию сотен миллионов людей. Жестокая экономическая и социальная реальность, заложенная в основе интервенции МВФ, оборачивается «кусаящимися» ценами на продовольствие, очагами голода на местном уровне, масштабными сокращениями рабочих в городах, массовыми увольнениями работников городского хозяйства, свертыванием социальных программ. Падает покупательная способность населения, закрываются клиники и школы, сотням миллионов детей отказано в праве на получение начального образования.

Шоковая терапия МВФ и деградация зерновых рынков

Исторически рост продуктовых цен на стадии розничной торговли являлся следствием обесценивания денег, ведущего к гиперинфляции.

Ярким примером может служить ситуация в Перу, когда в августе 1990 года после выполнения правительством страны распоряжений Международного валютного фонда цены на топливо за ночь подскочили в 30 раз. Начиная с 1980-х годов рынки зерна перестали регулироваться. По указке Всемирного банка переизбыток зерна в странах Евросоюза и США систематически использовался для уничтожения крестьянства и подрыва национальных пищевых отраслей. Для достижения этого любая выдача займов Всемирного банка сопровождается требованием снятия торговых барьеров на импорт сельскохозяйственного сырья, это приводит к «сбросу» зерновых излишков на местные рынки.

Эти и другие меры подобного характера приводят к банкротству производителей сельхозпродукции. Навязываемый МВФ и ВБ «свободный рынок» в сфере производства зерна уничтожает крестьянское хозяйство и подрывает продовольственную безопасность стран. Малави и Зимбабве некогда являлись благополучными странами с развитой зерновой индустрией. Руанда до 1990 года в области снабжения населения продуктами питания была самодостаточным государством.

Однако в 1990 году Международный валютный фонд распорядился «сбросить» на внутренний рынок этой страны избыток зерна, скопившийся в закромах Евросоюза и США. Мелких местных фермеров постигло банкротство. В 1991–92 годах голод разразился в Кении – традиционно самом успешном «хлеборобе» Восточной Африки. Правительство Кении до этого момента находилось в черном списке МВФ за непослушание инструкциям. Снятие контроля над зерновым рынком было выставлено Найроби как одно из условий реструктуризации выплаты внешнего долга кредиторам Парижского клуба. Во всей Африке, равно как и в Юго-Восточной Азии, и в Латинской Америке, политика «секторальных согласований» в сельском хозяйстве под руководством Института Bretton Woods была однозначно направлена на подрыв продовольственной безопасности стран.

Зависимость государств от мирового рынка усиливается. Она приводит к росту коммерческого импорта зерна, а также к форс-мажорным ситуациям, когда для стран жизненно важным становится оказание им продовольственной помощи. Для производителей сельхозпродукции сегодня становится выгодным переключиться с фермерской деятельности на импорт ценных зерновых культур, зачастую этот выбор несет прямую

угрозу продовольственной «самодостаточности» страны. Индустрия ценных сельхозпродуктов, а также производства товарных культур подерживается займами Всемирного банка.

В эпоху глобализации вспышки голода могут рассматриваться только как результат проводимой политики. Голод не является следствием недостатка еды. Как раз наоборот: ее мировой переизбыток служит орудием дестабилизации сельскохозяйственного производства в развивающихся странах. Переизбыток продовольствия, жестко регулируемый и контролируемый международным агробизнесом, приводит к стагнации как производство, так и потребление жизненно важного продовольственного сырья, он ведет к разорению фермеров по всему миру.

Более того, в эпоху глобализации разработанная Международным валютным фондом и Всемирным банком программа структурной перестройки экономик формирует условия, провоцирующие вспышки голода, поскольку эта программа подрывает все экономические инициативы, как городские, так и сельские, если они напрямую не обслуживают интересы глобального рынка.

Доходы фермеров и в богатых, и в бедных странах падают благодаря деятельности горстки глобальных агроиндустриальных предприятий, одновременно контролирующих рынки зерна, себестоимость сельскохозяйственной продукции, запасы семян и сферу бакалейных товаров. Одна гигантская компания Cargill Inc. со 140 филиалами и дочерними предприятиями по всему миру контролирует значительную долю мировой торговли зерном. Начиная с 1950-х годов Cargill Inc. стал главным подрядчиком правительства США в оказании Америкой продовольственной помощи странам в соответствии с законом Public Law 480, вступившим в силу в 1954 году.

Впервые в истории человечества мировое сельское хозяйство оказалось в состоянии прокормить всю планету. Но этому препятствует природа глобальной рыночной системы. Возможности для производства продуктов питания стали неограниченными, при этом уровень их потребления остается чрезвычайно низким, поскольку огромная часть населения мира влачит существование в условиях бедности и лишений. Более того, процесс так называемой модернизации сельского хозяйства ведет к лишению крестьянства собственности и земли, наносит ущерб окружающей среде.

Иными словами, те силы, которые, казалось бы, преследуют цель стимулировать мировое производство продуктов питания, в реальности ведут к прямо противоположному – падению уровня жизни и снижению спроса на эти продукты.

Генетически модифицированные семена

Одновременно с созданием в 1995 году Всемирной торговой организации мировая сельскохозяйственная индустрия претерпела еще одно историческое изменение. В соответствии с договором ВТО гигантам пищевой индустрии предоставлена неограниченная свобода действий в сфере рынков семян в развивающихся странах. В интересах ограниченного круга биотехнологических конгломератов фермерам этих стран навязывается использование генетически модифицированных семян, часто в рамках программ продовольственной помощи. Так, в Эфиопии наборы ГМО-семян раздавались разорившимся фермерам под видом мер по восстановлению производства сельхозпродукции после постигшей страну засухи. Эти семена принесли урожай. Однако вскоре фермеры с удивлением обнаруживали, что использовать часть этого урожая для посева запрещено, если не выплачены авторские гонорары разработчикам ГМО-продукции – компаниям Monsanto, Arch Daniel Midland и др. Вслед за этим фермеров ожидал еще больший сюрприз: оказалось, что высадка этих семян приносит урожай только в том случае, если используются удобрения, гербициды и средства от паразитов, произведенные компаниями, работающими в сфере биотехнологий. **Крестьянское хозяйство оказалось в тисках крупных конгломератов агробизнеса.**

Разрушая сельскохозяйственный цикл

Широкое использование генно-модифицированных семян стало судьбоносной вехой в истории осознанного ведения сельского хозяйства, начавшегося, если верить историкам, 10 тысяч лет назад. «Воспроизведение» семян в масштабе отдельно взятой деревни сегодня вытесняется использованием их генетически модифицированного эквивалента. Разрушен естественный агрономический цикл, при котором земледелец сохраняет

и высаживает часть предыдущего урожая для того, чтобы вырастить новый. Результатом разрушения этого цикла становится мировой крах крестьянской экономики и голод.

*Оригинал статьи опубликован на интернет-портале Центра исследований глобализации (The Centre for Research on Globalisation, CRG)
Перевод Станислава Варыханова*

Джон Кози, профессор философии

КТО ДЕЛАЕТ МИР ЛУЧШЕ?

В 1863 г. президент США Авраам Линкольн издал знаменитый указ об отмене рабства в 10 штатах, охваченных восстанием. Благодаря указу было освобождено порядка 3/4 из 4 миллионов рабов, насчитывавшихся на тот момент в стране. Другие оставались в рабстве вплоть до ратификации 13-й поправки к Конституции Соединенных Штатов Америки в 1865 г. Указ Линкольна не вывел рабство за рамки закона и не сделал освобожденных рабов гражданами. Он был скорее стратегическим шагом, чем актом гуманизма. Тем не менее, Авраам Линкольн вошел в американскую историю как Великий Эмансипатор.

Война, во время которой вышел исторический указ, унесла жизни порядка 750 тыс. человек. Освобожденные рабы, или freedmen, как их называли бывшие хозяева, были предоставлены самим себе, они выживали как могли. Многие freedmen записались в армию и участвовали в походе на Дикий Запад, где убивали индейцев. Это великолепно! – освободить одних людей из рабства для того, чтобы они стали убийцами других людей. Какой вклад в улучшение человеческой природы...

За два года до указа Линкольна русский царь Александр II, brutальный автократ, выпустил указ об отмене крепостного права, благодаря которому обрели свободу 23 миллиона рабов. Их освобождение не сопровождалось ни единым выстрелом, ни единым убийством. Какой варвар! Почему он не убил хотя бы полмиллиона человек? В конце концов, он же не благодетельный американец, а жестокий русский царь...

В самом деле, кто был большим гуманистом – Великий Эмансипатор или царь? Насколько улучшил мир каждый из них? Где после их указов жизнь переменялась к лучшему? На эти вопросы нет простых ответов.

Авраам Линкольн был избранным президентом «царства, разделившегося в самом себе». Он начал войну, чтобы спасти «царство», сохранить союз. Он добился блестящих успехов: царство остается разделенным по сей день. Сделала ли война Линкольна мир лучше, чем он был до нее?

В 1889 г. немецкий кайзер Вильгельм I учредил первую в мире программу социального страхования пожилых людей, разработанную ультраконсервативным канцлером Отто фон Бисмарком. В обращении к Рейхстагу Вильгельм писал: «Те, кто вследствие возраста или из-за травм на работе стали инвалидами, имеют достаточные основания для того, чтобы требовать заботы со стороны государства». Как реакционно! Вы представляете себе кайзера, заботящегося о трудящихся?

Спустя немало времени, в 1935 г., Франклин Делано Рузвельт фактически скопировал немецкую программу и убедил Конгресс Соединенных Штатов ее принять. Рузвельт заслужил право считаться «человеком из народа», пусть даже стал таковым не сразу. Он покорила сердца американских граждан. Немецкие кайзеры – не покорили. Потому что гуманизм является качеством, свойственным только американским политическим лидерам. Но ведь вы наверняка согласитесь с тем, что Рузвельт сделал мир лучше. А значит и автократический кайзер тоже?

В 1939–1941 годах в Новой Зеландии была внедрена система всеобщего бесплатного медицинского обслуживания. Примеру этой страны последовали: Великобритания (1948), Швеция (1955), Исландия и Норвегия (1956), Дания (1961), Финляндия (1964), Япония (1961), Канада (1968–1972), Австралия (1974), Италия (1978), Португалия (1979), Греция (1983), Испания (1986), Южная Корея (1989), Тайвань (1995), Израиль (1995), Нидерланды (1986 и окончательно 2006). В период между 1970-ми и 1990-ми годами систему страховой медицины сделали доступной для всех граждан такие страны, как Австрия, Бельгия, Франция, Германия и Люксембург.

А что же Соединенные Штаты Америки? Может быть, когда-нибудь и здесь восторжествует бесплатная медицина, хотя, скорее, этого не будет никогда. Обама считает излишним доводить реформу медицинского страхования до той точки, когда бесплатное медицинское обслуживание охватит всех.

Опыт Америки не является примером успешной работы над улучшением условий существования человека, США не принадлежат к сообществу государств, о которых говорилось выше. Это вызывает закономерную антипатию. Уинстон Черчилль говорил: «Американцы делают правильные вещи после того, как исчерпаны все остальные возможности».

Когда американцы стремятся сделать что-то правильное, у них это получается, как правило, настолько плохо и неэффективно, что явно не улучшает условий существования человека. Многие в Америке не имеют доступа к медицине вне зависимости от характера своих недугов. Целые сообщества лишены возможности пользоваться услугами простого участкового врача. Для массы людей расстройства зрения, слуха и уж тем более сфера деятельности дантиста не покрываются медицинскими страховками. Зачем? Зачем людям, особенно пожилым, видеть, слышать и жевать?

У Америки есть сильные стороны. Однако деятельность, призванная улучшать человеческое существование, к ним не относится, что, увы, можно сказать и о многих других странах.

Пытаясь оценить то или иное общественное явление, древние римляне задавались вопросом: *Cui bono?* – Кому выгодно? Закономерен и другой вопрос: Кто страдает?

Например, если пожилому человеку с проблемами слуха отказано в лечении – кому это выгодно? Может быть, никому? Когда безработному отказано в пособии – кто выигрывает? Кому выгодно, чтобы семье с низким или нулевым доходом отказывали в продуктовой помощи? Кто выигрывает, если больному отказано в медицинских услугах? Бездомной семье – в крыше над головой, школьнику – в бесплатном ланче? *Cui bono?* Согласитесь, это не совсем понятно. Зато вполне понятно, кто от этого страдает. Отказ в помощи приводит к страданиям, он свидетельствует о жестокости и аморализме отказавшего.

Мир утопает в жестокости. Отчасти это происходит по вине тех, кто просто ничего не делает для того, чтобы жестокости стало меньше. Например, Конгресс США, который многими традиционно считается государственным институтом “do nothing”. Консервативный политический философ Эдмунд Бёрк писал: «Единственное, что требуется для торжества зла, – это бездействие добрых людей». Когда американский Конгресс или иной политический институт в какой-либо стране ни-

чего не делает для уменьшения людских страданий, он способствует «торжеству зла».

Выше я задавался вопросом, сделала ли мир лучше Гражданская война в США. Сегодня мир погружен в непрерывный бой. Западный мир воюет со странами Ближнего Востока, Северной Африки, разжигает пламя войны в Украине. Суннитов натравливают на других суннитов... Может ли это кончиться добром? Если курды, которые живут в Ираке, Сирии и Турции и которые сегодня тоже убивают суннитов, решат создать свое национальное государство, они встретят противодействие Турции. Кого поддержит Запад – курдов или страну-партнера по НАТО?

Израильский дипломат Абба Ибан в 1967 году на заседании Генеральной Ассамблеи ООН сказал: «Есть ли причины верить, что началась новая эра? Если я оптимистично склоняюсь к положительному ответу, то только потому, что верю: люди и народы будут вести себя мудро, когда все другие альтернативы исчерпаны. Сегодня исчерпаны такие альтернативы, как агрессия и война».

Руководимый Америкой Запад доказывает, что такие альтернативы здравому смыслу, как агрессия и война, не исчерпаны. Поэтому народы должны уяснить: если вы готовы пройти с Америкой весь путь до ворот ада, будьте готовы в нем оказаться. И обратной дороги не будет.

Мир не станет лучше, пока большинство людей этого не захочет. Те, кто отказывает нуждающимся в помощи и разжигает войны, этого не хотят. Они желают сохранения status quo. Со времен Александра Македонского война служит надежным инструментом внешней политики, кроме того, война напрямую отражается на внутренней политике многих стран. Она может быть объявлена собственным гражданам. Является ли жестокость сутью человеческой природы? Поменяется ли когда-нибудь мир?

Нет, не поменяется, пока громко не прозвучат главные вопросы «Кому выгодно?» и «Кому не выгодно?». Усилия человеческой расы должны быть направлены на улучшение условий существования. Иной путь добра не принесет.

*Оригинал статьи опубликован на интернет-портале Центра исследований глобализации (The Centre for Research on Globalisation, CRG)
Перевод Станислава Варыханова*

БУДУЩЕЕ ОТМЕНЯЕТСЯ?

Джесс Уорт, журналист

КОНЕЦ НЕФТЯНОГО ВЕКА

В сентябре 2014 года Фонд Рокфеллера сделал историческое заявление о выводе своих капиталов из нефтегазовой промышленности. Он последовал примеру Всемирного совета церквей, Британской медицинской ассоциации и Стэнфордского университета, однако его решение особенно символично, ведь капитал Рокфеллеров обязан своим происхождением нефти.

История Рокфеллеров – это история расцвета и падения первого нефтяного гиганта. Компания Standard oil, основанная Джоном Рокфеллером в 1870 году, быстро захватила контроль над бурно развивающейся нефтяной промышленностью США – от добычи и переработки до перевозки и розничной продажи. Возникла небывалая монополия, которая в конце концов вызвала в обществе такое отторжение, что правительство США разделило её на части, породив Exxon, Mobil и Chevron. Однако к этому времени Standard уже направила западный мир по пути нефтяной зависимости, которая и сейчас держит нас в кандалах.

Нефтяные правила

Спустя столетие судьба миллионов Рокфеллера помогает понять, что у нас на глазах кончается нефтяной век – век неравенства, немислимого богатства и отчаянной бедности. Открытие месторождений углеводородов часто приносило богатство немногим и нищету массам.

Богатые нефтью страны постигало «нефтяное проклятие» – перекосы в экономическом развитии, финансовая нестабильность, репрессивные авторитарные режимы, подавление прав и свобод, нескончаемая бедность и неистребимая коррупция. На Западе, сидящем на «нефтяной игле», влияние нефтяного бизнеса отравляет и внутреннюю, и внешнюю политику. Сегодняшние нефтяные магнаты пользуются своей властью без шума и с разрушительным эффектом, их жадным щупальцам помогают фактическая безнаказанность и пособничество государства. Общество платит огромную цену за отстаивание геополитических интересов «Большой нефти». Налогоплательщикам США и Великобритании война 2003–2011 годов в Ираке, которая велась, чтобы обеспечить ExxonMobil, British Petroleum и Shell доступ к его громадным нефтяным ресурсам, обошлась в 806 млрд и 15 млрд долл. соответственно. Сейчас, когда этому доступу угрожает «Исламское государство Ирака и Леванта», Запад увязает в новом военном конфликте.

Наперекор всем

Однако грядут перемены. Господство «Большой нефти» подвергается всеобщей критике, а будущее самой нефти выглядит всё более и более мрачным. Десятилетия непрерывно растущих углеродных выбросов противопоставили «Большую нефть» интересам всего человечества. За ущерб окружающей среде при добыче нефти всегда расплачивалось живущее рядом население, обычно экономически неблагополучное или коренное, которому доставались загрязнённая вода и отравленная рыба, рак и респираторные заболевания, засохшие на корню леса. Сейчас начинает сказываться ущерб, который «Большая нефть» приносит климату всей планеты.

Планы добычи на ближайшие два десятилетия, которые вынашивают нефтяные компании, приведут к повышению температуры на Земле на шесть градусов Цельсия, и жить здесь станет невозможно. Чтобы ограничиться опасным, но не смертельным повышением на два градуса, нужно оставить 80% разведанных запасов ископаемого топлива в земле. Финансовые рынки и экономики привыкли считать нефть неисчерпаемой, но вся легкоизвлекаемая нефть уже найдена и по большей части добыта.

Сейчас основная часть разведанной нефти находится в политически дезорганизованных регионах (Ближний Восток, Нигерия) или на террито-

риях и в условиях, которые делают добычу гораздо более дорогостоящей и рискованной (битуминозные пески, нефтяной сланец, сверхглубокое морское дно, Арктика). Нефтяные гиганты делают ставку на эти «нетрадиционные» или «маргинальные» месторождения.

Технические риски новых нефтяных проектов выросли до «ранее неслыханного уровня», предупреждает инвесторов банк Goldman Sachs. В результате капитальные расходы, то есть суммы, которые компании должны инвестировать для введения новых месторождений в эксплуатацию, подскочили до небес, тогда как принципиально важный коэффициент замещения запасов, которым определяется их ценность, остаётся примерно одним и тем же. Короче говоря, нефть становится менее прибыльной.

Из-за этого компании отказываются от разработки нефтеносных песков. В этом году в канадской провинции Альберта приостановлены многомиллиардный проект «Корнер» компании Statoil, 11-миллиардный проект «Джослин» компаний Total и Suncor, крупный проект компании Shell в Пьер-ривер.

Персонал нефтяных компаний, занятый в «пограничных» проектах, работает на пределе возможностей, что было показано в ходе судебного разбирательства о самом большом в истории разливе нефти, произошедшем по вине компании BP, когда в Мексиканском заливе взорвалась буровая платформа «Глубоководный горизонт». Рабочие на платформе, которые за несколько месяцев до этого пробурили самую глубокую подводную скважину, перед взрывом работали, по их собственным словам, в обстановке «хаоса, паранойи и безумия». Катастрофа почти разорила BP и её акционеров.

Компания Shell потратила 5 млрд долл. на безуспешные попытки бурения в негостеприимной Арктике, а Total приняла решение даже не пытаться, настолько велики трудности. Даже бум в добыче сланцевой нефти в США, благодаря которой нефтедобыча здесь достигла максимального за 25 лет объёма и которая превозносится как ключ к энергетической независимости США, не имеет под собой прочной основы. Сланцевые нефтяные скважины истощаются за несколько месяцев, а затраты на непрерывное бурение новых очень велики. Прогнозы о том, сколько извлекаемой сланцевой нефти ещё осталось, постоянно понижаются.

Вся «новая нефть» имеет смысл, только если продаётся больше, чем по 100 долларов за баррель, но сейчас это не так. Нет никакой гарантии,

что цены поднимутся и в течение следующих десятилетий останутся достаточно высокими, поскольку начинается бум возобновляемых энергоносителей, которые составят нефти серьёзную конкуренцию.

Ускорить последний час нефти

Однако мы не можем просто сидеть и ждать, что нефтяной век скоро закончится. Если «Большой нефти» оставить свободу рук, она похоронит нас вместе с собой. Извлекаемой нефти в мире ещё хватит на то, чтобы испортить всем нам жизнь.

Глобальный спрос на нефть, если не помешают экологические или другие факторы, предположительно будет расти по крайней мере до 2027 года, и нефтяные компании планируют удовлетворить этот спрос с избытком. Принимаемые сейчас инвестиционные решения относительно трубопроводов, нефтеносных песков и морских месторождений разовьют и на десятилетия продлят царство углеводородных энергоносителей. Эти планы абсолютно несовместимы с повышением глобальной температуры более чем на два градуса. У «Большой нефти» есть бизнес-план по достижению конца света, а финансовые рынки без колебаний инвестируют в него.

Нам нужно ускорить последний час века нефти ради прекращения всемирного потепления и спасения гибнущих экосистем, ради демократии, борьбы с бедностью и справедливости. Удовлетворить энергетические потребности всего мира и обеспечить растущему «бедному большинству» человечества равный доступ к энергии, которую сейчас присвоило «богатое меньшинство», технически вполне возможно, сочетая имеющиеся возобновляемые энергоносители и энергосбережение. Производство энергии из возобновляемых источников бьёт рекорды почти каждый день, и во многих частях мира она достигает ценового паритета с ископаемыми топливами.

Благодаря недавним прорывам в развитии аккумулятора приближается осуществление мечты о чисто электрических транспортных средствах. Планируется, что по дорогам Китая к 2020 году будут ездить пять миллионов электромобилей, а в Норвегии бум электромобилей принял такие размеры, что они вытесняют с улиц автобусы. Суда, движимые ветром и солнечной энергией, крупномасштабное сельскохозяйственное производство без химикатов, дирижабли, которые будут, хотя и с меньшей скоростью, летать

по всему миру – всё это позволит сократить потребление нефти до гораздо более безопасного уровня.

Углеводороды – не просто топливо, они – универсальное сырьё для производства пластмасс и химикатов. Если мы прекратим бездумно сжигать их и наполовину сократим наше расточительное использование пластиков, мы сократим использование нефти в мире на 90%. Чтобы спихнуть нефть в кювет, не хватает только политической воли.

Углеводородный «пузырь»

Самый неожиданный приговор «Большой нефти» выносит инвестиционное сообщество. Аналитический центр акционеров-активистов и финансовых экспертов Carbon Tracker в 2012 году впервые раскрыл истинные масштабы возникающего углеводородного «пузыря». Отмечая такие тенденции в нефтяной отрасли, как стремительно растущие капитальные расходы, сокращение нормы прибыли, увеличение рисков и сокращение запасов, этот центр приходит к выводу, что в следующем десятилетии нефтяные инвестиции на сумму 1,1 трлн долл. станут потенциальными «увяжими активами», то есть проектами, которые никогда не будут реализованы из-за ужесточения экологической политики государств и конкуренции со стороны возобновляемых источников энергии.

Основатель и генеральный менеджер Carbon Tracker М. Кампанейл заявил: «Международное энергетическое агентство предсказывает, что к 2035 году на развитие нефтегазового сектора будет затрачен 21 триллион, и это опасно, поскольку мы уже вложили в использование ископаемых топлив столько, что перескочим предел в два градуса. Это чистое безумие. Это – те деньги, которые надо потратить для перехода к низкоуглеродной экономике».

Конечно, к мнению Carbon Tracker финансовый сектор прислушивается, но одних финансовых аргументов недостаточно. Кампанейл считает, что нефтяные компании должны вернуть капитал своим акционерам, а не вкладывать его во всё более рискованные и затратные проекты нефтедобычи. Это и происходит, хотя в небольших масштабах. Компания Сопосо сократила размеры, стараясь сосредотачиваться на «высокоценных» проектах. BP и Shell распродали некоторые проекты, чтобы в этом году выплатить своим акционерам разумные дивиденды.

ShareAction (Лондон) и другие организации работают с пенсионными фондами, убеждая их реинвестировать в будущее, не угрожающее климату. **Однако нельзя ожидать, что финансовый сектор, не подчиняющийся никакому контролю и занятый только погоней за прибылью, будет инвестировать с учётом понятий о справедливости или децентрализации власти и влияния.** Ведь современный «форсированный» капитализм развивался нога в ногу с «Большой нефтью», поэтому они не расстанутся легко и без потрясений.

Н. Клейн в своей новой книге «Это меняет всё» замечает: «Мы не сделали много необходимого для сокращения выбросов, поскольку оно в принципе противоречит нерегулируемому капитализму и идеологии, господствующей всё то время, которое мы потратили на попытки выйти из этого кризиса».

Оставим нефть в земле

Люди сопротивлялись нефтяным компаниям с самого начала нефтяного века. Сталин отточил свои политические навыки в борьбе с нефтяными магнатами Азербайджана. Народ огни в Нигерии в 1995 г. навсегда изгнал Shell со своей земли, хотя К. Сапо-Вива и ещё восемь человек заплатили за это своими жизнями. Борьба продолжается и сегодня, в последние годы мы видели новую волну антинефтяной активности, многие организации выявляют уязвимые места «Большой нефти» и наносят удары в стыки её брони.

Один из участников борьбы – движение за дивести́рование, которое в последние 18 месяцев потрясло мир. Сочетая финансовые аргументы, касающиеся «углеводородного пузыря», с моральным императивом немедленного действия против изменения климата, группы студентов, верующих и местных активистов обращались к публичным институтам, таким как университеты, церкви, городские собрания и государства, с призывом разорвать финансовые связи с нефтегазовой промышленностью. В результате только в этом году 181 общественный институт во всём мире обязался вывести из этого бизнеса в общей сложности более 50 млрд долл. Кампания набирает силу, её поддерживали такие видные деятели, как южноафриканский архиепископ и общественный деятель Д. Туту, исполнительный секретарь

Рамочной конвенции ООН об изменении климата К. Фигерес и, конечно же, Рокфеллеры.

Движение «Свобода от ископаемого топлива» активно старается «дискредитировать его добычу, чтобы ослабить хватку «Большой нефти» на политической системе и способность блокировать борьбу против изменений климата». Британская коалиция «Искусство, а не нефть» регулярно протестует против спонсирования искусства и культуры компаниями BP и Shell, проводя на финансируемых ими мероприятиях несанкционированные театрализованные акции. «Гринпис» сумел убедить производителя игрушек «Лего» прекратить партнёрство с Shell.

Борьба за дивестирование – одно из направлений наступления с целью вырвать у «Большой нефти» её «социальную лицензию», то есть публичную поддержку или по крайней мере попустительство, позволяющие нефтяным компаниям продолжать их деятельность. Они усердно оберегают и расширяют эту лицензию, поддерживая многие культурные, научные и учебные заведения, поэтому те всё больше подвергаются давлению со стороны организаций, стремящихся сделать сотрудничество с нефтяными компаниями социальным табу.

Одновременно движения «на земле» стремятся физически блокировать самые разрушительные проекты «Большой нефти» и добиваются успеха. Самым заметным стала кампания против проекта трубопровода «Кистоун Экс-Эл», который предлагается построить для доставки нефти, извлечённой из песков, с севера канадской провинции Альберта в штат Техас (США). Усилиями мощной коалиции коренных народов, землевладельцев, местных активистов и экологических организаций, которые «обложили» всю трассу трубопровода, разрешение на строительство откладывается вот уже шесть лет. Кампания против «Кистоун» дала в США новый импульс движению против изменения климата, вызвала волну акций непосредственного действия, массовые демонстрации и аресты, привлекла поддержку знаменитостей и даже стала вопросом предвыборной борьбы.

Столь же эпическая битва ведётся против трубопровода «Северные ворота» компании «Энбридж», по которому добытая из песков нефть должна перекачиваться через провинцию Британская Колумбия (Канада). Много лет оппозиции удавалось срывать разрешение на строительство, сейчас

оно теоретически дано, но широкая коалиция коренных народов и местных активистов обещает, что нефтепровод не будет построен никогда.

Действия общин численностью в несколько сотен человек, живущих в «зоне смерти» в нефтеносных песках Альберты, также могут парализовать крупнейший в мире промышленный проект. Индейцы чиппева, живущие на берегах реки и озера Атабаска, и кри с озера Бивер подали соответствующие судебные иски. Если они будут удовлетворены, то можно будет поставить под вопрос все проекты нефтедобычи из нефтеносных песков.

Прежде всего из-за недостаточности действующих экспортных маршрутов Statoil, Total и Shell отложили реализацию своих проектов по добыче нефти из нефтеносных песков, что вызывает нервные судороги у инвесторов. Движение «блокадников» действительно тормозит замыслы «Большой нефти» и выбивает у неё из-под ног такую опору, как система трубопроводов.

Кампания «Оставим нефть в земле» началась не в Северной Америке, своим происхождением она обязана Латинской Америке, где много лет коренное население конфликтовало с правительствами по поводу нефтедобычи в Амазонии. Это вылилось в широкую волну народных требований не добывать нефть в национальном парке Ясуни (Эквадор), при условии получения международной финансовой поддержки.

Когда правительство решило реализовать идею спасения Ясуни, она приняла форму сделки о торговле квотами на углеродные выбросы, но в прошлом году была бесцеремонно отвергнута президентом Рафаэлем Корреа, которому нефть нужна как воздух. Но народное движение «ясунитов» продолжает жить, мобилизует сотни тысяч эквадорцев на борьбу за то, чтобы нефть осталась нетронутой, взаимодействует с другими силами в Амазонии, чтобы остановить наступление на величайший в мире нетронутый дождевой лес. Борьба за Ясуни не окончена. Есть и другие местные примеры успеха в «Год сопротивления нефти».

Продолжается и другая пограничная битва – за прекращение бурения нефтяных скважин в Арктике. «Гринпис» действует наиболее ярко: он провёл дерзкие акции прямого действия против буровых платформ в полярных морях, тридцать его активистов оказались в России в тюрьме, он мобилизовал сотни тысяч сторонников через Интернет. В то же время коренное

население Аляски и общественные организации, которые последовательно обжаловали в суде все полученные Shell разрешения, сыграли решающую роль в том, что эта компания, ставшая пионером арктического бурения, до сих пор не выжала ни капли нефти из экологически уязвимого полярного морского дна.

Измениться или умереть

В ближайшие десятилетия мы увидим конец господства нефти. Как быстро и каким образом это произойдёт? Это зависит от множества факторов. Поскольку нефтяная промышленность по всем направлениям перерастает свои собственные рамки, а кризис на Ближнем Востоке обостряется, необходимость немедленного скоординированного освобождения от нефтяной зависимости становится неоспоримой.

Нам нужен управляемый и справедливый переход, а не массовый нефтяной шок, который может усугубить положение тех, у кого и так не хватает энергоносителей, и породить экономическую и социальную смуту. Если сегодняшние антинефтяные общественные движения продолжают усиливаться, этому переходу будут способствовать усиление давления со стороны акционеров, эрозия социальной лицензии нефтяных компаний, физическая парализация их работы силами сопротивления на местах, бум возобновляемых энергоносителей, общественное давление на правительства с целью более активно бороться против изменения климата.

Нефтяным гигантам придётся отступать и ужиматься, а некоторые совсем исчезнут. Возможно, политической воли государств хватит и на их ликвидацию, как было со Standard Oil. Более вероятно, что в ближайший период они испытают болезненные финансовые потрясения, по мере того как благоприятные условия бизнеса исчезают, инвесторы выводят капиталы, а корпоративные рейдеры захватывают активы. Компаниям придётся измениться или умереть, как ранее это пришлось сделать многим отжившим отраслям промышленности.

В любом случае нефтяные гиганты в конце концов станут нефтяными карликами и ослабят свой контроль над политическим процессом, что позволит обеспечить гораздо

более разнообразное, децентрализованное и демократическое энергетическое будущее. Дж. Марриотт, который более 30 лет назад был соучредителем общественной организации «Платформа», чтобы наблюдать, разоблачать, информировать и вдохновлять сопротивление «Большой нефти», сегодня испытывает «небывалый оптимизм»: «Всем ясно, что нефтяной промышленности приходит конец. Вопрос в том, какое общество мы хотим построить на её развалинах». Эти сейсмические сдвиги могут породить хаос, но если прогрессивные социальные движения не упустят момент, то конец нефтяного века может стать концом множества других бед.

*Оригинал статьи опубликован в журнале New Internationalist
Перевод Олега Теребова*

Дмитрий Галкин, политический аналитик

ПРЕДСКАЗАНИЕ ИЗ НАСТОЯЩЕГО

«Теллурия» продолжает серию произведений, в которых Владимир Сорокин описывает ближайшее будущее человечества, – социальные процессы, научные открытия и политические институты, ожидающие нас в этом столетии.

Этот цикл начался повестью «День опричника», рассказывающей о расцвете новой российской монархии, сочетающей архаические общественные институты с современными технологиями, внесудебные расправы с неблагонадежными с относительно высокой степенью экономической свободы. Затем последовали сборник рассказов «Сахарный Кремль» и небольшой приключенческий роман «Метель», в которых описывается дальнейшая деградация российского общества, сделавшая невозможным сохранение централизованного государства и поддержание хотя бы относительного порядка на территории нынешней РФ.

Насколько можно судить, в «Дне опричника» дело происходит во второй половине 20-х годов нынешнего столетия, в «Сахарном Кремле» –

в 30-х, в «Метели» – в начале 40-х, а в «Теллурии» – в 50–60-х. При этом, те социальные процессы, развитие которых мы застаем в «Дне опричника», в «Теллурии» пришли к логическому завершению. Перед нами общество, в котором отсутствие четких моральных норм сочетается с жесткими социальными ритуалами, а взаимодействие социальных групп ограничивается безжалостной и бесчеловечной эксплуатацией нижестоящих, а также бесконечной борьбой за перераспределение резко сократившегося объема материальных благ.

Подобное общество, конечно же, не может поддерживать высокий уровень социальной организации, а потому цивилизация отступает, глобальное политическое пространство распалось на небольшие образования, охватывающие отдельные регионы и города.

«Теллурия», которая, подобно «Сахарному Кремлю», представляет собой сборник рассказов о повседневной жизни нового общества, отличается от других произведений данного цикла. В «Теллурии» не только подробно описывается российская ситуация, но и рассказывается о положении дел в странах Европы. Это позволяет нам сделать вывод о том, что процессы социального распада шли если не на глобальном уровне, то во всех государствах, сформировавшихся в рамках христианской цивилизации.

При этом, несмотря на то что христианство так и не исчезло окончательно, сохранившись кое-где в качестве идеологической основы для социальных ритуалов (все больше удаляющейся от своего традиционного содержания), цивилизации, созданной христианскими ценностями, больше не существует. Ее место постепенно занимает новая социально-культурная общность, объединенная использованием «теллурических» гвоздей в качестве средства для изменения сознания и переживания экстатических состояний, напоминающих опыт религиозных озарений и просветлений прошлого.

Насколько убедителен Владимир Сорокин в своих прогнозах? Давайте попробуем рассмотреть более подробно общество, описываемое в «Теллурии», оставив в стороне художественные особенности произведения. Главным достоинством антиутопии как жанра является ее способность отражать главные тенденции сегодняшнего дня и угадывать их возможное завершение. Антиутопия показывает нам прогноз, полностью привязанный к сегодняшнему дню, а потому не учитывающий возможность внезапного изменения хода исторического процесса. Даже в тех романах, сюжет кото-

рых определяется глобальной катастрофой (как в «Войне миров» Уэллса и «Дне триффидов» Уиндема), она необходима авторам главным образом для того, чтобы показать слабые стороны современного им общества.

Так что же, с точки зрения Владимира Сорокина, является наиболее характерными чертами сегодняшнего мира? **Представляется, что автор прав в главном: нас ожидает дальнейшая иррационализация общественной и государственной жизни, и человечество (по крайней мере, в ближайшем будущем) не сможет найти средство противодействия этой угрозе.** Этот процесс был замечен и подробно описан учеными уже в межвоенный период (а с мрачными предсказаниями выступали еще романтики в период, который теперь видится величайшим подъемом европейской цивилизации Нового времени). Так, Карл Мангейм в своей работе 1935 г. «Человек и общество в эпоху преобразований» писал, что темпы иррационализации общественной жизни неизбежно ускорятся, поскольку социальные группы, которые могли бы противодействовать иррационализму, оказались беспомощны. Эти группы, игравшие ранее ведущую роль в духовной жизни общества, внезапно утратили веру в силу разума, в его способность формировать социальные институты и определять цели общественного развития.

Поэтому, как указывал Мангейм, человечество ожидает не конкуренция между концепциями, основанными на рационально понятых интересах различных социальных слоев, а конфронтация между «различными формами безрассудства». Поскольку массы все больше руководствуются иррациональными импульсами, не встречающими прежнего сопротивления, под их влиянием оказываются и деятели, претендующие на лидерскую роль. В результате политические и социальные процессы оказываются во власти иррационального.

В мире, который описывается в «Теллурии», рациональный выбор оказывается принципиально невозможен. К чему бы ни склонялись сорокинские герои, – от борьбы за власть до бегства от социальной действительности, – они отказываются руководствоваться доводами разума, превращая экстатические видения, исторические мифы и невротические страхи в основу для социальной активности. Единственным мотивом их действий, который достаточно условно можно назвать рациональным, является коммерческий расчет. Но и он приводит либо к еще большему уве-

личению социального хаоса, подобно добыче и продаже теллура для употребления в качестве сверхмощного наркотика, дарующего необычайные по своей силе переживания, либо к появлению особенно отвратительных социальных образований вроде сталинистского государства, созданного несколькими крупными предпринимателями, решившими создать прибыльный туристический комплекс.

В современном мире вполне рациональная (хотя и откровенно европоцентристская) концепция, предполагавшая постепенное введение во всех странах мира единообразного государственного устройства, основанного на правовом равенстве и принципах «плюралистической демократии», уступила свое место стратегии, предусматривающей глобальное доминирование Запада.

При этом цель такого доминирования сводится, по сути дела, исключительно к сохранению господства небольшой группы стран во главе с США. Они не собираются делиться с остальным человечеством своими научными и технологическими достижениями (они могут быть только проданы или переданы в расчете на получение выгоды). Они не будут заниматься экономическим развитием бедных государств или повышением качества жизни человечества в целом (наиболее острые социальные проблемы будут решаться для того, чтобы не допустить возникновения угрозы на глобальном уровне). Они не станут рисковать собственным благополучием ради прогресса.

Среди социально-политических систем прошлого ближе всего к концепции неограниченного западного доминирования, по всей видимости, немецкий национал-социализм. Однако это сравнение, к которому любят прибегать профессиональные борцы с западным влиянием, в действительности, может только помешать пониманию того, на чем основывается глобальное господство Запада. Безусловно, американская военная мощь и готовность руководства США прибегнуть к открытому насилию значительно усиливает позиции западных стран и сдерживает желающих бросить им вызов. Но все же западное доминирование опирается не столько на силу, сколько на научно-технологическое превосходство, культурное лидерство, наличие огромных финансовых ресурсов и высокий жизненный уровень, который обеспечивает платежеспособный спрос в западных странах, по-

вышая тем самым их инвестиционную привлекательность. В созданной Западом глобальной экономической системе местоположение и статус государства определяются не расовой и религиозной принадлежностью его граждан, а исключительно его экономическими возможностями. Конечно, для того чтобы страна могла получить доступ к западным инвестициям и технологиям, ее руководство обязано следовать правилам, установленным США и их союзниками. Но подавляющее большинство стран добровольно соглашались вести себя подобным образом, протестуя время от времени против излишне жестких и откровенно несправедливых ограничений.

Последовательно противостоят Западу силы, руководствующиеся еще более иррациональными мотивами, чем сторонники западного господства. Экономическая и политическая система, созданная в рамках этой концепции, неэффективна и несправедлива, она обрекает большую часть человечества на наследственную бедность и создает непреодолимые препятствия для самореализации большинства жителей Земли. Эта система обречена на распад, и, если нынешние тенденции не удастся изменить, новая глобальная иерархия, возникшая на ее месте, окажется еще более бесчеловечной, еще более безумной и иррациональной.

Но наиболее последовательные противники Запада, вступившие с ним в открытое противостояние, отстаивают идеологические концепции, предполагающие постоянную войну, насильственное подавление инакомыслия и добровольный отказ от социальных, культурных и технологических достижений современной цивилизации. Исламские и христианские фундаменталисты, традиционалисты всех мастей и радикальные консерваторы могут противопоставить доминированию Запада исключительно собственную ненависть. Они не предлагают стратегии, реализация которой позволила бы организовать социальную жизнь на разумных началах и выстроить глобальную систему, обеспечивающую равноправное, взаимовыгодное сотрудничество между государствами с различным уровнем экономического развития.

Левые и либералы, предлагавшие ранее собственные проекты глобальных преобразований, сегодня, по сути дела, вынуждены выбирать между поддержкой концепции западного доминирования, выступая исключительно против тех ее черт, что явно противоречат здравому смыслу, и присоединением

к откровенно иррациональным идеологическим течениям. Этот вариант, по сути дела, доступен только левым (либералы, таким образом, практически лишены возможности выбора), которые в таком случае склонны прикрывать фактическое предательство собственных взглядов упованиями на то, что идейные построения радикальных противников Запада со временем все-таки удастся как-то впихнуть в рамки, заданные идеями Просвещения.

В «Теллурии» миропорядка, опирающегося на западное доминирование, больше не существует, поскольку Запад исчез как социально-культурная общность, объединенная внутренним единством. Но фундаменталисты, традиционалисты и консерваторы, оказавшиеся у власти в большинстве государств будущего, упоминающихся в сорокинском романе, продолжают противостояние с уже практически исчезнувшим идейным противником. Дело здесь, как можно понять, не столько в социальной и идеологической инерции, сколько в отсутствии какой-либо самостоятельной цели у элиты этих образований, возникших на обломках современной цивилизации. Отказ от борьбы с западными ценностями угрожает завести страны «Теллурии» в состояние окончательного, ничем не сдерживаемого безумия либо превратить их жителей в варварские орды, занятые уничтожением соседей и самоистреблением.

Возможно ли в принципе существование подобного мира?

По-видимому, в этом нет ничего невероятного. Однако сорокинский прогноз все же, как кажется, не учитывает некоторые важные тенденции современности.

С одной стороны, Владимир Сорокин не стал повторять популярные сегодня пророчества, предрекающие исчезновение государства. Это представляется совершенно верным: события последнего времени (разногласия внутри ЕС и повышение роли государства в социально-экономической жизни США) доказывают, что национальные правительства по-прежнему остаются главным игроком даже в странах западного мира. При этом они получают основные выгоды от глобализации, а потому вроде бы больше других заинтересованы в уничтожении границ и передачи властных полномочий в руки надгосударственных образований. **Судя по всему, государство надолго останется единственной силой, уполномоченной определять формы социального устройства (в том**

числе и такие иррациональные, как в романе Сорокина) на определенной территории.

Жак Эллюль, который, будучи христианским анархистом, не был склонен преувеличивать роль и значимость государства, писал, что только оно, по мнению современного рядового человека, обладает правом реорганизовать общество, сделав его «таким, каким должно быть».

С другой стороны, наряду с государством уже в наши дни возникают структуры, забирающие себе все больше полномочий, как на местном, так и на глобальном уровне. Это корпорации, уже контролирующие ведущие медиа западных стран, финансирующие в той или иной степени большинство международных общественных организаций, прокладывающие новые транспортные маршруты и закладывающие основы новой глобальной инфраструктуры. Корпорации призваны стать носителями рационального мирозерцания и проводниками «здорового смысла» (в том виде, как он формулируется международной олигархией) в мире, где господствуют и конкурируют между собой различные иррациональные концепции.

Силы, разрушающие современный миропорядок, являются транснациональными. Поэтому транснациональными будут и те силы, которые выдвинет мировая капиталистическая система для своего сохранения. Сегодня трудно предсказать, какой облик примут эти силы. Но они явно будут опираться на транснациональные корпорации и, скорее всего, будут организованы по их образу и подобию.

Можно также с уверенностью сказать, что государства, социально-политическая жизнь которых будет подчиняться иррациональным идейным концепциям (прежде всего, все более дегуманизирующейся идеологии западного доминирования), найдут способ симбиоза с корпорациями, руководствующимися рациональными мотивациями. При этом корпорации научатся извлекать прибыль из «безумия» политической элиты государств будущего так же, как они получают выгоду от существования слаборазвитой, полуфеодальной периферии капиталистического мира. **Иррациональная идеология и политика государств будущего только увеличит возможности капиталистической эксплуатации.**

Корпорации, которые играют сегодня огромную роль в трансформации глобальной капиталистической системы, практически не упо-

минаются в романе Сорокина. Поэтому трудно понять, откуда берутся те удивительные технологии и новые организмы, благодаря которым и становится возможным существование мироустройства, изображенного в «Теллурии». Ошибка Сорокина, впрочем, легко объяснима. Корпорации являются порождением позднего капитализма. Поэтому их наличие в романе позволило бы понять, что **деградацию человечества обуславливают не хтонические и труднообъяснимые силы, внезапно овладевшие нашей цивилизацией, а объективные законы капиталистического развития.** Если бы в мире были сегодня силы, способные сдержать (или хотя бы ограничить) разрушительные тенденции, порождаемые поздним капитализмом, была бы значительно слабее угроза того, что социальное устройство, описанное в «Теллурии», станет реальностью.

Впрочем, будущее в любом случае будет несколько отличаться от сорокинского предсказания. Но, к сожалению, главные черты мира, возникающего на наших глазах, автор «Теллурии», по всей видимости, передал довольно точно.

Ванесса Бэйрд, журналист

СЛИШКОМ МНОГО ЛЮДЕЙ

В молодости моя двоюродная бабушка, бойкая миниатюрная старушка, хотела стать монахиней. Позднее она познакомилась с одним фламандским поэтом, и они полюбили друг друга. Она согласилась выйти за него замуж только при одном условии – если у них будет двенадцать детей. Оставаясь верной своим желаниям, она родила ему тринадцать детей.

Бабушкина племянница – моя мать – тоже немного позаигрывала с мыслями о праведной жизни, однако данный ею обет безбрачия тоже потерпел фиаско. Будучи ее восьмым по счету отпрыском, я приступаю к изучению темы мирового населения с легким чувством тревоги. Исходя из кем-то разработанных норм разумного планирования семьи я в прин-

ципе не должна была появиться на свет. Но с другой стороны, проблема населения и, в особенности, проблема стремительного роста численности населения способна провоцировать самые разнообразные эмоции.

Сегодня население планеты составляет 6,8 млрд человек по сравнению с 5,9 млрд десять лет назад. Как ожидается, к 2050 г. население Земли увеличится до девяти миллиардов человек.

Разговоры о перенаселенности ведутся давно. Еще в 1798 г., когда в мире проживало лишь 978 млн человек, математик Томас Мальтус предупреждал о надвигающейся катастрофе, отмечая, что рост численности населения значительно опережает рост продовольственных ресурсов.

Частую причиной обеспокоенности является скорость, с которой другие – будь то люди других рас или социальных слоев, иного вероисповедания или политических пристрастий – воспроизводят себе подобных, угрожая благополучию определенных правящих групп. Так, недавно Майкл Лоус, мэр новозеландского города Уонгануи, для решения проблем жестокого обращения с детьми и тяжких преступлений предложил выплачивать денежный гонорар представителям маргинальных социальных групп за отказ от рождения детей. «Если мы выплатим некоторым членам общества по 10 тыс. долл. в обмен на их стерилизацию, общество станет лучше», – заявлял градоначальник газете *Dominion Post*.

В основном озабоченность вопросами роста населения преподносится в менее обидном ключе. Для многих этот вопрос в первую очередь имеет экологическую подоплеку. Логика проста: чем больше людей живет на планете, тем больше выброс парниковых газов, тем значительно больше ущерб экологии, а значит – любые попытки сократить выбросы углекислого газа будут сведены на нет стремительным ростом населения.

Не так давно газета *Financial Times* призвала провести международную дискуссию по вопросам народонаселения. Колумнист издания утверждал: «Рост численности населения Земли затрудняет возможность сокращения выбросов углекислого газа». В качестве доказательства своей правоты журналист привел цитату из спорного исследования Лондонской школы экономики, в котором сказано, что расходы на планирование семьи в целях сокращения выбросов углерода обходятся в пять раз дешевле внедрения низкоуглеродных технологий. Британский фонд по оптимизации населения (*Optimum Population Trust*) пошел дальше, предложив для достижения

устойчивого развития сократить население планеты по крайней мере на 1,7 млрд человек.

Насколько это обоснованно? Действительно ли проблемы народонаселения являются табу, которое либералы никогда не нарушат? Или же паника по поводу роста населения иррациональна, какой на поверку оказывалась паника по другим поводам? Чтобы это выяснить, отправляюсь в Марракеш, где проходит конференция по народонаселению, организованная Международным союзом по научным исследованиям в области народонаселения (МСИПН), в которой участвуют 2 тыс. ведущих демографов из разных стран мира.

Паника по поводу населения

Два маленьких мальчика собирают маслины с дерева, стоящего у дороги, которая ведет ко Дворцу Конгрессов в центре города Марракеш, где проходит Международная конференция по народонаселению. Мальчики бросают оливки в мешок, затем переходят к другому дереву. Вот кого не хватает! Мальчишек!

Я пытаюсь понять, чем отличается сегодняшний Марокко от двух моих предыдущих визитов в эту страну. После первого посещения Марокко в 1975 г. в моей памяти остались бесчисленные стайки мальчишек разного возраста. Они предлагали свои услуги в качестве проводников и носильщиков или защитников от других мальчиков, также предлагавших себя в качестве проводников, носильщиков или защитников...

В 1987 г. я отправилась в Марокко по заданию Фонда населения ООН, чтобы проследить за судьбой одной марокканской женщины. Вернувшись в свою деревню спустя пару дней после рождения ребенка, молодая мама по-прежнему чувствовала себя изможденной. Она говорила, что больше не хочет иметь детей. Пятерых ей было достаточно. «Похоже, она настроена решительно», – поделилась я своими соображениями с акушеркой, организовавшей мой визит. Та пожала плечами: «Возможно. Но ее муж хочет иметь больше. Для него это вопрос статуса».

Последнее время в Марокко происходит резкий спад рождаемости. Вместо того чтобы рожать по семь или восемь детей, как это было в 1960-х и 1970-х гг., сегодня марокканки ограничиваются двумя-тремя детьми.

Провалы в рождаемости

Я перелистываю толстые буклеты, подготовленные к конференции по населению. Сотни заседаний по самым разным аспектам этой проблемы, но, похоже, все они мало связаны с глобальным демографическим взрывом. Быть может, эти ученые живут в мыльном пузыре? Разве они не слышат взволнованных голосов, раздающихся за пределами их дисциплины? Продолжая просматривать материалы конференции, обнаруживаю, что в рамках мерпориятия проходят сессии о связи проблем населения и окружающей среды.

Но похоже, что на текущий момент в центре внимания демографов стоят вопросы об «общем коэффициенте рождаемости» и о том, сколько детей рождается у женщин в период их репродуктивной жизни.

Уровень рождаемости падает во всех странах мира. Если такая тенденция сохранится, численность населения на планете стабилизируется. Начиная с 1970-х гг., темпы рождаемости значительно снизились, и не только в таких странах, как Марокко, но и во всем мире. Получается, что в среднем на одну женщину детородного возраста приходится около 2,5 детей. В 76 странах уровень рождаемости упал ниже уровня воспроизводства населения, установленного на уровне около 2,1. Это означает, что нынешнее население себя не воспроизводит. Особенно заметно это явление в Европе, но подобные примеры есть на всех континентах, включая Африку. В развивающихся странах средний уровень рождаемости в период с 1950 гг. по 2000 гг. упал вдвое – с шести до трех детей. Вместе с тем во многих странах, расположенных южнее Сахары, а также странах Западной Африки, женщины все еще рожают в среднем по пять и более детей.

В контексте глобальной статистики наиболее показательно то, что происходит в Индии и Китае – двух самых густонаселенных странах мира. На сегодняшний день коэффициент рождаемости в Индии, к примеру, составляет 2,7 (по сравнению с 3,5 в 1997 г.). До 1970-х гг. в Китае на одну женщину приходилось по 5–6 детей по сравнению с 1,5 на сегодняшний день, и похоже, что в ближайшее время демографическая ситуация не изменится. Накопленные данные свидетельствуют о том, что отмена политики «одного ребенка» не приведет к возрождению неконтролируемого роста населения, считают исследователи региона. По их мнению, Китаю

стоит обратить внимание на опыт своих соседей – Кореи и Японии, чтобы понять, насколько сложно побудить людей к увеличению деторождения, если рождаемость падает до критически низкой отметки. Как следствие, население Китая начнет сокращаться к 2023 г.

По данным Организации Объединенных Наций, в 21 стране мира численность населения начала сокращаться в 2000–2005 гг. Почти во всех странах женщины стремятся иметь меньше детей. Наиболее населенными странами с уровнем рождаемости ниже уровня воспроизводства являются Китай, Бразилия, Вьетнам, Иран, Таиланд и Корея в порядке убывания численности населения.

Куры и яйца

К падению рождаемости привело стремительное внедрение планирования семьи и использование противозачаточных средств. Большинство демографов склоняются к тому, что к 2050 г. в мире будут жить 9 млрд человек. Но если бы не три десятилетия успешного планирования семьи, эта цифра могла бы достигнуть и 16 млрд человек, полагает австралийский демограф Питер Макдональд.

В конце 1970-х в Марокко, к примеру, лишь 5 процентов женщин использовали контрацептивы. Сегодня эта цифра достигла 63 процентов. Еще один не менее важный фактор, мешающий росту рождаемости, – это прогресс, достигнутый в образовании девочек.

Образование означает снижение рождаемости, а низкая рождаемость в свою очередь может означать более высокий уровень образования. Немедленную выгоду от так называемого «демографического дивиденда» получают школы. Ведь чем меньше детей рождается, тем ниже нагрузка на образовательные ресурсы, и денег, выделяемых на обучение отдельно взятого ребенка, теоретически, также становится больше. Но на практике деньги могут быть направлены на другие цели. Хотя в Южной Корее, где демографический дивиденд был инвестирован в образование, результаты экономического и социального развития в последние десятилетия поражают воображение.

Такая же устойчивая связь прослеживается между медицинским обслуживанием и рождаемостью. По статистике, шансы ребенка на выживание

значительно выше в небольшой семье с более высокой концентрацией как физических, так и эмоциональных ресурсов.

Во время обеденного перерыва беседу с исследователем из Италии – страны, имеющей самый низкий коэффициент рождаемости в странах Западной Европы (1,3). Она говорит, что «традиционное представление о материнстве в Италии по-прежнему широко распространено. Современные женщины, которые работают и делают карьеру, не хотят во все это ввязываться: они не получают достаточной поддержки со стороны государства и со стороны своих партнеров, чтобы иметь возможность и работать, и рожать детей».

В Японии также все больше женщин предпочитают не иметь детей, в результате коэффициент рождаемости страны составляет лишь 1,2. Молодые японки образованы лучше, чем их матери, имеют больше карьерных возможностей, но, тем не менее, традиционные патриархальные семейные ценности берут верх. Общество по-прежнему неодобрительно относится как к гражданским бракам, так и к рождению детей вне брака.

В Южной Корее женщина, планирующая забеременеть вне брака или, что хуже, решающая выносить и родить ребенка, подвергается остракизму; она может потерять свою работу, быть отвергнута семьей, и ей откажут в получении госпособий, доступных другим родителям.

Несмотря на столь жесткое отношение к матерям-одиночкам, высшие должностные лица выражают все большую обеспокоенность падением рождаемости в регионе. Норико Тцуя из университета Кейо в Японии отмечает, что «новое правительство обещает увеличить денежные пособия на детей в 2,5 раза, но пока попытки поощрить людей иметь детей успехом не увенчались». Беспокойство отчасти подпитывается страхами национального, культурного, психологического характера. «Сокращение населения означает упадок и ассоциируется с падением древних цивилизаций, – констатирует демограф Совета по народонаселению – ведущего международного научно-исследовательского центра Пол Демени. – Сокращение населения может привести как к ослаблению роли страны на мировой арене, так и к замедлению экономического роста».

Но даже очевидный спад рождаемости, который наблюдается в Японии, далеко не катастрофичен, полагает ученый. Население страны сократится со 127 до 102 млн человек в 2050 г., но это все еще выше показателя

1950 г. – 82 млн человек. По мнению Демени, глобальная тенденция падения рождаемости означает, что «мы движемся в сторону отрицательных темпов роста и фиксации низкого уровня численности населения. Сокращение численности населения приведет к уменьшению экологического следа». Но как эти подсчеты вяжутся со все большим количеством людей, населяющих планету? Как вы помните, по среднему варианту прогноза, к 2050 г. численность населения мира достигнет 9,1 млрд человек.

Падение рождаемости во многих странах мира свидетельствует о том, что текущий рост численности населения носит временный характер. По оценкам ООН, численность населения Земли достигнет своего максимума в 9,2 млрд человек во второй половине XXI века, после чего начнет снижаться, а затем стабилизироваться.

Безусловно, это не повод, чтобы отмахиваться от экологических проблем и пренебрегать демографическими прогнозами, но все же это позволяет привести в чувство паникеров, заявляющих о неудержимом росте численности населения планеты. **Одним из последствий уменьшения семей станет изменение возрастной структуры населения, и этот фактор, в сочетании с возросшей продолжительностью жизни людей сегодня, приведет к новому поводу для паники – старению населения. Это то, с чем мы столкнемся потом...**

Оригинал статьи опубликован в журнале New Internationalist

Перевод Елены Васильевой

Борис Романов, историк

ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО

В либеральной публицистике западное гражданское общество часто идеализируется, пропагандируется так называемый «европейский выбор». Но серьезные европейские социологи очень далеки от оптимистических оценок тенденций развития общества, сложившиеся в наиболее развитых капиталистических странах. Среди них современный британский социолог Зигмунт Бауман, в прошлом

польский коммунист. Бауман принимал активное участие во Второй мировой войне в составе Войска Польского, сформированного на территории СССР, и был награжден Военным крестом за доблесть, затем участвовал в строительстве новой послевоенной Польши. В начале 1968 г. Бауман, несогласный с политикой властей, вышел из правящей Польской объединенной рабочей партии, был уволен из университета, после чего был вынужден покинуть страну. (Как известно, именно в 1968 г. в социалистической Чехословакии проводились демократические реформы Дубчека, подавленные войсками стран Варшавского договора.)

С конца 1990-х гг. Бауман является признанным теоретиком альтерглобалистского движения. Его перу принадлежат фундаментальные работы «Индивидуализированное общество», изданное на русском языке в 2002 г., и «Глобализация. Последствия для человека и общества» (2004 г.).

В книге «Индивидуализированное общество» Бауман отмечает, что **в развитых демократиях «долгосрочные планы относительно справедливого общества не пользуются особым спросом»**, поэтому в современном мире падает интерес к политике с большой буквы, размываются политические убеждения. «Вера в спасительную миссию общества сегодня мертва по обе стороны ныне разобранной идеологической баррикады, во дворцах и хижинах, в элитных квартирах и городских гетто», – констатирует он. Именно этому состоянию современного социума профессор Бауман дает определение «индивидуализированное общество».

Так как же характеризуется индивидуализированное общество в работе Баумана? Он выделяет три его главных признака: утрата человеком контроля над большинством значимых для него социальных процессов; возрастающая в связи с этим неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом не контролируемых ею перемен; наконец, возникающее в таких условиях стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что в конечном итоге приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни.

Основное противоречие развитых обществ в начале XXI века автор видит, с одной стороны, в стремительном усложнении

социально-экономических процессов, а с другой – во все более явной фрагментированности человеческого существования.

Бауман выступает как социальный и моральный критик современного общества. Опираясь на идеалы гуманистической традиции, он доказывает, насколько неустойчив и не способен к саморегулированию социум, члены которого не имеют никаких представлений о долгосрочных целях развития и, более того, стремятся вообще уйти от таковых. В книге «Индивидуализированное общество» он рассматривает следующие проблемы: возвышение и упадок труда, локальный порядок на фоне глобального хаоса, свобода и безопасность, идентичность в глобализирующемся мире, а также вопросы эффективности демократии, культуры и человеческих взаимоотношений в эпоху постмодернизма.

В предисловии к русскому изданию книги Бауман пишет, что «в ней рассмотрены характерные черты того типа общества, которое возникло на Западе в последние десятилетия и к которому присоединяется теперь и Россия».

Автор выступает как последовательный оппонент последствий неolibеральной глобализации. По его мнению, **в результате глобализации сложилась политическая экономия неопределенности – это набор правил, отменяющих всякие правила, навязанный местным политическим властям мощью экстерриториальных финансов, капитала и торговли.** Ее принципы нашли свое отражение в печально знаменитом Многостороннем соглашении об инвестициях, в навязанных им ограничениях возможности правительств сдерживать свободу передвижения капитала. «Эта политическая экономия неопределенности, – считает Бауман, – выгодна для бизнеса». «Капиталу нет нужды связывать себя обязательствами, коль скоро этого можно избежать».

«Освобождение от ответственности за последствия, – подчеркивает ученый, – это наиболее желаемое и высоко ценимое приобретение капитала, обеспечиваемое новой мобильностью, свободой перемещения за любые границы». Он призывает к поиску международной альтернативы господству транснациональных корпораций. «Необходимость в глобальных структурах, достаточно сильных, чтобы противостоять концентрированной мощи глобальных рынков и финансового капитала, не вызывает сомнений. Спорный вопрос состоит, однако, в том, способны

ли существующие ныне политические институты – национальные правительства и связанные с государством политические партии – либо преобразоваться в подобные структуры, либо создать их», – замечает автор.

Согласно Бауману, **экономическая глобализация ведет к кризису современной государственности, государственные институты не способны не только на сохранение завоеваний эпохи социального государства всеобщего благоденствия, сформированного преимущественно социал-демократами, но даже на необходимые регулирующие функции.** Как подчеркивает социолог, «международный капитал кровно заинтересован в слабых государствах, то есть таких, которые слабы, но все же остаются государствами». «Широко распахнутые ворота и отказ от всяких помыслов о самостоятельной экономической политике являются предварительным условием получения финансовой помощи от мировых банков и валютных фондов», – эти слова Баумана, написанные более десяти лет назад, и сейчас находят наглядное подтверждение в судьбе столь разных государств, как Греция или Украина.

Речь, конечно, не идет об исчезновении государственности как таковой. Такие державы, как США и Китай, Россия и Германия, не являются слабыми государствами. Альтерглобалист Бауман говорит о процессах разрушения социальной ответственности современных государственных институтов под давлением транснационального капитала. Поскольку «требуется не менее, чем международный республиканский институт, сформированный в масштабах, соразмерных с масштабами действия транснациональных сил, либо, как указал Ален Греш в статье, посвященной 150-летию Манифеста Коммунистической партии, нам нужен новый интернационализм».

Как один из представителей альтерглобализма Бауман является противником именно неолиберальной глобализации, но не выступает за политику национального изоляционизма и автаркии. **Альтерглобалисты борются за иную, прогрессивную демократическую глобализацию, осуществляемую в интересах общества, а не транснациональных корпораций.** По его мнению, «неолиберальный взгляд на мир резко отличается от других идеологий прошлого, оказывается явлением совершенно иного порядка в силу того, что он практически не

задает вопросов самому себе, капитулирует перед тем, что сам он считает безжалостной и неотвратимой логикой социальной реальности».

Бауман не ограничивается критикой социальных последствий неолиберальной глобализации. Он выступает как философ и моралист, пытающийся понять, к каким последствиям может привести так называемое индивидуализированное общество. При этом он ссылается на авторитет современного этического философа Эммануила Левинаса, который считает, что признание потребностей ближнего и ответственность за их удовлетворение является краеугольным камнем морали, а принятие на себя этой ответственности – моментом рождения нравственной личности.

Бауман отмечает нарастающий кризис ценностей, которые «уже тысячи лет тому назад легли в основу иудейско-христианского учения, воспитывавшего и распространявшего наше общее понимание человечности и цивилизационного существования». Цивилизация, основанная на этих ценностях, сталкивается с самыми глубокими вызовами за свою долгую историю.

Говоря о трагическом опыте XX века, Бауман напоминает о «человеческой цене надевания на общество идеологической смирительной рубашки», полагая, что «ныне правящий экономический либерализм» пытается навязать обществу новый безальтернативный взгляд на мир.

Ученый анализирует причины разрушения современного социального государства под давлением неолиберальной глобализации. «Если государство благосостояния подвергается нападкам, то все это происходит потому, что исчезло уникальное сочетание факторов, приведшее к возникновению данного государства и восприятие его как естественного элемента современного общества». Бауман отмечает, что в сложившихся условиях мировой экономики «ни у левых, ни у правых правительств нет иных способов добиться благосклонности избирателей, кроме как уговорить глобальный экстерриториальный и свободно перемещающийся финансовый капитал прийти в страну и остаться в ней. С точки зрения же последнего, поддержание приемлемых условий жизни местных бедняков, эта основная цель государства благосостояния, полностью лишено экономического смысла».

Государство благосостояния, возникшее во второй половине XX века в ряде развитых стран в результате социал-демократи-

ческих реформ, Бауман называет одним из величайших завоеваний человечества и достижений цивилизованного общества, над которым нависла угроза демонтажа. «Одним из доводов, приводящихся обычно в пользу отказа от государства благосостояния, состоит в том, что мы не можем себе этого позволить», – замечает ученый. **Он призывает к нравственному «крестовому походу» в защиту этих социальных завоеваний трудящихся и перспектив будущего этого государства.**

При этом он признает, что в современной глобальной экономике исчезают рациональные социально-экономические доводы в защиту такого государства. Тем не менее, настаивает Бауман, «только сама нравственность может поддержать себя: лучше проявлять заботу, чем умывать руки, лучше быть солидарным с другими в их несчастьях, чем высказывать безразличие, и в конечном итоге лучше быть нравственным, даже если это не делает людей более богатыми, а кампании более прибыльными».

Бауман постоянно подчеркивает, что разрешение проблем человечества лежит в преодолении системы, построенной на неконтролируемом господстве глобального финансового капитала. «Глобальные финансовая система, торговля и информационная индустрия зависят от своей свободы, от ее неограниченности в продолжении их деятельности по политической фрагментации мира», – считает он. Ученый анализирует последствия этих процессов для всей совокупности взаимоотношений между людьми. «Семья долгое время служила своеобразным мостом между буднями личной жизни и долговечными ценностями. Сегодня уже никому не удивляет, что семьи создаются и разрушаются множество раз на протяжении жизни одного человека», – отмечает Бауман.

Эти процессы в значительной мере сказались и на феномене современной культуры. Главное различие с культурой прошлого он усматривает в стремлении современного искусства «афишировать свою недолговечность». «Любимой формой визуального искусства являются хэппенинги и инсталляции, организуемые для единственного показа». В отличие от большинства европейских левых и леворадикальных интеллектуалов Бауман весьма скептически оценивает многие проявления современной культуры. «Приверженность долговечным ценностям находится сегодня в кризисе» в том числе и потому, что «людям предлагается (скорее на-

вязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность», – утверждает он.

Также социолог отмечает, что, с одной стороны, культура постмодернити всячески превозносит сексуальную свободу, а с другой стороны, над людьми постоянно нависает угроза обвинений в так называемых сексуальных домогательствах. По мнению Баумана, эта ситуация чревата психическими расстройствами, все более тяжкими из-за того, что сегодня уже неясно, что есть «норма» и какой вариант «следования норме» мог бы их излечить.

В главе «Насилие старое и новое» **Бауман предсказывает, что на смену XX веку «приходит другой жестокий век – на этот раз век насилия, порождаемого деструкцией национальных государств под воздействием глобальных сил, не имеющих собственной территории и свободно перемещающихся в пространстве».** В свете активизации религиозно окрашенного международного терроризма это предсказание звучит особенно актуально.

В то же время Зигмунт Бауман вовсе не отрицает возможностей прогрессивной эволюции современных демократий. Поэтому представляется важным его замечание о том, что **«демократическое общество можно распознать по никогда не ослабевающему в нем подозрению, что его работа еще не закончена и оно еще не стало достаточно демократичным».**

Интан Суванди, политолог

ЗА КУЛИСАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация – не новый этап в истории капитализма, она продолжается уже долгое время. Капитализм – это внутренне и внешне расширяющаяся система, он растёт и распространяется одновременно, его рост и распространение являются глобальными по масштабу и империалистическими по характеру.

Накопление капитала всегда означает экспансию, капитализм с самого начала невозможен без империализма. От захвата Америк до колониального подчинения Азии и Африки и до современной неолиберальной гло-

бализации, цели капитала остаются неизменными – расширение рынков, разграбление природных ресурсов и эксплуатация дешёвого труда на периферии. Однако **глобализация (глобальная капиталистическая экспансия) в разные исторические периоды имела значительно отличающиеся характеристики. Сейчас её основа – это эксплуатация «глобального Юга» путём укрепления монополистического капитализма и олигополистической власти многонациональных корпораций, а также «глобального арбитража труда».**

Новые тенденции в развитии глобальной экономики

Современную глобальную экономику и нынешнюю волну глобализации, начавшуюся в конце 1970-х, характеризуют громадный рост торговли и международных прямых инвестиционных потоков; массированное увеличение международных портфельных инвестиционных потоков; ускоренное развитие офшоринга, особенно в обрабатывающей промышленности, в форме как контрактов между независимыми партнёрами, так и сделок в рамках одной многонациональной корпорации (МНК).

Объём иностранных прямых инвестиций (ИПИ) в последние десятилетия рос гораздо быстрее, чем мировой доход. Ввозимые ИПИ выросли с 7% мирового ВВП в 1980 г. до примерно 30% в 2009 г. Контракты между независимыми партнёрами также играют важную роль в глобальной экономике, с их помощью компании получают «необычно большую норму прибыли путём своих международных операций и осуществляют стратегический контроль над своими каналами снабжения вне зависимости от сравнительного дефицита». МНК с высоким объёмом ИПИ одновременно являются ведущими международными субподрядчиками.

В последние 25 лет на «глобальном Юге» происходит бум экспортно-ориентированной обрабатывающей промышленности. МНК рыщут по миру в поисках самой дешёвой рабочей силы и находят её в развивающихся странах. Большая доля мировых ИПИ направляется на «глобальный Юг». Медленный, но верный рост этой доли начался в конце 1980-х, а в 2010 г. впервые более 50% всех ИПИ было вложено в «третий мир» и переходные экономики. В 2003 г. Всемирный банк констатировал, что ИПИ стали главным источником внешнего финансирования развивающихся стран.

В отличие от прямых инвестиций, стоимость контрактов между независимыми партнёрами трудно подсчитать, но аутсорсинг генерирует до 40% мировой торговли.

Промышленность становится главной причиной динамизма «третьего мира» в сфере производства и экспорта, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, где доля промышленности в ВВП непрерывно возрастала с 1970-х по 2000-е годы. Возникает глобальная рабочая сила: 78% всех промышленных рабочих мира сейчас находятся на «глобальном Юге», против 34% в 1950 г. и 53% в 1980 г.

Теории глобальных цепочек

Концепцию «товарных цепочек» предложили в 1970-е И. Валлерстайн и Т. Хопкинз в рамках мир-системного анализа. Затем в изучении глобальных цепочек сложились три основных подхода: 1) мир-системный макроанализ и долгосрочный анализ товарных цепочек; 2) исследование глобальных товарных цепочек (ГТЦ); 3) исследование глобальных стоимостных цепочек (ГСЦ) или глобальных цепочек поставок. Теории ГТЦ и ГСЦ, в отличие от мир-системной теории, сосредоточены на изучении процессов экономической интеграции. Все три подхода во многом сходны, их терминология нередко взаимозаменяема, поэтому мы называем их все теорией глобальных цепочек.

Она понимает товарную цепочку примерно так же, как Валлерстайн и Хопкинз: «сеть трудовых и производственных процессов, конечным результатом которых является готовый товар». Цепочки обычно охватывают значительные территории и включают многие виды производственных единиц с разнообразными способами вознаграждения работников. Для обозначения отдельных процессов в товарной цепочке применяются термины «звено» или «узел». Узел – это конкретный производственный процесс, включающий приобретение и/или производство продукта, рабочую силу и её оплату, перевозки, распределение и потребление.

Важное значение для теории глобальных цепочек имеет изучение начавшегося в 1970-х в большинстве развивающихся стран перехода от импортозамещающей индустриализации к экспортно-ориентированной, в том числе благодаря офшорингу/аутсорсингу. Офшоринг, то есть по-

ставки товаров и услуг с зарубежных, а не национальных площадок, сам по себе не нов, но теория глобальных цепочек считает рост международного производства и офшоринга отличительной чертой современной глобализации. Торговля ведётся по всё более сложным и высокоорганизованным схемам, при которых всё больше товаров и услуг поступает из развивающихся стран, где сосредотачивается всё большая (и растущая) доля рабочей силы.

Этот сдвиг в корпоративной стратегии считается одной из причин «новой волны» глобализации. Он должен обеспечить более низкие издержки, большую гибкость, возможность направлять больше средств на финансовые операции и рост акционерной стоимости при сокращении обязательств по созданию и сохранению рабочих мест. Важной новой тенденцией стало возникновение корпораций – крупных торговых компаний, которые сами ничего не производят, но в последние два десятилетия являются «моторами» глобальных цепочек. Они практикуют аутсорсинг в цепочках с доминирующим покупателем, создают в странах-экспортёрах, прежде всего в «третьем мире», децентрализованные производственные сети. Они – торговцы, которые лишь проектируют и/или под своим брендом выносят продукт на рынок. Такие цепочки, в отличие от основанных на ИПИ цепочек с доминирующим производителем, опираются на контракты между независимыми партнёрами.

Теория глобальных цепочек недостаточна для критического понимания материальных отношений, особенно между глобальным капиталом и трудом «глобального Юга», лежащих в основе глобализации производственных процессов. Эта теория недооценивает роль многонациональных корпораций (МНК) в глобальной экономике и глобализации производства, степень и методы их контроля над децентрализованными цепочками с доминирующим покупателем, а следовательно, их фактическую власть.

Ослабляется ли эта власть благодаря глобализации производства? Радикальные экономисты доказывают, что возникновение систем товарных цепочек не означает равномерного распределения контроля над производством по всему миру. Хотя МНК переходят с иерархической организации на сетевую, их структура управления по-прежнему остаётся национальной, их руководящие органы и НИОКР сосредоточены на «глобальном Севере»,

а инновации вместе с инвестициями передаются в развивающиеся страны. Примером может служить Китай, где выдаётся всё больше и больше патентов, однако в основном это «усовершенствование, освоение и творческая имитация» импортированных технологий. МНК производят 85% высокотехнологичных экспортных товаров Китая; с 2002 по 2009 годы доля таких товаров, производимых корпорациями, принадлежащими иностранцам, выросла с 55 до 68%.

Теоретики глобальных цепочек чаще всего упускают из виду связь между властью МНК и неравными отношениями «глобального Севера» с «глобальным Югом», рассуждая лишь о том, как развивающиеся страны могут занять более выгодную позицию в цепочке. В пример они приводят подъём новых индустриальных экономик (НИЭ) Восточной Азии благодаря переходу к «треугольному производству», когда заказы из стран Европы и США размещаются в НИЭ, передающим производство офшорным предприятиям на «дешёвой» периферии – в Китае, Индонезии или Гватемале. Это позволяет НИЭ перейти с роли поставщика для розничных и брендовых компаний США на роль посредника в цепочках с доминирующим покупателем.

Монополистический капитал и многонациональные корпорации

«Новая волна» глобализации продолжает долгую историю империалистического глобального капитализма, монополистического капитала, развития многонациональных корпораций и усиления их власти, то есть всего того, что теория глобальных цепочек обычно упускает из виду. От развития монополистического капитализма неотделимы возникновение и эволюция МНК. Господствующее положение этих гигантских корпораций объясняется их способностью устанавливать и навязывать монопольные цены. Повышения цен происходят «очередью», чаще всего – после того как цену повышает ведущая корпорация в данной отрасли, при этом снижения цен олигополии избегают, чтобы не допустить ценовой междоусобицы.

Небольшое (и постоянно сокращающееся) количество МНК контролирует мировое производство. Их мощь и богатство увеличиваются по мере того, как увеличиваются их размер и многонациональность. МНК

формируют новую структуру менеджмента, позволяющую повышать эффективность производства, «импортировать» в экономику достижения науки, оптимизировать процесс принятия решений, создавая вертикальную систему управления, которую венчает штаб-квартира в метрополии.

Правда, в противоречие с этой системой неизбежно вступает необходимость децентрализации системы управления, чтобы приспособливаться к специфике каждой страны.

Целью корпораций неизменно остаётся установление и удержание монополистической власти, то есть способности генерировать постоянную высокую прибыль. В ходе глобализации ведущие олигополии экспортируют капитал в недоразвитые страны, чтобы обеспечить высокие прибыли за счёт эксплуатации изобильного дешёвого труда и контроля над ключевыми природными ресурсами.

Экспорт капитала характерен для всей истории монополистического капитализма. Уже в эпоху колониализма благодаря вывозу капитала в отсталые страны, где «прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешёвы», была заложена «солидная основа империалистского угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств».

После Второй мировой войны иностранные инвестиции, прежде всего в обрабатывающую промышленность, становились всё более важным элементом мировой империалистической системы, лидером которой стали США. Неудивительно, что в 1914–1960 годах их доля в совокупных иностранных инвестициях ведущих стран-экспортёров капитала выросла с 6,3% до 59,1%. Инвестиции, особенно прямые, позволяют конкурировать на иностранных рынках непосредственно, а не путём экспорта. Они укрепляют позиции МНК, поскольку направляются в наиболее монополизированные отрасли.

Империалистическая глобальная экономика глазами «глобального Юга»

Понимание современного империализма невозможно без анализа систематического расхождения в степени эксплуатации между империали-

стическим «глобальным Севером» и периферийными странами «глобального Юга». В разной стоимости рабочей силы или в сверхэксплуатации нет ничего нового, но в последние 30 лет неолиберальной глобализации эти факторы приобрели решающее значение.

Рассмотрим офшоринг/аутсорсинг как элемент глобального арбитража труда. Экономист Стивен Роуч, который ввёл этот термин, понимал под ним замену высокооплачиваемых работников в США и других развитых странах низкооплачиваемыми работниками равной квалификации за рубежом. Это является для компаний «актуальной тактикой выживания» путём снижения издержек и поиска новых путей повышения эффективности.

Здесь снижение издержек – это использование корпорациями резко дифференцированной оплаты труда на несовершенном глобальном рынке. На нём капитал и товары перемещаются сравнительно свободно благодаря либерализации торговли, если не считать препятствий, создаваемых монополистическим контролем и ещё сохраняющимся протекционизмом. Однако рабочая сила по большей части замкнута в национальных границах, что вызвано многими экономическими, политическими и социальными факторами, включая иммиграционные ограничения.

Офшоринг носит империалистический характер, это прежде всего эксплуатация труда «глобального Юга» империалистическим глобальным капиталом. Глобальный арбитраж труда, углубляющий интеграцию «глобального Юга» в мировую капиталистическую экономику, является неравным обменом, из которого капитал извлекает гораздо больше выгоды, чем его наёмные работники на «глобальном Юге».

Агрессивность глобального капитала в поиске более дешёвой рабочей силы находит отражение в попытках таких финансовых институтов, как Всемирный банк и Азиатский банк развития (АБР), формировать на «глобальном Юге» то, что они считают благоприятным инвестиционным климатом. Рабочая сила занимает здесь важнейшее место. Так, говоря об Индонезии, эксперты АБР называют её трудовое законодательство проблемой, которая больше, чем квалификация работников, мешает улучшить инвестиционный климат. Повышения минимальной оплаты труда также рассматриваются как нагрузка на предпринимателей и снижение инвестиционной привлекательности страны.

Укажем на несколько главных черт глобального арбитража труда. Во-первых, это стратегия сокращения социально необходимой стоимости труда (благодаря использованию низкооплачиваемого труда) и его максимальной эксплуатации на «глобальном Юге», включая потогонные условия труда на заграничных заводах, запрет профсоюзов государством, сдельно-прогрессивную оплату труда и т.п.

Во-вторых, глобальный арбитраж труда формирует глобальную «резервную армию труда», в том числе благодаря: а) «большому удвоению», то есть включению в глобальную экономику рабочей силы из бывших социалистических стран, включая Китай, и бывших протекционистских стран, таких как Индия; б) росту агробизнеса на глобальной периферии, вызывающему обезземеливание крестьян и их отток в города. Глобальная резервная армия труда нужна как для того, чтобы повышать прибыли, так и для того, чтобы «разделять и властвовать» над трудом в глобальном масштабе, усиливая конкуренцию за рабочие места между рабочими всего мира, особенно «глобального Юга».

В-третьих, глобальный арбитраж труда скрывает более комплексные империалистические отношения между глобальным капиталом и трудом на «глобальном Юге». При аутсорсинге или контрактах с независимыми иностранными поставщиками МНК вступают в не прямые отношения с рабочими или фермерами, выполняющими заказ, и видимого перемещения прибыли от этих иностранных поставщиков к заказчикам на «глобальном Севере», то есть многонациональным корпорациям, часто не происходит.

Экономист-марксист Дж. Смит показывает, как трудно отследить распределение прибылей, на примере 30-гигабайтного смартфона «Эппл» iPhone. В 2006 году он продавался за 299 долл. США, а производство обходилось в 144,4 долл. Это означало прибыль в 154,6 долл. (52%), которая делилась между «Эппл», её дилерами и государством, получающим налоги. Эти 52% считаются добавленной стоимостью для США и учитываются в их ВВП, хотя производство смартфонов осуществлялось только в Китае. Там общий фонд оплаты труда составил только 19 млн долл. против 719 млн в США. Жители потребляющих стран пользуются не просто дешёвыми товарами, но и той частью прибыли от них, которую в виде налога получает государство, а виде «комиссионных» – рабочие, арендодатели и все участники процесса продажи.

Разоблачая «иллюзию ВВП», Смит отмечает, что, когда мы покупаем товар, произведённый в одной из стран «Юга», лишь очень небольшая часть уплаченной цены учитывается в ВВП этой страны, а большая зачисляется в ВВП страны, где произошло потребление. Возникает абсурдная ситуация: у более бедных стран, в которых фактически происходит производство и которые вносят большой вклад в глобальное богатство, ВВП гораздо меньше, чем у стран, где производства нет. Смит объясняет это тем, что данные о ВВП и торговле учитывают лишь сумму рыночных операций, но стоимость создаётся только в процессе производства и существует отдельно от окончательной продажной цены.

Если мы поймём, как замалчивается и маскируется статистикой вклад «глобального Юга» в глобальное богатство и как это замалчивание ещё более способствует эксплуатации труда, происходящей в «сокровенных недрах производства» (К. Маркс) на «глобальном Юге», мы лучше поймём суть империалистического господства «глобального Севера» над «глобальным Югом».

Понимание империалистической глобальной экономики невозможно без марксовой теории стоимости в сочетании с исследованием исторических и политических аспектов глобализованного производства. Анализ роли капитала и государств «глобального Юга», которые, с одной стороны, подчинены капиталу «глобального Севера», с другой – эксплуатируют собственных рабочих, выявит всё разнообразие властных отношений между государствами – участниками глобальной экономики.

Мы можем разработать теорию империализма, которая будет опираться на трудовую теорию стоимости и анализ товара, прежде всего такого, как рабочая сила. Живой труд имеет решающее значение для глобализации производственных процессов именно потому, что превращение рабочей силы в товар – это суть капитализма, а производство этого товара глобализуется вместе с капитализмом.

*Оригинал статьи опубликован в журнале Monthly Review
Перевод Олега Теребова*

Джон Беллами Фостер, политолог и социолог

КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ КЛИМАТИЧЕСКУЮ СМЕРТЬ?

Для нынешнего мира, с его капитализмом и «бизнесом как обычно», характерны стремительные изменения климата и пересечение многих планетарных границ, определяющих безопасное поле жизни человечества. Это неслыханно быстрое изменение системы Земли благодаря действию социально-исторических факторов заставило учёных ввести понятие «антропоцена», означающее превращение человека в геологическую силу глобального масштаба.

При нынешних темпах роста углеродных эмиссий человечество в течение одного поколения может достичь повышения средней глобальной температуры на 2°C, то есть «предельного порога», установленного всемирной конференцией в Копенгагене в 2009 г. Это будет означать вероятность больше не вернуться к условиям эпохи голоцена, когда возникла сама цивилизация. Чтобы оставаться ниже порога в 2°C, необходимо сокращать углеродные эмиссии на 3% в год, а в развитых странах – на 10%. Они должны сократить эмиссии на 70% к 2020 г. и на 90% – к 2030-му.

Если порог в 2°C будет превышен, попытки сократить эмиссии парниковых газов могут оказаться уже бесполезными, поскольку человечество может совсем утратить способность собственными силами контролировать изменения климата и состояние цивилизации. Мы не знаем, какое повышение температуры явится этим роковым рубежом, но климатологи считают, что он будет гораздо ближе к 2°C, чем предполагалось, когда был принят этот показатель. Возможен «синдром Венеры», когда из-за перегрева Мирового океана и вызванных этим изменений в атмосфере Земля будет всё больше напоминать Венеру. Чтобы не допустить повышения уровня моря, которое поглотит многие острова и прибрежные города, сделав сотни миллионов людей беженцами, необходимо до 2100 года сокращать углеродные эмиссии во всём мире на 6% в год.

Однако капитализм не стремится к сокращению эмиссий, поскольку оно угрожает самому существованию системы. В ре-

зультате перед цивилизацией встаёт угроза самоуничтожения, не менее опасная, чем угроза ядерной войны, но более реальная. **Другого выбора, кроме как «изменить систему, чтобы не изменился климат», у человечества больше нет.** Нам нужны действительно масштабные и ускоренные социальные перемены, превосходящие по размаху великие революции прошлого и такие экономические трансформации, как промышленная и «зелёная» революции. Нам нужна Экологическая революция XXI века.

Экологический марксизм

Господствующая либеральная общественная наука не может служить надёжным руководством для решения проблемы. Она запрещает себе критиковать капитализм, сам термин «капитализм» уже давно заменяется бессмысленным понятием «рыночная система». Те, кто не мыслит себе будущего без капитализма, готовы верить в то, что с климатическим кризисом можно справиться и при нынешней системе. Однако и постмодернистские левые мыслители также не способны предложить выход, они погрязли в крайнем скептицизме и отрицании всего достигнутого, что составляет «диалектику поражения», как называлась книга Р. Якоби (1981). «Зелёная» теория или экологизм носят скорее этический характер и не занимаются научным изучением и социально-экологической критикой капитализма как системы.

Только социалистическая традиция, основанная на историческом материализме, может понять проблемы климата и перехода к справедливому и устойчивому обществу. Прорыв в марксистской экологии стал результатом нового осмысления научных основ учения К. Маркса, которое позволило гораздо глубже понять соотношение материалистической концепции истории и материалистической концепции природы, усилить социально-экологическую критику капитализма. Основу марксистской экологии составили: (1) открытый заново «анализ экологической формы стоимости» Маркса; (2) возрождение его теории метаболического разрыва; и (3) раскрытие двух вариантов теории экологического кризиса, вытекающих из его анализа.

Пять выводов об экологической катастрофе и экологической революции

На основе этих теоретических предпосылок мы можем прийти к пяти выводам касательно экологической и социальной революции, необходимой для спасения от глобальной экологической катастрофы.

1. Природе угрожает не сам по себе экономический рост, а современный финансово-монополистический капитализм, при котором экономические и экологические непроеизводительные затраты являются стимулом к накоплению. Развитые экономики сегодня могут удовлетворить материальные нужды своих сограждан и обеспечить качественное развитие человека, но капитализм требует постоянного возрастания стоимости и потребительского спроса, то есть расходования энергии и материалов. Рынок наводняется синтетическими товарами, которые отравляют окружающую среду, но навязываются путём массированных маркетинговых кампаний.

Если искусственно ускоренный экономический рост в богатых странах, угрожающий биохимическим процессам всей планеты, будет продолжаться, то у нас мало или вообще нет шансов остаться в рамках мирового «климатического бюджета». Социальный метаболизм капитала пытается пересоздать планету по собственному плану, угрожая снести все планетарные границы как ненужные барьеры и порождая глобальный метаболический разрыв. Поэтому необходимо ограничить экономический рост и распространение современного катастрофического неолиберального капитализма.

2. Капитализм сейчас переживает сразу два эпохальных кризиса – экономический (избыточное накопление, стагнация и финансиализация) и экологический (разрушение и заражение всех без исключения экосистем и планеты в целом). Собственно экологический кризис не отражается в капиталистическом учёте стоимости и, как правило, имеет более низкий приоритет по сравнению с экономическими потребностями. Этот конфликт между экономическими и экологическими целями является органической чертой всей капиталистической системы.

Обществу постоянно внушается мысль, что тот же экономический рост обеспечит решение всех проблем. Однако любая система способна поддерживать такой рост только на времен-

ной или скоротечной, а не на устойчивой долгосрочной основе.

Если не ввести рост в рамки, оба эпохальных кризиса капитализма будут усиливаться, обе линии разлома будут только углубляться.

3. Если накопление или экономический рост в богатых странах удастся затормозить хотя бы на время, то понадобится масштабная новая система перераспределения. Избыток социального продукта необходимо будет перенацелить на удовлетворение подлинных человеческих потребностей и обеспечение экологической устойчивости. Только так мы сумеем изыскать ресурсы для построения мира, устойчивого потому, что он справедлив, и справедливого потому, что он устойчив.

4. Сохраняет актуальность марксова модель социализма как общества с устойчивым развитием человека. Для недопущения климатической катастрофы необходимо передать власть ассоциированным производителям, которые, учитывая достижения науки, общественные нужды и задачи развития человека, смогут залечить метаболический разрыв и регулировать сложный многоуровневый метаболизм между природой и обществом. Д. Уэстон писал: «Человеческие общества должны жить согласно метаболическим циклам производства, потребления и избавления от отходов, составляющим самодостаточный замкнутый цикл, в котором единственным приводящим элементом станет солнечная энергия. В новой экономике природа будет признана всеобщим источником богатства».

5. Орудием революционных изменений является человек, но кто и как станет носителем революционных изменений сейчас? Экологические марксисты считают, что уже появляется «экологический пролетариат»: значительное большинство населения планеты сталкивается с повседневным ухудшением условий жизни, порождённым экономическим и экологическим кризисами, а оба они всё больше и больше сливаются между собой. Нехватка продовольствия, захваты земли и источников воды, веерные отключения электричества, загрязнение окружающей среды, разрушающиеся и замусоренные города, развал здравоохранения, ужесточение насилия в отношении угнетённых групп населения накладываются на усиление неравенства, экономический застой, рост открытой и скрытой безработицы.

Поэтому классовая борьба сейчас зачастую является столь же экологической, сколь и экономической. Физические действия против системы

начинают сливаться в единый фронт «параллельной революционной борьбы». Примерами служат глобальное движение за экологическую (климатическую) справедливость и движение радикальных прямых действий, которое называют «Блокадия».

Экодемократический и экосоциалистический этапы борьбы

Эта общая борьба станет революционной в той мере, в какой её поддержат те, кому приходится хуже всего, – трудящиеся «третьего мира», работающие женщины, «цветные» этнические меньшинства в бывших странах-метрополиях, коренные народы, крестьяне и безземельные сельскохозяйственные рабочие, борцы за права меньшинств и вообще эксплуатируемые и обездоленные, все и везде.

Первым этапом новой революционной борьбы станет экодемократический, то есть создание широкой коалиции, в которую войдёт громадное большинство человечества, страдающее от нечеловеческих условий и стремящееся построить мир устойчивого человеческого развития. На этом этапе необходимо добиться радикальных, даже революционных реформ, направленных против разрушительной практики капитализма и имеющих реальное наполнение в современных условиях.

Эти меры могут включать, но не исчерпываться, следующими: (1) чрезвычайный план по сокращению углеродных эмиссий в развитых странах на 8–10% в год; (2) мораторий на экономический рост плюс радикальное перераспределение доходов и богатства, сохранение ресурсов, рационализация, сокращение экономических потерь; (3) направление военных расходов на оздоровление планеты; (4) создание альтернативной энергетической инфраструктуры, не выходящей за рамки солнечного бюджета; (5) закрытие предприятий, работающих на угле, прекращение добычи неконвенциональных ископаемых топлив, например сланцевой нефти; (6) система сборов за углеродные выбросы, с распределением 100% поступлений среди населения; (7) помощь развивающимся экономикам в переходе к устойчивому развитию; (8) реализация всеобщих принципов экологической справедливости, при которой последствия катастрофы не ложатся на народы «третьего мира», коренные народы, бедноту и женщин;

(9) принятие политики в области изменения климата по образцу, предложенному в Соглашении народов по изменению климата от 2010 г.

Если эти цели будут реализованы, возникнут условия для второго, или экосоциалистического, этапа, результатом которого станет построение общества реального равенства, экологической устойчивости и коллективной демократии в классическом понимании этого слова, общества, живущего по принципу «от каждого по способностям, каждому по труду».

Система социального метаболизма будет перестроена снизу доверху, начиная с местного уровня. Именно этот идеал имел в виду Маркс: «Коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей».

Для Маркса в XIX веке это была борьба за свободу человека, в XXI веке это ещё и борьба за само выживание человека. Это борьба против «экономики массового уничтожения», которая распространяется по всей планете и ставит под угрозу жизнь человечества и жизнь на Земле вообще. Нашей планете объявлена война, которая ведётся ради накопления капитала и которая не признаёт никаких границ, кроме правил учёта прибылей. Превращение этой экономики экстерминизма в экономику созидания, заключение справедливого и устойчивого мира между человеком и планетой – вот наша задача.

Климатическая катастрофа и капиталистическая система неразрывно связаны, поэтому есть только один способ предотвратить катастрофу – «изменить систему, чтобы не изменился климат». Если мы этого не сделаем, капитализм будет означать конец человеческой цивилизации, человеческой истории и самого человеческого существования.

*Оригинал статьи опубликован в журнале Monthly Review
Перевод Олега Терёбова*

КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ

Адам Терл, обозреватель

В ЗАЩИТУ РЕАЛЬНОГО МИРА

Искусство переживает кризис. Во-первых, современное искусство существует в мире, который сам переживает множество кризисов. Это мир стремительной индустриализации, расизма, сексизма, неравенства и экономического хаоса. Во-вторых, современное искусство изобилует собственными противоречиями, связанными с проблемами «реального мира», перечисленными выше. Например, какое значение имеет искусство, созданное одним человеком или небольшой группой, в мире, где одним нажатием кнопки можно немедленно получить доступ к миллионам изображений?

На протяжении поколений искусство отвечало на технический прогресс, превращаясь в радикальную лабораторию по сигнификации, что выражалось в бесконечной череде авангардистских движений. Этот процесс породил нечто, что именуется «мир искусства», а фактически является особой отраслью промышленности, свойственной индустриальному капитализму. Эта «отрасль» характеризуется автономным производством товара (произведения искусства), который выносятся на рынок через «бутики» (художественные галереи) и легитимизируется специализированным кругом интеллектуалов (школы искусств, журналы, музеи и пр.).

Привлекательная сила искусства кроется в автономии художника. Джулиан Сталлабрасс замечает: «Свобода искусства – это больше, чем

идеал. Несмотря на малые шансы на успех, профессия художника так популярна, поскольку она сулит перспективу труда, внешне свободного от узкой специализации и позволяющего художнику наполнять работу и жизнь своим особым смыслом».

Благодаря этому художников постоянно влекло к радикальной политической деятельности. Однако они также сталкиваются с тем, как пишет в своей книге «Тезисы об искусстве и классах» Бен Дэвис, что «нет удобного соответствия между искусством и политикой». **То, с чем искусство справляется хорошо, необязательно соответствует тому, чего в данный момент требует подлинное социальное движение.**

Вот что пишет Дэвис об «арабской весне»: «По мере того как эфир заполняли кадры с площади Тахрир, я направлял художникам в Египте запросы о помощи в подготовке статьи об их реакции на восстание. Одна египетская художница ответила мне по электронной почте, критически оценив и поставив под сомнение цель моей работы. «Сейчас это касается не художников, это касается всех египтян», — написала она. Иными словами, самым важным для художников было бы явиться на площадь Тахрир, как это сделали все остальные. Непосредственные интересы революции свели на нет все художественные соображения.

Многим художникам и учёным этот ответ не понравится. И творцы, и ценители искусства часто приписывают ему фантазмагорические свойства. Перефразируя Терри Иглтона, говорить или писать об искусстве — это не то же самое, что говорить или писать о сексе. Как правило, значение искусства преувеличивается или занижается. Отчасти это объясняется тем, что само искусство является одной из основных жизненных потребностей. Точно так же, как секс или пища, искусство может пробудить в человеческом разуме «волшебный» ответ.

Однако есть и другая причина для разногласий по поводу значения современного искусства. В последние десятилетия взлёт постмодернизма — смешанного набора идей, который делает упор на фрагментацию идеологии и повествовательности, — как будто «освободил» искусство. Оно стало миром искусства, воображающего, что искусством может быть всё, что угодно, — любой символ, изделие, объект или идея. С другой стороны, экспоненциальный рост теории искусства и критики всё больше и больше усиливал роль художников и интеллектуалов. Некоторые доказывали, что,

поскольку революционного пролетариата не существует, авангардом новой критической и революционной работы стали интеллектуалы и художники.

Конечно, искусство не может быть чем угодно – существует трудный процесс, связанный с прогрессом теории, который определяет, что попадает и что не попадает в выставочное пространство. Более того, аудитория изобразительных искусств остаётся явным меньшинством. В XXI веке оказалось, что искусство стало одновременно тяжёлым (с учётом его всемирно-исторического значения) и нестерпимо лёгким (ввиду своей свободной от ограничений практики и относительно небольшой аудитории).

В отличие от Фредерика Джеймсона, Дэвис рассматривает постмодернизм как «культурную идеологию неолиберализма». Основные черты постмодернизма, такие как фрагментированность, враждебность к «метаповествованиям» (особенно марксизму), децентрализация и гиперсубъективность, полностью соответствуют глобализации капитала, в тиски которой попадает рабочий класс. Этот взгляд, отчасти заимствованный у Дэвида Харви, имеет прямое отношение к попытке Дэвиса заново определить отношение искусства к классам. Это главный посыл книги «Девять с половиной очерков об искусстве и классе». В то же время Дэвис на этом не останавливается. Он раскрывает вопросы, связанные с художественными формой и содержанием, сексизмом, расизмом, неравенством и концептуализмом.

Конечно, исходный пункт большей части художественной критики – это образ или объект. Само по себе это не проблема, проблема возникает тогда, когда мир искусства остаётся «свободно плавающим» и изолированным от «большой жизни». Субъект искусства слишком часто становится искусством для себя, а не «реальным миром». Дэвис также начинает свою книгу с анализа того, как работает искусство, но доводит этот анализ до изучения взаимоотношений искусства с остальным миром.

Как замечает Дэвис, класс часто выражается в мире искусства как реакция против рынка искусства, когда художники стремятся найти язык для обсуждения класса помимо рынка искусства. Он написал «Девять с половиной очерков об искусстве и классе» и приклеил их скотчем к дверям Нового музея как образец многогранного марксистского анализа классовой структуры и современного искусства.

В «художественных кругах», где проявляется тенденция игнорировать класс и преувеличивать индивидуальные субъективные действия, эти вопросы породили немалую путаницу. Среди художников проявлялась также тенденция по идейным причинам отождествлять себя с рабочим классом. Действительно, многие художники – наёмные работники, но когда они работают учителями, барменами или служителями галерей, они художниками никак не являются. С марксистской точки зрения, когда художники работают как таковые, они относятся к среднему классу. Вся структура мира искусства определяется его индивидуализированным подходом к производству товара. Это не моральная оценка, а лучшая позиция для понимания отношения искусства и мира.

По определению, средний класс занимает промежуточное место между трудом и капиталом. Если одним полюсом его существования является рефлексивная необходимость подняться над «типовой» работой на других, то другим является естественная враждебность к крупному капиталу (как ни удивительно, ещё король Леопольд в своём знаменитом письме предупреждал королеву Викторию: «Взаимодействие с художниками ... требует большой осторожности; они знакомы со всеми классами общества и уже по одной этой причине опасны»). В мире, столь лишённом иллюзий, как наш, желание подняться над рутинными экономическими унижениями часто выливается в попытку стать изобразительным художником. Эта «иммиграция» может, в свою очередь, придать профессии художника подлинно радикальный характер, превратив её в готовый проводник для всех видов альтернативной деятельности.

В самом деле, аудиторию искусства составляют не только его буржуазные клиенты и специалисты-искусствоведы, но и все, кого искусство привлекает как средство избавления от серости повседневной жизни. Однако мир искусства не способен разрешить свои коренные противоречия. Идеи мастерства, концептуализма, равного участия (а в мире искусства до сих пор непропорционально велика доля белых и мужчин), радикальных акций (например, уличное искусство) и коллективных действий вновь и вновь врываются в мир неолиберального капитализма и экономического кризиса. Но только революция начнёт разрешать эти противоречия.

Здесь и сейчас первым шагом для художников должно стать признание, что искусство – это нечто большее, чем интеллектуальная игра. Надо при-

знать, что язык современного искусства часто не справляется с отражением всего диапазона опыта и страданий современного человека.

Искусство – это «волшебство». Но волшебство это работает только в диалектическом взаимодействии с прозой повседневной жизни. Будучи изолировано от реального мира, оно становится беспредметным. Как пишет Дэвис, «искусство – это не мир сам для себя. Искусство – это часть мира. Это должно быть принципиальной исходной точкой для всего».

*Оригинал статьи опубликован
в журнале International Socialist Review
Перевод Алексея Терехова*

Томас Метшер, журналист

МЕЖДУ АПОКАЛИПСИСОМ И УТОПИЕЙ

Современное искусство родилось во время уникального кризиса, обрушившегося на западноевропейскую цивилизацию, на ее основы и принципы.

Глобальная экспансия капитала, спрогнозированная в «Коммунистическом манифесте», стала реальностью, капитализм вступил в фазу империализма. Пролетариат вышел на сцену мировой истории в качестве актера, мечта о новом обществе – универсальной человеческой эмансипации – стала возможной. В кризис затянуло разные институты общества и не в последнюю очередь – искусство. Помимо философии и теоретического сознания, искусство было тем пространством, в которое выплескивалось предчувствие кризиса, которое проявляется уже в поздних произведениях Гёте, Бетховена и Шуберта. Эта тенденция была продолжена в других произведениях XIX века: в «Коммунистическом манифесте» и «Капитале», в «Кольце Нибелунгов» Вагнера, у Ницше, в великих романах XIX века (Бальзак, Толстой, Достоевский, Тургенев, Мелвилл, Харди), а также в лирических произведениях. В начале XX века во всех видах искусства

произошел прорыв – Первая мировая война создала роковую цезуру. В таких условиях Маркс и Ницше стали олицетворением противоречия, характерного для всего XX века и не теряющего силу своей прагматики в веке XXI – возникающая при крахе старого мира альтернатива: социализм или варварство.

Рождение эстетического модерна совпадает с возникновением современного империализма, и это совпадение не случайно. Вместе с ним проявляется варварская сторона капитализма, проявляется связь капитализма и насилия, невиданных прежде форм. Как отмечал Генрих Манн, империализм означает крах человеческих достижений гражданского общества, это отказ от революционно-гуманистического, прогрессивного прошлого, империализм означает конец распространения европейской культуры как ансамбля ее достижений, норм и ценностей. Это комплекс кризиса, краха и отказа от прошлого – «международное погружение в варварство», и все это пророчески предсказывает искусство при помощи разных противоречивых оценок, делая это скорее интуитивно, нежели осознанно.

Основная проблема современного искусства

Вступление буржуазного общества в империалистическую фазу было воспринято большинством деятелей искусств как культурный крах, фундаментальный кризис смыслов, перелом эпохи: всемирно-историческая цезура – дилемма эпохи, которая подходит к своему концу, при этом новая эпоха, которая родилась в утробе старой, была в своих контурах неразличима. Институты и их суть отдалялись друг от друга. Слова Антонио Грамши о времени, в котором умирает старое и не может родиться новое, соответствуют интуитивному сознанию большинства деятелей искусств. В 1923 г., когда на фоне апокалипсиса прошедшей войны, революции в России и угрозы фашизма кризисное сознание достигло зенита, Лукач Дьёрдь в своей работе «История и классовое сознание» очень точно описал дилемму буржуазного сознания: «Все существо буржуазного сознания и буржуазная культура как его олицетворение погрузились в острейший кризис. С одной стороны, безграничное бесплодие отрезанной от жизни идеологии, этой более или менее осмысленной подделки, с другой стороны, такая же бесплодная ода цинизму, который исторически убежден в фальши

своей сути и лишь защищает свое голое существование и свои оголтелые эгоистические интересы. Этот идеологический кризис является ясным знаменем разложения».

Как бы это ни было неправильно – ограничивать эстетический модерн буржуазной интеллигенцией и идеологией, **Лукач обозначает принципиальную дилемму буржуазного сознания и буржуазной идеологии: проблема идеологического разложения, которое с самого начала и до сегодняшнего дня составляет основную проблему искусства и модерна, сегодня она более вирулентная, чем раньше.**

Не в последнюю очередь кризис общества воспринимался как кризис смыслов – кризис некоторых ценностей и норм (светских и религиозных), кризис смысла существования как такового. В это время Ницше создал свой концепт, пропитанный образом героического сверхчеловека. Все двадцатое столетие прошло на фоне конstellляции кризиса смыслов и синдрома нигилизма, к которому идеологически относится современное искусство – хочет оно того или нет. Эта конstellляция затрагивает не только буржуазное искусство, она также оказывает влияние на социалистическое, к примеру, русский авангард, Брехта, Неруду, Ноно. Ведь оно ни в коем случае не стоит за пределами дилеммы общей идеологической ситуации, реагируя на нее и обрабатывая. Не случайно русская литература XIX века (Гоголь, Толстой, Достоевский, Тургенев) очень остро ставила вопрос об идеологическом кризисе – и эта литература есть предыстория русской революции. Марксистское мышление также, если воспринимать его философски, является ответом на вопрос смысла.

Плюрализм и синтез

С момента своего возникновения эстетический модерн характеризуется плюрализмом форм и функций, причем такого многообразия не было никогда в истории. XX век можно назвать самым богатым на проявления различных форм искусства. Современное искусство, как отметил еще Гегель, может использовать любую форму и любой материал. В начале модерна стоят не только эстетизм, деконструкция и формальный эксперимент, а помимо прочего, еще и натурализм и политическая литература.

Вместе с тем форма произведений, противоречащая этим тенденциям, осталась прежней. Она переконструировалась. В ее самых значимых образах искусство стало живым и содержательным, хотя и зачастую в виде отчуждения и абстракции. Мимесис (греч. – подражание) и абстракция не противоречат друг другу. Насколько правильно то, что современное искусство протекает по пути декомпозиции (деконструкции), настолько верно и то, что фазы деконструкции и формального эксперимента были разделены на многие промежуточные ступени, из которых возникли новые миметические формы.

В основе форм миметической абстракции зачастую лежит опыт раскола оболочки и сути в современном мире. В этом опыте выражается фундаментальная правда нашего века. Его суть – чем же на самом деле «является» капитализм – не видна ни в каких других смысловых эмпирических оболочках. Поэтому это нельзя отобразить в прямом соотношении противоречий. **Никогда еще в истории разница между внешним проявлением и сутью не была такой значительной, как в эпоху империализма.** Эта констелляция проникает в каждый вид искусства, который принимает эту диалектику как фундаментальную проблему творчества. Бесспорно, существует, зачастую в идеологически доминирующей позиции, прагматическое и беспредметное искусство модерна, как существуют чистый формализм и чистый конструктивизм. Такое искусство бывает разного качества, исполняет разные функции и само по себе разное по значимости, зачастую оно привязано к антиреалистическим и антисоциалистическим идеологиям. Беспредметное искусство не имеет эстетического значения, оно движется в необходимых границах, которые диктуются форматом. Самые значимые произведения искусства эпохи империализма всегда предметны, ориентированы на реальность, обладают миметичным характером и зачастую выражены в форме полифоничного мимесиса.

Термин «синтетическая форма» может найти здесь применение: синтез органической и абстрактной формы, традиции и эксперимента, реализма и авангарда. Помимо экспериментально-авангардистских линий, в модерне также присутствуют еще и традиционные, часто органически закрытые формы такого же хорошего качества.

Если выделять какой-то «основной тип» форм произведений модерна, то его можно было бы описать как мультиперспективный и рефлексивный.

Плюрализм и синтез являются основными признаками модерна, а субъективность как эстетический принцип разлагается. Лишь изредка искусство организуется автономным субъектом, во всяком случае, не в его главном измерении. На место единогласия приходит многогласие, на место гомотонии – полифония. Также отмечается изменение категории субъекта. Фигура единого «Я» отступает. Она растворяется и заменяется множеством форм субъекта, то есть теперь нет былой объединенной фигуры субъекта.

Все эти изменения свидетельствовали о преодолении европейской и евроамериканской идеологии. Это развитие находится в фундаментальном историческом контексте – пути между планетарной властью принципа капитала и угнетением свободного мультикультурного мирового общества. Только посередине социализм имеет право на существование.

Оригинал статьи опубликован в газете Junge Welt

Перевод Андрея Шалая

Томас Остермайер,

художественный руководитель берлинского театра «Шaubюне»

Каролин Эмке, журналист

«РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН»

Каково это – рассказывать о войне и насилии? Есть ли при этом границы понимания? Не только возможно, но и необходимо рассказывать о страданиях других? Эти вопросы исследует Каролин Эмке в своей последней книге «Потому что это можно выразить словами. О свидетельстве и справедливости». Её эссе стали отправной точкой беседы с художественным руководителем одного из ведущих современных театров Германии – берлинского театра «Шaubюне» Томасом Остермайером – о провале действительности в фикцию, о слепых пятнах в театре и журналистике, о табуированных общественных конфликтах и возможности менять мир в процессе повествования. Каролин Эмке – независимый публицист и репортер, часто посещает зоны военных действий.

Её журналистская работа отмечена многочисленными наградами. С 2014 г. является куратором и модератором ежемесячной дискуссионной серии «Место для споров» (нем. «Streitraum». – Прим. переводчика) в театре «Шаубюне».

ТО: При чтении твоей последней книги «Потому что это можно выразить словами» в моей голове возникло три ассоциации. Первая – пьеса «Разрушенный взрывом» (оригинал англ. «Blasted». – Прим. переводчика). В ней Сара Кейн повествует об отношениях пары: журналиста и молодой женщины, очевидно, несовершеннолетней и к тому же страдающей нарушением речи; журналист насилует её. Тогда как раз творился весь этот ужас на Балканах, о котором и ты много пишешь, и, согласно легенде, именно в тот момент, когда Сара Кейн писала эту *well made play* (англ. «хорошо сделанная пьеса», жанр «Французского драматического театра». – Прим. переводчика), она увидела по телевизору новости об изнасилованиях и сказала сама себе: «Я должна как-то включить это в свой рассказ». Собственно, в этом и сила данной пьесы. Потому что внезапно, как это случилось и с ней самой, писательница вбрасывает в действие гражданскую войну. Неожиданно входит солдат, берет в заложники журналиста и заставляет его записывать то, что ему как военному пришлось пережить. На что журналист отвечает: «Но это же никому не интересно. Вот если какую-нибудь девушку привяжут к забору где-нибудь в Центральной Англии и заставят заниматься сексом с овчаркой, то это будет интересно людям. То, что рассказал ты, не заинтересует никого».

Второе, что пришло мне в голову, – образ Горацио из «Гамлета». Горацио, – в какой-то мере, вплоть до своего имени *”oratio”*, персонифицированный оратор, в конце пьесы хочет отравить себя ядом, от которого уже погибли Гамлет, его мать и все остальные. Но тут полный отчаянья Гамлет восклицает: «Тебе нельзя убивать себя. Ты должен рассказать мою историю». В некоторой степени, это единственная надежда, остающаяся у Шекспира.

Третье, о чём я подумал, – это трагедия Эсхила «Персы». Она рассказывает о Персидской войне с точки зрения персов, то есть побежденных. В свете этого однажды было сформулировано утверждение, что театр был придуман, чтобы в цивилизованных обществах, возвратившихся к мирной жизни, правильно обходиться с людьми, вернувшимися с войны, которые,

придя с фронта, уже не могут свыкнуться с тем, что какое-то время назад им можно было убивать, а теперь нет. Театр был изобретен для очищения от этого состояния аффекта за счет эффекта катарсиса. Чтобы исчезла необходимость убивать. В связи с этими тремя ассоциациями у меня следующий вопрос. В театре царит чудовищное недоверие к повествованию. По крайней мере таков мейнстрим эстетической дискуссии на данный момент. Существует ли такое недоверие и в журналистике тоже? И был ли импульсом для твоей книги тезис: мы живём в таком мире, у меня политический дискомфорт, и сейчас я должна написать об этом? Или речь идет скорее о свидетельстве твоего свидетельства?

КЭ: Прекрасно. Сара Кейн, Гамлет и Эсхил – три очень подходящих для меня ссылки. Сначала про аналогию с Гамлетом: да, есть похожий этический заказ, как тот, что получает Горацио как выживший. Люди просят меня рассказать их историю, создать форму «воздаяния по заслугам» (англ. poetic justice. – *Прим. переводчика*) против отрицания войны и насилия, против забвения.

ТО: Но есть ведь и сильное желание того, чтоб связь времен восстановилась?

КЭ: Да. У меня часто такое впечатление, что люди, долгое время находившиеся в ситуациях крайнего бесправия, в какой-то момент начинают думать, что происходящее с ними справедливо...

ТО: Что это нормально.

КЭ: Именно. Притом не из-за ненависти к себе или согласия на боль, причиняемую им, а из-за того, что так легче перенести страдания, чем представить себе, будто это страдание может произойти и никто не вмешается, чтобы остановить его. Есть моральное неверие, есть моральное непонимание несправедливости. Это проявляется и в «Гамлете» – его разочарование в морально искаженном мире вокруг него. «Распалась связь времён», – говорит Гамлет; а с ними и весь мир: нет больше стержня правильности, это ненормальный, неправильный мир. И вот Гамлет играет роль безумного, чтобы указать на сумасшествие других.

ТО: Я всё время задавал себе вопрос: а что, собственно, заставляет тебя ездить в зоны военных конфликтов?

КЭ: Я не вижу в этом ничего особенного. Здесь уместно сослаться на Сару Кейн: в её случае картины боснийской войны так вторглись в ее

собственную жизнь. Для меня это была война в Косово 1999 г. Я видела тогда, уже будучи журналисткой, эти картины – потоки беженцев, шедшие из Косово через горы, и они будили старые картины насильственно перемещенных, женщин и детей, картины накладывались друг на друга и тяготили меня. Поэтому я поехала туда добровольцем. Там были люди, которых буквально отсортировали, и они вынуждены были бежать, их нельзя было оставлять одних.

ТО: Подзаголовок твоей книги «Потому что это можно выразить словами» – «О свидетельстве и справедливости». Свидетельство мне понятно. Однако по теме справедливости ты говоришь относительно мало. Каждое свидетельство активизирует такие суровые понятия, как возмездие, месть, компенсация, вина, ответственность, чтобы восстановить справедливость.

КЭ: Здесь для начала я должна объяснить, почему для меня вообще так важно «свидетельство»: в журналистской среде всё ещё почитают миф объективности, мнимого дистанцированного освещения событий. В противовес этому я предпочитаю использовать понятие «свидетельства»...

ТО: ...в котором уже есть, пожалуй, частица солидарности.

КЭ: Скорее того, что делает себя уязвимым, даёт возможность ошибаться. Понятие «свидетель» имеет двоякое обозначение: одно – это незадействованное третье лицо, которое дает показания в суде; это, скорее, классическая роль. Второе, наоборот, – тот, кто сам тоже пережил событие...

ТО: ... свидетель изнутри, как ты его называешь.

КЭ: Свидетель изнутри, именно. И обе эти роли часто смешиваются у журналистов. Ты уже не всегда можешь решать, какая подходит тебе. Это зависит и от ситуации, в которую попадаешь. Для меня в первую очередь было важно самой освободиться от дискурса объективности, за счет этого сделаться, с одной стороны, более уязвимой и сказать: «Я могу быть потрясена, я субъективна, и я тоже совершаю ошибки». Но вместе с тем я, как мне кажется, наконец, стала более достоверна, чем если бы утверждала, что непричастна...

ТО: Но есть и другой упрек-клише достоверности освещения событий: что многие картины были как бы изобретены, их спровоцировали своим присутствием или вообще поставили корреспонденты; что, например, после ударов 11 сентября в оккупированных зонах Палестины детей подстрекали ликовать перед камерой, чтоб получить несколько «взрывных»

картинок. Или вообще, были показаны картины ликующих палестинцев, о которых впоследствии выяснилось, что они из архива и снимались совершенно по другому поводу.

КЭ: Разумеется, есть и просто плохое или ненадёжное освещение событий. Речь о тех коллегах, которые всегда обнаруживают лишь те картины, которые уже заранее хотели видеть. Тем самым, медийная цитата предубеждения, воспроизводящего само себя, заменяет любое точное наблюдение и описание. Но более крупной, аналитически более непростой проблемой мне представляется то, что опыт войны и насилия действительно тяжело поддается рассказу и документации. Крайняя несправедливость и насилие действуют разрушительно и раздражающе. Они ранят не только тело, но и доверие к другим людям, которое необходимо для разговора с ними. Поэтому жертвы пыток и изнасилований, лишения прав и насилия звучат порой странно: они рассказывают, петляя, с обрывами. Некоторые звучат слишком раздраженно, некоторые слишком рассудительно. Некоторые опускают самое ужасное. Потому что не хотят пережить это заново во время рассказа. Потому что хотят пощадить нас, своих слушателей. Оттого что стыдятся того, что им причинили, как будто это их проступок, а не преступника, который причинил им это безобразие.

Если мы заинтересованы в справедливости, если мы не хотим быть морально равнодушными к следам насилия, которые отразились не только в жертвах, не только в виновниках, но и в их детях и внуках, которые отразились в нашем обществе, мы должны научиться расшифровывать эти прерванные, растерянные, неполные повествования. Нам нельзя опрометчиво говорить о «том, что невозможно описать» – и тем самым снять с себя груз. **Нам нельзя допускать сакрализации исторических событий и делать их неприкосновенными, а также нельзя считать жертв людьми с патологией и этим делать их безмолвными.**

ТО: В постмодернизме, где деконструируется всё, в том числе и повествование, мы часто оказываемся в опасной близости от точки: если мы всё деконструируем, то опустимся до Бодрийяра (фр. Jean Baudrillard, французский социолог, культуролог и философ-постмодернист, фотограф. – *Прим. переводчика*), который заявил, что войны в Ираке вообще не было.

КЭ: Такая спорная фигура есть и в отношении Освенцима. Дори Лауб говорит о «Шоа» (фр. Shoah, французский документальный фильм режиссёра Клода Ланцмана, посвящённый Холокосту. – *Прим. переводчика*) как о «событии без свидетелей». Это одинаково благонамеренно и абсурдно. Философ Джордж Агамбен приводит аргументацию на примере так называемых «мусульман», т.е. людей в концентрационном лагере, из-за голода и истощения впавших в своего рода апатично-вегетативное состояние; по его словам, у этих жертв как бы пропала субъектность, способность засвидетельствовать этот опыт. Я знаю, о какой подоплеке так писали оба. Они критиковали людей, отрицающих Холокост и злоупотреблявших тем, что каждую «ошибку» в воспоминаниях выживших использовали как доказательство того, что Освенцима не существовало. Однако мне стратегия Лауба и Агамбена представляется неправильной. «Мусульмане» могли говорить, они могли описать произошедшее с ними. Имре Кертес, например, называл сам себя «мусульманином». Да, даже самое ужасное поддается описанию.

ТО: В классическом театре для изображения насилия существовала тайхоскопия (греч. «взгляд сквозь стену» – прием драматического искусства, имевший цель информировать слушателя или зрителя о событиях, выходящих за рамки произведения/постановки. – *Прим. переводчика*). Инсценировка насилия как бы находилась под запретом, поскольку была невозможна для изображения...

КЭ: Этого я не знала. Потому что она была невозможна для изображения или считалась чем-то, что творит зло, сбивает с толку?

ТО: Потому что ужас и насилие – по мнению древних греков – можно изображать не напрямую, а всегда рассматривать лишь опосредованно. В тайхоскопии классической греческой драмы, как и до этого у Гомера, например, кто-нибудь стоит на крепостной стене Трои и смотрит сверху вниз; а затем сообщает зрительному залу то, что он видит.

КЭ: Тут на ум мне приходит Антигона. При чтении я никогда не понимала, почему для Антигоны было так важно похоронить брата. Пока я впервые не попала в зону военного конфликта, где собаки бегали по округе с человеческими конечностями в зубах. Раньше я совершенно не могла понять эту поспешность Антигоны. Перенеся это в театр, люди бы сказали...

ТО: ...для начала, что в настоящий момент совсем ничего не работает... (смеётся)

КЭ: Что? Ты хочешь сказать, что в театре в настоящий момент ничего не работает?

ТО: Если ты сейчас, к примеру, говоришь об Антигоне, ты можешь пригласить класс с углубленным изучением немецкого языка, сесть с ним и поговорить о том, кто тут прав, Креон или Антигона. **Но проникнуть внутрь конфликта нашего общества при помощи театра сегодня уже не получится...**

КЭ: Вот как? Я думаю, скорее документальный жанр потерял свою силу. К сожалению. То есть, боюсь, именно потому, что он документальный и в нём слишком большой вызов людям. Как зрители или читатели мы вполне довольствуемся оценкой СМИ и цинизмом, чтобы не подпускать к себе то, что бросает нам вызов – именно тем, что оно происходит. Псевдокритическая защита в таком случае утверждает: «Всё придумано, и всем манипулируют».

ТО: И вот тут ты, наверное, видишь теперь шанс для театра, в вымышленном повествовании?

КЭ: **Да, иногда у меня такое ощущение, что более вымышленные форматы на сегодняшний день могут точнее осуществлять социальную критику.** Я порой завидую авторам и деятелям искусства, пишущим о чём-то вымышленном или имеющим возможность работать с постановками, поскольку это получается более ненавязчиво или ... (смеётся) более скрыто...

ТО: Есть такой феномен с нашей постановкой пьесы Ибсена «Враг народа». Где бы мы ни показывали эту постановку, по странному совпадению случается аналогичный актуальный скандал в городе, где мы играем. Например, в день нашей премьеры в Монреале в городе полностью перекрыли питьевую воду, поскольку та была отравлена. Через Сан-Паулу течет река, что уже 15 лет является поводом для экологических протестов. Одновременно с нашими гастроями там проходили протесты против повышения стоимости проезда в пригородном транспорте. Или недавно в Стамбуле, где мы играли в годовщину протестов в Гези. Местные актуальные события заставляют зрителей иначе взглянуть на эту постановку, которая всё же скорее типично описывает невозможность политических изменений.

КЭ: Театр сулит нам искусную иллюзию: он притворяется, что речь якобы идёт о жизни, любви, страданиях других людей. И тем самым проникает в зрителей, отражённых в нём, и каждый...

ТО: ...вдруг видит что-то о себе самом...

КЭ: И вдруг это по-другому трогает его. В романе Себальда «Аустерлиц» главный герой стоит у двери своей детской комнаты, где не был двадцать лет; он открывает эту дверь и видит на приставном столике у кровати зарубки, которые он делал в порыве гнева и отчаянья, когда в 1939 г. еврейка мать отправляла его из Праги в Англию с организованной перевозкой детей. И вот он видит это, кидается из детской на улицу, хватается оружие и стреляет в башенные часы депо во дворе. Каждый раз, когда я читаю эту историю, я думаю: это то, что в наши дни делает плохая журналистика. Она рассказывает лишь историю безумия, расследует, кто стрелял по часам, сколько было времени, о каком типе часов шла речь – но только не историю зарубок на приставном столике. **Рассказать и осветить историю травмы, гнева, одиночества, чтобы они могли тронуть и смутить... Это удаётся театру, если это хороший театр.**

ТО: Тем не менее, в твоей профессии действует ещё кое-что, от чего люди абсолютно отделены в обычных дискурсах о театральной деятельности. Однажды во время открытой дискуссии на театральной встрече журналист, начавший обсуждение одной из постановок, сказал её режиссеру: «Замечательно в вашей постановке то, что вообще невозможно сказать, кем является главная фигура: жертвой или виновником». Режиссёр ответил, что для него вообще имеют значение не подобные вопросы, а лишь форма: тематизация и заново изобретённая форма повествования. Уже не имеет значение то, о чём рассказывается. Ты живой пример того, что именно это ещё действует: что происходит не просто деконструкция повествования, но и что по-прежнему существует само повествование и ведётся борьба за возможность передать это в рассказе. Вместо того чтобы прятаться за разными клише невозможности выразить что-то словами и невозможности описать ужасы.

КЭ: Да, но этот отказ от возможности разъяснять и критиковать, от возможности менять мир рассказом и игрой на сцене – это и симптом интеллектуального причинения увечья самому себе. **Сейчас все утверждают, что мир свёрхсложен, его невозможно охватить или из-**

менить. Тем самым, люди сами у себя отнимают способность действовать.

ТО: Это вытекает из двух вопросов. Один вопрос – как защищаться от упреков консерваторов или даже реакционеров в эстетическом контексте такой постановки вопроса.

КЭ: Я полагаю, это больше относится к театру, чем к текстам. Упрека реакционеров я не испытываю. Вопрос для нас скорее в следующем: кто больше вредит достоверности журналистики – те, кто утверждает, что могут сообщать информацию объективно и дистанцированно, или другие – как я, – которые рассказывают довольно субъективно и сомневаются в себе.

ТО: Но это же и вполне постмодернистская позиция – **вестник сам становится частью известия.**

КЭ: В контексте журналистики об этом спорят меньше. Со стороны академической теоретической среды упрек скорее в том, что журналистские тексты, в особенности репортажи, получают слишком индивидуалистичными, недостаточно комплексными.

ТО: Тебя подавляет этот упрек в недостаточной комплексности?

КЭ: Когда я нахожусь в секторе Газа, то должна сказать честно: I couldn't care less (англ. «Мне совершенно всё равно!») – *Прим. переводчика*).

ТО: Да, разумеется! Но в процессе обсуждения?

КЭ: Нет, меня это не подавляет. Но, конечно, мне хочется, чтобы люди увидели то, что происходит в других регионах мира. В этом отношении я занимаюсь аспектом «как?» повествования. Я хочу, чтобы они...

ТО: ...решили, есть ли у них своя позиция по этому вопросу или нет.

КЭ: Да. Мы же оба зависим от того, удастся ли достигнуть того, чтобы люди захотели проникнуть в мысли других, чтобы они могли прочувствовать жизни, переживания, чувства других. Поэтому я с беспокойством наблюдаю то, как в театре, по всей видимости, всё больше работают над упразднением фантазии. Изображаемые чувства или ситуации подаются в гиперреализме, который только...

ТО: ...признает настоящие эмоции?

КЭ: Да, получается, что только «настоящим» безработным можно изображать безработных. Или «настоящие» проститутки могут играть

проституток. Что вообще значит «настоящие»? Меня волнует не тот аспект, что в политических дебатах нужно выслушивать также и тех, о ком идёт речь. Разумеется, в жизни, если мы берём маргинализированных и заклеянных обществом людей, нужно говорить не только о них, но и с ними. Однако в театре речь ещё и о том, что искусство превращения и близкого к превращению, искусство вхождения и ухода может воплощаться в фиктивных фигурах и материалах, получаться из них. Театр оперирует тем, что зрителей трогает или сбивает с толку рассказанная им история. Зачастую царящую при этом необходимость подлинности, этот фетиш достоверности эссенциализма, я нахожу политически затруднительной.

ТО: Почему политически? Я понимаю это эстетически...

КЭ: Я не хочу, чтобы только гомосексуалы защищали себя от гомофобии, только евреи протестовали против антисемитов и только чёрные отбивались от расистов. Каждый разумный человек должен бороться, если кого-то дискриминируют... А эти вопросы эстетического и политического фетиша достоверности тоже связаны друг с другом: почему у актёров-геев или актрис-лесбиянок такие сложности с отношением к своим пристрастиям? Почему на красной дорожке кинофестиваля «Берлинале» я не вижу однополых пар? Разве он действительно всё ещё нужен – этот страх, что актёр-гомосексуал больше не сможет играть гетеросексуального героя-любовника?

ТО: Этот страх, на мой взгляд, абсолютно безоснователен. В конце концов, актёр есть актёр. Каждый гомосексуал должен уметь достоверно изображать гетеросексуальные любовные отношения – и, разумеется, наоборот. Иначе он просто плохой актёр.

КЭ: Точно так же, как и актёр необязательно сам должен быть убийцей или безумцем, чтобы правдоподобно сыграть соответствующие роли.

ТО: Хотя, конечно, я бы ещё покритиковал этот момент с эстетической точки зрения: уже на вторых пробах «подлинник» тоже начинает играть самого себя. Настоящий безработный сталкивается с тем, что фразу «Я безработный уже двенадцать лет», дававшуюся ещё вчера невероятным трудом, уже на вторых пробах ему произнести легче, тут подсаживается режиссёр и говорит: «Вчера же у тебя была такая замечательная сложность с этой фразой. Ты не мог бы сыграть это так же, как вчера?»

КЭ: В отношении безработных есть, тем не менее, и вполне справедливая претензия: мы должны задуматься уже о том, как эти храмы культуры, утверждающие, что рассматривают действительность, сами, в конечном счёте, работают с коварными и изощренными механизмами дискриминации.

ТО: Верно. Хотя в театральной среде у меня всегда создаётся впечатление, что дискриминация носит в том числе и классовый характер. Не только по признаку миграции, как это часто рассматривается сейчас. Как и на собеседованиях, о которых ты пишешь в одном месте в своей книге, на которых работодатель приглашает соискателя куда-нибудь поесть вместе рыбу, чтобы посмотреть, умеет ли тот правильно её разделять. Как ребенок, выросший в обычных условиях, в среде образованной буржуазии я всегда слышал такие фразы, как: «Моя мать в двенадцать лет читала «Ифигению» Гёте, а ты только в шестнадцать купил свою первую книгу? Такого же не может быть». Тем не менее, я считаю иллюзией тот факт, что данную форму дискриминации можно преодолеть, попросив дискриминируемых на сцену, чтоб те на время постановки сами изображали свою дискриминацию. К тому же, я думаю, требование позвать на сцену экспертов повседневной жизни, чтобы суметь правдоподобно и подлинно (как это ни называй) о чём-то рассказывать, есть выражение кризиса наших повествователей: актёров и авторов...

КЭ: Но ведь это не по своей вине...

ТО: Нет, по своей. С одной стороны, потому что более нескольких десятилетий мы относились к авторам небрежно, а затем в нулевые годы отправили их по индуцированному переходу в бешеном вращении. Ничего хорошего из этого не вышло. Сара Кейн была началом надежды на то, что авторы снова станут вестниками реальности, что нам нужны такие авторы. Потом есть другие вестники, которые могут правдоподобно оживить придуманных авторами персонажей, – это актёры. Но люди, эмоции и конфликты – это нечто, с чем, как считается, нельзя прийти к якобы ушедшей далеко вперёд театральной деятельности. Важно только это: сделать предметом обсуждения тот факт, что происходящее на сцене есть процесс, создаваемый на сцене. Таким образом, изображаемое становится слепым пятном.

КЭ: Вопрос же не в том, хотим ли мы рассматривать в театре реальные политические и общественные конфликты, а в том, как мы хотим это делать, то есть, – возвращаясь к идее о «Персах» – ещё и потому, что мы знаем: война и насилие, ложь и двойственные переживания, грусть и боль, а с ними и нежелательное влечение или удовольствие нигде более не рассматриваются. Они замалчиваются. Табуируются. Приходят в жесты и ритуалы, в болезни, дисфункциональные порядки в семьях или отношениях. Потом именно из этих табу и этого молчания они рожают насилие или расстройство психики. Это и есть мотив или источник, это материал – и это поручение нам. Мы должны поэтически облачить эти вопросы в стихи, хронологически передвинуть их, в любом случае перевести на такой язык, чтобы это получалось не декларативным, а трогающим людей.

ТО: Полностью согласен с тобой. Мне для этого потребовалось больше времени. Осознание пришло ко мне во время разговора с Кроетцем. Я рассказывал ему тогда, что занимаюсь переработкой Электры и хочу здесь поведать о Германии и об одной семье, которая во времена Третьего рейха получила большие деньги за счёт принудительного труда и использовала их уже во времена ФРГ. А затем приходит Эгисф и говорит: «А что же тут произошло?». Тут Кроецт посмотрел так на меня и говорит: «Томас, обвинения с театральной сцены – это же гадость». Великолепно. А потом Кроецт высказывал мнение: «И нельзя показывать пальцем на других». С тех пор как я так делаю, всегда спрашиваю себя: где параллели с моими личными недостаткам и упущениями в тех образах, которые я пытаюсь осознать на сцене?

КЭ: Я думаю, для этого необходима определённая форма эстетического «переноса», чтобы люди могли поучаствовать в том, в чём они участвовать не хотят. В некотором смысле идеологии или табу находятся в «мёртвой зоне» собственного «я». **Я не знаю ни одного расиста, который сам о себе думает, что он расист.** Театр заставляет своих зрителей почувствовать что-то, подумать о чём-то, чего в других условиях они не могли бы увидеть, почувствовать или о чём не могли бы подумать. Иногда зрители отражаются в показанных неприязненных чувствах и впервые распознают их именно как неприязненные чувства. Иногда они ощущают радость и нежность, которые ранее не могли распознать как присущие им.

ТО: Ты также много писала о мигрантах в Германии и лагерях для беженцев... Это тот случай, о котором ты можешь сказать: это «мёртвая зона», о которой рассказывается недостаточно?

КЭ: Об этом у нас рассказывается мало, если мы берём театр. (Пауза.) Вопрос этих обостряющихся конфликтов в Европе, углубляющегося неравенства, ожесточающихся фронтов: кто свой, а кто чужой? – приводит к тому, что нам нужно больше думать о сходствах. Не об идентичности и различии. Я считаю, что нам нужно больше думать о сходствах, чтобы делать возможными стратегические, подрывные альянсы. Именно в театре есть возможность настоящей подрывной деятельности, когда можно утвердить другие зрительные привычки, другие ассоциативные цепочки. Это делаешь ты, Томас, довольно систематически в своих постановках с женскими образами. Ты работаешь над тем, чтобы зритель театра узнал другие типы женщин.

ТО: И другие ответы женщин.

КЭ: Да. Тут есть сильные, могущественные, алчные, склонные к удовольствиям; прежде всего, действующие женщины. Женщины в твоих пьесах – не только пассивные, запуганные создания, которыми можно манипулировать. В твоей постановке «Маленькие лисы» речь не только о женщинах как об отчаянно-искренних, подавленных существах и не только о сильной женщине, но также и об очень манипулятивной женщине. В этой возможности облечь образ в иной радиус действия, другую эмоциональную текстуру, другое обещание счастья – в этом и есть неиссякаемый запас инакомыслия и подрывной деятельности в театре: создавать образы и картины, которые что-то разрушают или в положительном смысле имеют что-то маргинальное или гибридное. Это относится и к стандартам мужественности или женственности. Ларс Эйдингер, к примеру, часто вкладывает удивительно радужную мужественность в свои образы. Или Бибиана Беглау. Не то чтобы они не были в состоянии воспроизводить определённые традиционные образы мужественности или женственности – но они могут их одновременно и обойти.

ТО: Я как раз размышляю о «Ричарде III», all male cast (англ., «с полностью мужским составом»). – *Прим. переводчика*). Но где все мужчины, – которые хоть и будут гибридными по внешнему виду, – будут такими, что

и те из них, кто играет мужские роли, будут представлять очень женственные образы.

КЭ: А если бы это был all female cast? (англ., «с полностью женским составом». – *Прим. переводчика*) Решающим в любом случае будет то, что это даст неуверенность в визуальных привычках или привычках мышления и тем самым раскроет что-то новое.

ТО: Потому и Кончитой Вурст я могу только восхищаться. Абсолютно гениально.

КЭ: Самое привлекательное для меня здесь не то, что это всё расшатывает. А то, что просто отодвигаются, смещаются и заменяются коды. Просто театр может это лучше, чем что-либо другое.

ТО: Остаются сомнения в профессии.

КЭ: Но если бы мы не сомневались, тогда бы мы и недостаточно упорно работали над вопросом, как можно и нужно рассказывать истории.

*Оригинал статьи опубликован в газете театра «Шaubюне»
Перевод Александра Ананьева*

Герхард Вагнер, публицист

СИМВОЛ РЕЖИМА

К 75-летию выхода в свет и 30-летию экранизации, немецкое левое издание «Die Junge Welt» опубликовало статью, в которой рассматриваются проблемы личной ответственности, искушения властью и конформизмом в авторитарном обществе.

«Роман об одной карьере», именно так в подзаголовке назвал Клаус Манн свой роман, изданный амстердамским издательством «Куеридо» в октябре 1936 года. Теперь же уместно говорить о «карьере романа», о захватывающей истории издания и экранизации. Она начинается с письма с предложением от Германна Кестена в октябре 1935 г.: «Вы должны написать роман о карьеристе гомосексуалисте из Третьего рейха. Мне кажется, такая тематика вам по плечу». Роман вышел с посвящением блестящей

исполнительнице Брехта легендарной актрисе Терезе Гизе, дружившей с Эрикой (старшая сестра Клауса. – *Прим. ред.*) и Клаусом Маннами.

Многоголосое эхо

Начавшаяся поздней осенью 1936 г. история критики и интерпретации романа «Мефисто» богата самыми различными оценками. Вот некоторые примеры: отец Клауса Томас Манн видел в этом романе захватывающую историю «дьявольского рецепта». Для Курта Гиллера «Мефисто» был «написан исходя из великих убеждений и удался на славу». Стефан Цвейг видел в нем эпос, который «описывает напряженное и преходящее время». А Балдер Олден прочитал его как «выдающийся памфлет в виде романа».

В этих оценках отражается многогранность произведения Клауса Манна: это и общественный, и мировоззренческий, и символический, и художественный роман. Он описывает и обобщённую фабулу о карьере, и многие частные судьбы. В нем присутствуют документальные и журналистские черты, он близок к жанру репортажа, эссе и обыденной речи. «Мефисто» показывает отношение Клауса Манна как к культуре «национал-социализма» в целом, так и к частному политическому поведению на одном известном и конкретном примере. Ведь в итоге «Мефисто» символизирует «попытку сплочения», – так звучит программный заголовок созданной Манном газеты (1933–1935), – всех антифашистских сил вокруг независимого объединения людей искусства и политики. Как же продолжается история интерпретации романа «Мефисто» после Второй мировой войны?

Издательская одиссея

В 1948 г., за год до самоубийства в Каннах, Клаус Манн договаривается с Георгом Якоби, который хочет издать роман в мюнхенском издательстве «Лангеншайд». Но в 1949-м писатель отказывается от своей идеи в связи со своей театральной карьерой в Дюссельдорфе и Гамбурге, а также из-за шумихи в прессе. Эрика Манн проводит переговоры, в частности, и с Самуелем Фишером во Франкфурте-на-Майне, но потом передает права на книгу Германской Демократической Республике. Берлинское издательство

«Ауфбау» публикует роман в 1956 г., часть тиража которого распространяется и в Западной Германии.

В 1963 г. в Мюнхене издательство «Нюмфенбергер» начинает издавать собрание сочинений Клауса Манна, первым томом которого являлся роман «Александр» 1930 г., в котором уже содержались некоторые идеи «Мефисто». Но против этого выступил приемный сын и единственный наследник Густава Грюндгенса; после того как земельный суд Гамбурга в 1965 г. отклонил жалобу, Ганзейский суд следующей инстанции в 1966 г. запрещает распространение романа. Суд признает, что «Мефисто» является романом-пасквилом о Грюндгенсе. Далее в судебных документах значится, что немецкое общество не заинтересовано в «получении фальшивого образа театральных отношений в 1933 г., описанных эмигрантом». Это так называемое «решение «Мефисто»» заинтересует в 1971-м и в 1985 г. Верховный конституционный суд, которому постоянно приходится заниматься разграничением «искусства и не-искусства», так же как и «коллизиями свободы искусства и Уголовного кодекса».

Тем временем, в 1975 г. выходит французское издание романа в «Деноэль» в Париже с предисловием Мишеля Турниера, а спустя два года – североамериканское издание «Рандом Хаус» в Нью-Йорке.

В 1980 г. издается первая незаконная перепечатка в Западной Германии, в этом же году по инициативе издательства «Ровольт» в пригороде Гамбурга Райнбек выходит первое официальное издание романа в ФРГ. В декабре 1980 г., без какой-либо предварительной информации, в ходе одной очень смелой акции и обходными путями издание было выпущено: книги в замаскированной упаковке переправили в типографию в Дании, а оттуда обратно в ФРГ, в книжные магазины. Таким образом, было предотвращено новое судебное разбирательство. В марте 1981 г. было продано 30 тыс. экземпляров. В 2005 г. было выпущено десятое издание книги.

Карьера одного фильма

В 1971 г. берлинская фирма «Манфред-Дурниок-Фильмproduktion» (Западный Берлин) приобрела права на экранизацию. Вначале обдумывалась совместная работа с первым и вторым каналом немецкого телевидения. Но оба канала отказались. После этого Манфред Дурниок пытался сотру-

ничать с австрийскими и венгерскими студиями, а также с объединением «ДЕФА». Таким образом, проект продвигался очень медленно, скорее всего, именно из-за финансовых проблем. В конце концов, он был реализован благодаря будапештской фирме «Мафильм» и «Дурниок-Продуктион». Режиссером был Иштван Сабо, который прославился благодаря своим фильмам «Легенда Будапешта» (1977) и «Комната без выхода» (1979).

В фильме снялись многие артисты ГДР, такие как Рольф Хоппе из Государственного театра в Дрездене, в роли генерала, Карин Бойд из «Народной сцены» Берлина, в роли чернокожей танцовщицы, Христиан Грасхоф из «Немецкого театра», в роли Цезаря фон Мука и Мартин Гелльберг, в роли интенданта театра Макса Райнхардта. Сценарий написали авторы из ГДР Вера и Клаус Кюхенмайстер, два бывших ученика Брехта, которые, в частности, написали сценарии для фильмов «Они называли его Амиго» (1959), «Приключения Вернера Гольта» (1965; по роману Дитера Нольса) и «Красная капелла» (1971; об истории группы сопротивления Гарро-Шульце-Бойзен и Арвида Гарнака).

В 1981 г. фильм был готов. С сентября он шел в кинотеатрах. Он выиграл два приза на Каннском фестивале и в 1982 г. получил премию «Оскар» как лучший иностранный фильм. Что же делает его особенным?

Восемьдесят лет назад в статье «Процесс о трех грошах. Социологический эксперимент» 1931 г. Бертольд Брехт обобщил опыт работы с индустрией кино. На примере правового спора за экранизацию созданной совместно с Куртом Вайлем и в 1928 г. поставленной «Трехгрошовой оперы» Брехт отметил основную закономерность развития искусств с начала века: «Тот, кто видел фильм, по-другому читает рассказ. Но тот, кто пишет рассказы, в свою очередь уже видел фильм».

Очевидно, что также обстоит дело и с романом Клауса Манна: вся мощь фильма, несомненно, оказывает влияние на прочтение романа. В том числе и смысловые акценты, и трансформации в фильме: изменяющиеся дистанции и перспективы, ритмический монтаж статичного и движущегося плана, сценически-игровое оформление с мимикой, жестикуляцией и окраской голосов; разнообразие форм речи, таких как монологи и диалоги, голос «размышлений» и голос рассказчика; восприятие времени.

К этому всему добавляется вмешательство драматургии – режиссерские находки и купюры. Например, богатый исторический ансамбль

фигур, созданных Клаусом Манном в «Эпилоге» своего романа, в фильме сильно урезан. Фигура скульптора, которую Хёфген награждает высокопарной приветственной речью, в романе отсутствует. Эротической сцены репетиции танца с участием Хёфгена и его чернокожей возлюбленной в романе тоже нет. В романе именно Хёфген избавляется от танцовщицы, а в фильме её депортирует Гестапо. И, наконец, в фильме добавлена сцена, в которой действие происходит на берлинском олимпийском стадионе, символизирующая эстетическое покорение и захват городского пространства фашистской культурой, которая одновременно намекает на «купола света» Альберта Шпеера. Из концовки романа в сценарий взята лишь фраза главного героя: «Я всего лишь самый обычный актёр!».

Новый свет

По причине характерной для фильма манеры повествования, включая изменения в ансамбле фигур и измененный процесс действия, фильм Иштвана Сабо достаточно точно передаёт эстетику фашистской культуры и идеологию её носителей. Таким образом, с помощью фильма можно по-другому посмотреть на роман и на его символическое содержание.

Клаус Манн сам говорит о «символе» Хёфгена. Символ всегда имеет реальный прототип. На кого же ссылается здесь этот «символ»?

Воплощённая Клаусом Марией Брандауером загадочная фигура Хёфгена символизирует таинственную связь якобы «чистого» искусства и политического оппортунизма, которые сильно влияли на находящихся в поиске деятелей искусств Веймарской республики.

Клаусом Манном движет тема созданного властью соучастника, одаренного оппортуниста, который в эпоху нацизма, например, трактует и ставит на сцене Шекспира как народного поэта; и такой соучастник напоминает Вильгельма Фуртвенглера, Рихарда Штрауса, Лени Рифеншталь, Амо Беркера и Генриха Георге. Это заставляет вспомнить о Бертольде Брехте, который в 1933 в своем «Открытом письме актеру Генриху Георге» писал: «Таким талантам даже не нужно лгать: легко вдохновляемые, они пригодны для любых перевоплощений, которые никогда не затрагивают ни их интеллекта, ни мастерства, ни чувства ответственности».

Наконец, Клаус Манн раскрывает при помощи фигуры Хёфгена, олицетворяющей фашизм, иллюзорность фашистской культуры, которую он описывает в панарамном эпилоге романа. О Хёфгене в романе говорится: **«Признайтесь, он неплохо вписывается в это общество, в нем есть фальшивое достоинство, цинизм и дешевая чудовищность».**

Роман о Грюндгенсе?

«Я попробую объяснить его ужасное тщеславие его же комплексом неполноценности, причины которого отчасти социальные, а отчасти эротические. В связи с этим история его брака занимает очень значимое место». Так пишет о главном герое Клаус Манн в предисловии к своему роману, который выходит в 1936 г. в Москве в издательстве в изгнании «Дас Ворт».

Безусловно, Генрих Хёфген имеет черты бывшего шурина Клауса Манна Густава Грюндгенса (1889–1963). Грюндгенсу удалось гениально сыграть в 1932-м роль Мефистофеля на сцене Берлинского государственного театра. После этого блистательного успеха, по протекции министра внутренних дел Геринга, он был назначен в 1934 г. интендантом государственных театров. До этого он уже сделал карьеру в кино, в частности, в роли Гаунербоса в фильме Фрица Ланга 1930 г. «М» – город ищет убийцу» (это обыгрывает Клаус Манн в фиктивном названии фильма «Держи вора!»). Позднее он снимался в «Пигмалионе» (1935) в постановке Эриха Энгеля.

Долгое время Грюндгенс жил со слугой и собакой рядом с Райхсканцлерплатц, которая в 1933 г. была переименована в Адольф-Гитлер-Платц, сегодняшней Теодор-Гойсс-Платц, на улице Бредтшнайдерштрассе, но там он чувствовал себя неуютно. Его успех способствовал переезду: уже в год передачи власти Адольфу Гитлеру Грюндгенс купил себе средневековый особняк в роскошном районе Цеезен.

И всё же, «Мефисто» – это не роман о Грюндгенсе, несмотря на все совпадения со сценической и кинематографической карьерой Хёфгенса, его близостью к Третьему рейху, его успехом и браком, подробно описанным Клаусом Манном в другом романе – «Встреча в бесконечности» в 1932 г. В 1926 г. Грюндгенс обручился с Эрикой Манн, на которой впослед-

ствии был недолго женат, перед тем как он женился на актрисе Марианне Хоппе в 1936 г. «Нет, эта книга не написана против кого-то одного, – подчеркивает Клаус Манн, – она против всех: против карьеристов, против немецкой интеллигенции, которая продала и предала свою душу. То, что он талантлив, лишь усугубляет ситуацию. Хёфген, тип Хёфгена, символ Хёфгена, – отдает в распоряжение кровавой власти свой великий талант. Ради пропагандистских целей дьявольского государства, он цинично предает свое творчество, которое могло бы быть гениальным, если бы обладало моралью и чистотой».

Автор одновременно подчеркивает, ссылаясь на написанный в 1935 году роман о Чайковском: «В этой книге, которую я только что закончил, – «Мефисто», роман об одной карьере», – гражданское общество играет свою роль. Оно стало кроважным, оно выродилось в фашизм... Сравните уютные вечеринки с домашним музицированием и умными разговорами, которые я пытался описать в «Патетической симфонии», с брутальной и провокационной помпой на балу в оперном театре в день рождения прусского премьер-министра в «Мефисто».

«Комедиант» Хёфген становится символом «комичного, глубоко настоящего и лживого режима. Актёр достигает триумфа в государстве лжецов и контролеров», – так описывает его Клаус Манн. Эта идея продолжает жить и развивается в сценических коллажах, которые в 1979 г. создала Ариане Мнушкин в «Театре дю Солей» в Париже, по мотивам романа «Мефисто»; в режиссёрской работе 2009 г. Тома Ланойсе «Мефисто навсегда», в Театре имени Максима Горького в Берлине.

Таким образом, роман Клауса Манна «Мефисто» можно охарактеризовать как оппортунистическую самоинсценировку внутри театрального властного проекта немецкого фашизма – властного проекта, который в итоге был готов идти по трупам.

В пользу этой трактовки говорят слова автора в романе: «В то время как культурный ареопаг собирал грустные товарищеские вечера, в это же время «великие» люди страны в залах гостиниц раздавали дары нуждающимся «народным товарищам», на которые финансировалась пропаганда Третьего рейха за границей. В то время как люди праздновали свадьбы, пели и говорили речи, милитаристский капиталистический диктаторский режим продолжал свой путь, на обочине которого громоздились трупы».

Оппортунизм и повиновение

В образе фашизма, созданном изгнанником Клаусом Манном, есть еще одна актуальная проблема. В своей аннотации он пишет: **«Я стараюсь показать, почему ставшие «мефистофелями» маленькие люди должны были стать большими предателями»**. Фигура фашистского последователя Ганса Микласа (который в фильме играет ученика Фауста) символизирует существующий романтично-антикапиталистический импульс, который объединяется с кровожадной верой в чистоту расы и революцию идеализма.

Маленький человек показан как большой предатель. Клаус Манн следует распространенному в кругу интеллигенции образу немецкого фашизма, который на словах апеллирует к рабочим и крестьянам, но на деле выражает мысли и чувства среднего класса. Современники, такие как Эрнст Блох (в «Наследстве этого времени», 1935) и Зигфрид Кракауер (в своём памфлете «Масса и пропаганда», 1936), тоже придерживались такого же мнения.

Противоположную позицию декларирует вышедший через год после «Мефисто», также изданный «Куеридо» в Амстердаме, роман «Спасение» Анны Зегерс. Его персонажи, прежде всего пострадавшие в результате мирового финансового кризиса пролетарии, показаны потерянными и отчаявшимися, с неуравновешенной психикой и непредсказуемым поведением, напоминающие образы в картинах Макса Бекмана или Георга Гросса. Свою повседневную жизнь они воспринимали как постоянные удары судьбы. Из-за постепенного превращения безработицы в принудительные работы, они становятся причастными, зачастую паталогичными объектами новых демагогов в лучезарном нацистском аду. «Только так. Место еще есть. Садись, камрад!» Такие призывы обращены к пролетарию в кабаке. Для него уже готова коричневая униформа. Зегерс описывает потрясения в социальном сознании.

Каждую из этих символических фигур времен нацизма, будь то эстетствующий оппортунист Клауса Манна или растерянный и купленный пролетариат у Анны Зегерс, нужно воспринимать так, чтобы при этом не забывать о других.

*Оригинал статьи опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Детлеф Каннапин, журналист

ШОСТАКОВИЧ ПО ВОЛКОВУ

9 августа 1975 г. в возрасте почти 69 лет скончался великий русский композитор советского периода Дмитрий Шостакович. Спустя четыре года в Нью-Йорке вышла книга, выдаваемая за «мемуары» Шостаковича. Автор книги, советский диссидент Соломон Волков, попытался внушить читателям мысль, что композитор ни в коей мере не был сторонником советской власти, коммунистической идеи и общественной свободы, а, напротив, являлся скрытым буржуазным индивидуалистом, отвергавшим всё то, что, так или иначе, было связано с коллективной солидарностью, государственной организацией и партийной работой.

По мнению Волкова, отход в частную жизнь в позднем творчестве Шостаковича и его сдержанность в публичных выступлениях доказывают то, что политическое давление в Советском Союзе было так велико, что композитор при жизни не решался открыто заявить о своих истинных взглядах. Тем не менее, как утверждает Волков, во время его нескольких встреч с композитором возникли записи для «мемуаров», которые он затем упорядочил, оформил и представил Шостаковичу на подпись. Таким образом, по словам Волкова, материал является подлинным, хотя, как уже предусмотрительно и слегка предательски значителен в первой оговорке предисловия книги, «необходимо сказать, что Шостакович часто противоречил сам себе», и он, Волков, вынужден был «угадывать реальный смысл его слов».

Что же, подставной свидетель больше не мог защитить себя. Учитывая общую тенденцию в научной практике осуждать всё советское, а также не допускать приемлемости ничего иного, кроме микрокосма «русской» интеллигенции, современников всё же удивлял тот факт, что Шостакович не использовал ни одну из своих поездок на Запад, чтобы отвернуться от своей Родины. На это у Волкова в виде второй оговорки было готово оправдание – композитор находил западную общественность отталкивающей. Тем не менее, далее с воодушевлением следует: «Бесспорно, Шостакович

всем сердцем на стороне либералов». Откуда это было знать Волкову, конечно, сказано не было.

Если ещё раз посмотреть на «Свидетельство» с высоты 2015 г., можно заметить, что оно представляет собой в высшей степени сконструированную смесь тоталитаризма, империалистического взгляда на историю и антикоммунизма. Это было в своей основе типично для западного подхода к социалистической системе мира уже в 1979 г., и сейчас, когда мы знаем об идеологической денонсации всех социалистических идей и базовых ценностей, это уже не удивляет. Что же, напротив, обнаруживается отчётливо, так это то, что даже при элементарных познаниях о жизни и творчестве Шостаковича записи Волкова можно отвергнуть как не соответствующие действительности. При общих высказываниях о советской политике Волков то и дело использует методологию и стилистику, подчас настолько односторонние и неосознанные, что они вряд ли могли возникнуть где-то еще, кроме как за кухонным столом диссидентов, за которым как раз Шостакович и не сидел. Чуть лучше ситуация с замечаниями Шостаковича касательно музыки и техники исполнения, которые впоследствии склонили многих музыковедов (например, биографа Кшиштофа Мейера и эксперта музыкального театра Герда Ринекера) к мнению, что раз музыкальное в этих «мемуарах» абсолютно верно, то и политическое не могло быть как минимум полностью взято с потолка.

Ничего от Шостаковича

В своём трактате Волков спекулирует на трудностях Шостаковича с инстанциями советской администрации, призывая аудиторию поверить во всё это. Ключевыми моментами здесь были разногласия по поводу оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» в 1936 г. и постановление ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. о формалистских тенденциях в советской музыке. В обоих случаях композитор хоть и был прямой мишенью явно преувеличенной критики, однако всё же не был отстранён навсегда и не был отлучён от своих убеждений для написания советской авангардной музыки. Даже официальная «Энциклопедия СССР», опубликованная в 1950 г. одним из немецких изданий, положительно отзывалась об элементах симфонической музыки и музыки драматического кино, написанной Шостаковичем

(Симфония № 5, 1937 г., первая часть 7-й, «Ленинградской» симфонии с «темой вторжения», а также музыка к фильму Фридриха Эрмлера о Кирове «Великий гражданин», 1938–39 гг.). Симфония № 4, написанная в 1936 г., которую сам Шостакович изначально скрыл и премьера которой состоялась лишь в конце 1961 г., надолго опережала своё время и, конечно же, могла ранее вызвать ещё большее непонимание в политических кругах, так что со стороны композитора было разумным шагом повременить с ней. На такие художественные воспоминания, которые объясняются скорее обстоятельствами того времени, чем политическим беззаконием, Волков наложил мнимые взгляды Шостаковича, которые, как он полагал, возникли в результате тех обстоятельств, хотя в дальнейшем эти взгляды фигурируют совершенно бессвязно.

Как не принадлежащие Шостаковичу следует расценивать, к примеру, следующие тезисы Волкова: Сталин и Гитлер были «близки по духу»; темой «Ленинградской» симфонии является Сталин, а не немецкое вторжение. В советском искусстве объектом рассмотрения являлась не смерть, а лишь оптимизм (драмы и произведения довоенного периода Всеволода Вишневского, Валентина Катаева и Николая Островского; написанные после вторжения гитлеровской Германии произведения Константина Симонова, Александра Фадеева и Михаила Шолохова, а также воспоминания о Великой Отечественной войне Волков, должно быть, «упустил»). И далее: Сталин, «конечно», был «только наполовину в здравом уме» и «подражал» Муссолини (в архитектуре), который ему «импонировал». Поэтесса-лирик Анна Ахматова считалась «гением» СССР и т.д. Всё это достигает апогея в словах Волкова об опере Модеста Мусоргского «Хованщина», 1886 г., которая отсылает в тогдашнюю (несуществующую, но желаемую диссидентом) действительность: «Это тема России, которая однажды сможет вздохнуть свободно».

«Свидетельство» в целом является истинным документом для сознательного управления политическим настроением в период холодной войны против деятеля советской культуры с безупречнейшей репутацией. В этой книге много от истории пропаганды в контексте конфликта между Востоком и Западом и очень мало от самого свидетельства. Открытый вопрос, скорее, в том, при какой материально-технической поддержке партийного аппарата стало возможным то, что тот предоставил такую

большую сцену политически невлиятельной оппозиции СССР на Западе, принес в жертву одного из важнейших представителей прогрессивной советской культурной политики.

Идеологическая классовая борьба

То, что идеологическая классовая борьба по-прежнему управляется сверху, может удивить только тех, кто послушно избрал своим руководящим принципом буржуазную сказку о доброй воле и миролюбивости позднего империализма наших дней. Тем не менее, достоверность продолжает оставаться сомнительной, а Шостакович, очевидно, всё ещё слишком сильно сидит в памяти как коммунист.

Иначе трудно объяснить, почему в 2011 г. и 2014 г. соратники Волкова опубликовали объёмную апологию «Свидетельству» под провокационным воинственным названием *The Shostakovich Wars* («Войны Шостаковича»). Эта апология не предлагает ничего нового, а лишь широким жестом повторяет практически все тезисы «мемуаров». Поскольку на высшем уровне буржуазные исследования коммунизма расценивают официальные источники сами по себе как ненадёжные, а любые голоса против чаще всего отклоняют как «политически окрашенные» или «загрязнённые социализмом», эта недавняя публикация также остаётся лишь на уровне выражения субъективного мнения, приводя «подтверждающие утверждения» и наглядно иллюстрируя утрату способа познания, а также смешение мнения и знания.

Прекрасно вычерченному для идеологической классовой борьбы названию книги Волкова недостаёт достоверности. Правильнее оно должно было бы звучать как «Мои беседы с Шостаковичем. Политическая интерпретация. Автор: Соломон Волков». Таковую книгу Волков написал в 2004 г.: «Сталин и Шостакович. Диктатор и деятель искусства». Кто знаком со «Свидетельством», тот узнает, конечно, вариации бесконечного политического цикла тайного диссидента Шостаковича, сталинской тирании, полного затыкания рта «русской» интеллигенции и многое другое. Даже эта работа, если её интерпретировать, никуда не годна, однако в глаза бросается двоякость: больше нет ссылок на «Свидетельство», а возражения из книги «*Shostakovich Casebook*» (вышедшая в 2004 г. книга под

редакцией Малколма Брауна, содержит статьи ведущих специалистов по Шостаковичу, критикующих книгу Волкова «Свидетельство». – *Прим. переводчика*) полностью игнорируются. Используемая в данном портрете форма идеологической риторики, разумеется, является более честной, хотя от этого и не более объективной.

40-летие со дня смерти революционного композитора Дмитрия Шостаковича должно быть достаточным событием для интересующейся публики, чтобы позволить монументальным творениям говорить самим за себя – творениям, которые бы не возникли вовсе без продуктивной точки зрения на социализм и положительного отношения к СССР.

*Оригинал опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Кай Кёлер, журналист

ИСТОРИЯ, ОТРАЖЁННАЯ В МУЗЫКЕ

110 лет назад царь Николай II был вынужден пойти на уступки народу, непрерывно выходившему на улицы с января 1905 г. Кай Кёлер прослушал симфонию № 11, воплотившую в музыке события тех дней. Наряду со своей интерпретацией он анализирует и симфонию № 12, написанную Шостаковичем в 1961 г. в память об Октябрьской революции 1917 г. («Юнге Вельт»).

Русские революции 1905 г. и 1917 г. тесно связаны между собой. Временное поражение в 1905 г. означало приобретение важного опыта борьбы; жестокая реакция власти устранила последние остатки иллюзии о добром, заботливом царе, который поможет бедным выстоять перед тяготами жизни. Старое общество в свои последние двенадцать лет существовало лишь по принуждению. В 1917-м сама борьба велась уже не против царя – в марте его относительно легко принудили отречься от престола – революционные рабочие и большевистская партия боролись против нового буржуазного правительства и офицеров, нацеленных на военную диктатуру.

Конечно, это точка зрения тех, кому известен исход. В октябре 1905 г. всё представлялось иначе – значение отдельных событий всегда проявляется лишь по окончании цепочки событий. История возникновения обеих революционных симфоний Дмитрия Шостаковича соответствует этому ходу событий: когда в 1957 г. он закончил симфонию № 11 «1905-й год», он ещё не думал о последующей работе. Только в 1960 г. он объявил, что по завершении этого произведения начал работать над продолжением. В 1961 г. состоялась премьера симфонии № 12 «1917-й год».

1905-й год

Отразить в музыке части происходящего в их развитии не означает передать их в простой последовательности. Ведь Симфония № 11 тоже не отсекает отдельные исторические даты, а помещает в центр события: «Кровавое воскресенье» в Петербурге – 9 января 1905 г. по юлианскому календарю.

Шостакович написал симфонию продолжительностью примерно один час в четырёх частях, переходящих одна в другую без перерыва. Первая часть *adagio* под заголовком «Дворцовая площадь»: мрачным, гнетущим передано статичное состояние, имеющее, однако, оттенок скрытой напряжённости. Далее следует быстрая часть «9-е января», несколько «волн усиления» которой временно разряжают эту напряжённость, вплоть до громкого, конкретно обозначенного момента резни и отката в исходные условия. Следующая медленная часть «Вечная память» представлена как панихида песней «Обнажите головы», а в середине – похоронным маршем.

Уже здесь Шостакович отступает от конкретного исторического хода событий, который был крайне изменчив в 1905 г. с последовавшими забастовками и восстаниями, жестокими мерами по подавлению и поверхностными уступками режима. Композитор, скорее, рассматривает последствия убийства 9 января с высоты истории: траур сменяется 4-й частью «Набат» – новой борьбой, намекающей в конце на грядущую победу.

Несмотря на такой временной разброс, форма здесь весьма прозрачна. Последовательность частей – медленно – быстро – медленно – быстро – знаменует развитие от безнадёжности через бессмысленный бунт и политически осознанный траур к организованным действиям. Одновременно

Шостакович продвигается вперёд от изображения событий к раскрытию их исторического характера.

Будущее в прошлом

Всё же музыкальная единица не всегда однозначна. Даже образцы, недвусмысленно выстроенные музыкально, в контексте программной симфонии не без труда можно соотнести с определёнными действиями. Трубные сигналы, которые слышны в первой части, конечно, могут конкретно указывать на заранее выставленные и готовые к бою царские войска – тот факт, что они вновь звучат во второй части незадолго до показанной резни, говорит в пользу такой интерпретации. Однако с тем же успехом можно услышать в совсем не триумфальных фанфарах комментариев композитора, призыв к революционной борьбе и в конечном счёте к тому, чтобы не сдаваться верным режиму войскам. Аналогично при одном лишь прослушивании невозможно определить, что означают беспокойные мотивы, из которых Шостакович выстраивает три усиления второй части, – продвижение протестующих вперёд или же более общее, передающее настроение описание волнения того утра.

Одним из способов конкретизации является отрывок из песни: мелодия отсылает к тексту, и тем самым содержание проясняется, по крайней мере в случае, когда, предположительно, известен прототип. Весьма вероятно, что на момент написания симфонии это имело место в некоторых песнях, например, «Обнажите головы». В отношении остальных, учитывая временную разницу, это определить труднее: сложно сказать, какую роль играет «вверенная» флейтам русская песнь военнопленных в первой части – отмечает оппозиционную борьбу или просто являет собой полный надежд контраст к угрожающим пассажам, обрамляющим мелодию.

Равным образом слушателем с трудом могут быть поняты моменты, когда Шостакович цитирует собственные произведения. Музыкальный материал усиления во второй части преимущественно заимствован из шестой хоровой поэмы (опус 88, 1951 г.) «Девятое января», текст которой начинается строфой: «Гой, ты, царь, наш батюшка! /Оглянись вокруг. /Нет житья, нет моченьки /Нам от царских слуг». Это могло бы помочь установить содержание определённых пассажей симфонии, тем более что эти

слова соответствуют реформистским умоляющим просьбам демонстрантов в день Кровавого воскресенья. Но не всё так просто. Во-первых, Шостакович разумно усиливает мотивы из хоровой песни, так что они, вопреки верноподданническому содержанию, приобретают мощную революционную форму. И это реалистично, поскольку основанием для революционных потрясений зачастую служат не представления о некоей утопической цели, а ярость оттого, что разрушились традиционные условия.

С другой стороны, в музыкальном плане усиление также означает нагнетание. Так, мелодия во второй части становится более дробной ещё до того, как барабанный бой со всей силой показывает убийство демонстрантов. Полностью усиление смогло развернуться лишь в четвёртой части: после того как музыкальное построение боевых действий доводит взаимное противостояние до крайности и катастрофы. Для последующего тихого пассажа при прослушивании возможны две противоположные трактовки. Для меньшей части слушателей, которая помнит хоровые песни Шостаковича, понятна связь, ведущая от консервативного бунта к сознательной революции. Для всех остальных немногие моменты мелодического развития в этой необычайно громкой и изобилующей конфликтами части предстают в виде утопичной точки покоя, символизирующей мирную жизнь.

Не считая этого пассажа, в финале с необычайной громкостью едва ли не полностью разряжается всё тягостное, что долго накапливалось три четверти часа. Эта часть крайне насыщена событиями и, тем самым, противопоставлена тяготеющему ожиданию в начале симфонии; в отличие от второй части с её музыкальным хаосом, здесь движения иные: организованные и передовые; на место задумчивой скорби третьей части приходит образ активных действий. Будучи тройным контрастом ко всему предшествующему, эта часть является его следствием.

В центре – снова две песни. С медными духовыми инструментами, очень громко и отрывисто, в распадающуюся мелодию «Обнажите головы» врывается боевая песня «Беснуйтесь, тираны» и польская рабочая песня «Варшавянка» с начальными строками: «Вихри враждебные веют над нами, /Темные силы нас злобно гнетут. /В бой роковой мы вступили с врагами, /Нас еще судьбы безвестные ждут» (использован перевод Г.М. Кржижановского. – *Прим. переводчика*). В симфонии «Варшавянка», всегда исполняемая в быстром темпе марша, претерпела мало изменений;

она описывает целенаправленное действие. Зато более короткая первая тема в дальнейшем расщепляется на мелкие единицы; двойной удар из первых двух слогов становится динамическим элементом. Песня теряет своё текстовое содержание и в симфонии становится предметом динамической разработки, которую Шостакович – после вышеуказанного перерыва – ведёт к очередному усилению. Включив мелодию «Девятое января», Шостакович достигает кульминации, где важную роль играют разные тембры ударных инструментов: глухо угрожающий гонг, агрессивно гремющие маленькие барабаны и в конце колокола, привносящие в действие праздничный элемент и слышащиеся в нескольких исполнениях, как взгляд в послереволюционное будущее.

1917-й год

Симфония № 11 была впервые исполнена Государственным симфоническим оркестром СССР под управлением Натана Рахлина 30 октября 1957 г. в канун 40-й годовщины Октябрьской революции. В социалистических странах произведение быстро получило известность, на Западе несколько позже, и то благодаря утверждению, что Шостакович этой симфонией хотел выразить свой протест против советской интервенции во время Венгерского восстания 1956 г.

Это абсурдно и к тому же допускает несусветную глупость советских контролирующих органов, по обыкновению упрекаемых во всемогуществе. Но, по крайней мере, это привело к тому, что симфонию № 11 сегодня можно услышать довольно часто, чего нельзя сказать о её последовательнице. Из всех поздних симфоний Шостаковича до концертных залов Запада менее всего дошла симфония № 12, впервые исполненная на XXII Съезде КПСС в 1961 г. Ленинградским филармоническим оркестром под управлением Евгения Мравинского.

Октябрьская революция, с точки зрения буржуазии, покрыта несмываемым позорным пятном за то, что была успешной. Особенно неприятным для иного толкования Шостаковича буржуазией был тот факт, что «самая верная режиму» симфония появилась даже не в сталинскую эпоху, когда её появление можно было бы объяснить политическим давлением, а на пике либерализации при Никите Хрущёве.

Симфония № 12 также состоит из четырёх частей, переходящих одна в другую. По продолжительности около 40–45 минут, она выполнена более сжато, чем её предшественница. Тем не менее, основное её отличие в том, что она ориентирована на классические формы. Первая часть «Революционный Петроград» – сонатное *allegro* с медленным вступлением, основной темой, излагающей его быстро и с более резким ритмом, и побочной партией с мелодичным оттенком. Вначале все три по отдельности усилены, а затем разработаны в проведении темы, что создаёт впечатление хаоса и борьбы. Периодически господствуют барабаны, усиливая впечатление от тяжести боёв. В дополнение к представленным в начале темам Шостакович как отдельную песенную цитату этой симфонии перерабатывает начало из «Смело, товарищи, в ногу!». Однако, в отличие от симфонии № 11, здесь не изображается конкретная ситуация, а лишь передаётся общее революционное настроение в городе.

Шумный бой затихает, тема введения в последний раз отмечает решительность с помощью духовых инструментов, после чего следует медленная часть под названием «Разлив». Разлив – место, где в июле–августе 1917 г. скрывался Ленин, откуда он руководил действиями большевиков и осуществлял теоретическую работу – среди прочего, в те недели он писал книгу «Государство и революция». Шостакович изображает это при помощи *adagio*, для которого возможны две трактовки при прослушивании. С одной стороны, эту часть можно понять как форму А–В–А: мрачно-задумчивые внешние части обрамляют короткий, более светлый средний отрезок. Его основной ритм, однако, был уже заранее готов в основной части. Вот почему это *adagio* с тем же правом можно расценить как обработку мельчайших деталей, благодаря которым композитор добивается различных настроений.

Общее и частное

Данный разбор формы интересен не только для специалистов в музыке, которые в основном интересуются аспектом «как» в выполненной работе. Скорее, этот разбор касается философского вопроса о связи общего и частного. В Симфонии № 12 Шостакович более, чем в других своих работах, подчёркивает приоритет общего – частное выводится из

немногочисленных базовых образцов. Это также подчёркивается в тесной тематической связи всех четырёх частей. В «Разливе» неоднократно слышатся «воспоминания» о первой части. Размышления основываются на практическом опыте.

И напротив, результаты размышлений снова привносятся в практику. Ритм центральной части *adagio* становится в третьей части «Аврора» исходной точкой развития. «Аврора» – военный корабль, выстрел с которого сигнализировал начало Октябрьской революции. Шостакович показывает это в короткой части, занимающей место танцевального скерцо классической симфонии, но в отличие от него имеющей не форму А–В–А, а две волны усиления. Одна определяется первично ритмом «Разлива», вторая же прибегает к помощи оптимистичной побочной темы из первой части и так с большим силовым развитием образует переход к финалу под названием «Заря человечества».

Заключительная часть симфонии Шостаковича на большом протяжении имеет танцевальный характер. За громким началом следует переход, преобразующий основную тему в собственную цитату: из симфонии № 2 «Октябрю», написанной Шостаковичем в 1927 г. к десятой годовщине революции. Данный материал выдержан в вальсовом ритме. Пассаж содержит цитаты из первой части: в будущем обществе борьба, которая была необходима, будет, несмотря на все жертвы, радостным воспоминанием.

Однако на этой весёлой игре всё не заканчивается. Настоящее требует своего права, и темы из первой части всё больше определяют развитие. Чрезвычайно долгий и громкий заключительный пассаж, сочетающий в себе наиболее важные музыкальные мотивы из первой и последней части, было бы неправильно расценивать как бурный восторг. Здесь, скорее, отсылка к тому, что революционная миролюбивая политика всегда подвергалась угрозе извне. Шостакович показывает, как до конца остаётся напряжённость.

Обе революционные симфонии, сочинённые Шостаковичем, являются произведениями, которые можно по-разному трактовать при прослушивании.

На первом уровне понимания – чувственная выразительность происходящего и эмоций, сопровождающих происходящее и вызываемых им. Неслучайно Шостакович третью часть симфонии № 11 в значительной

степени позаимствовал из своей же музыки к фильму Фридриха Эрмлера «Великий гражданин» (1939 г.), и неслучайно впоследствии оказалось, что партии из симфонии подошли к фильму Сергея Эйзенштейна «Броненосец „Потёмкин“» (очевидно, имеется в виду, что самое знаменитое музыкальное сопровождение связано с именем Дмитрия Шостаковича. Когда в 1976 году фильм был перенесён на более совершенную плёнку, то в качестве музыки к нему были использованы симфонии Дмитрия Шостаковича: Симфонии № 4, № 5, № 8 и № 10 и № 11 «1905 год». – Прим. переводчика).

На втором уровне понимания произведения иллюстрируют исторические взаимосвязи. Они не отображают одну лишь последовательность эпизодов, а дважды показывают путь конкретных событий к их историческому значению. При этом, как всегда в выдающейся музыке, выразительность частного и движение вперед являются взаимозависимыми. Здесь эта взаимосвязь выходит за пределы отдельного произведения. Шостакович доказывает в симфонии № 12 (более абстрактной), что Октябрьская революция была следствием борьбы предшествующих двенадцати лет и подняла столкновение на более высокий уровень.

*Оригинал опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Томас Вагнер, журналист

НЕ ПРАВЫЕ, НЕ ЛЕВЫЕ?

Мы не правые и не левые! Эту фразу можно было часто услышать в ГДР, как в ходе мирной революции 1989 г., так и на акциях движения «ПЕГИДА». С тем же лозунгом выступили недавно два дебютанта профессиональной политической сцены, пытающиеся использовать в своих целях растущее недоверие избирателей к «старым» партиям.

Всё больше признаков того, что место справа от ХДС, освободившееся после сокрушительного поражения Пиратской партии, планирует всерьёз и надолго занять «Альтернатива для Германии» (АдГ).

Правда, на выборах в Бундестаг в 2013 г. и в Европарламент в 2014 г. партия всячески отрекивалась от отнесения себя к правому флангу. Как заявил в интервью крайне правому изданию «Юнге Фрайхайт» вице-председатель АдГ Александр Гаулянд, его партия не вписывается в «правую» схему и является по преимуществу «партией здравого смысла». Одновременно его партийный товарищ Конрад Адам демонстративно отмежевался от крайне правых. «Нам не нужны выходцы из Национально-демократической и из рядов республиканцев», – сказал он.

На предвыборных плакатах АдГ нередко можно увидеть нечто прогрессивно звучащее, вроде «Граждане – основа всего. И никак иначе» или «Швейцария – за право народа принимать решение. Мы – тоже».

Среди союзников партии Бернда Люке – экс-лидер «Пегиды» Катрин Эртель и её соратники, приступившие несколькими неделями ранее к созданию проекта «Прямая демократия для Европы». «Если это удастся, многие проблемы, проистекающие из обособленности политического класса, решатся сами собою», – заявила Эртель корреспонденту «Юнге Фрайхайт».

Такой же точки зрения придерживается и французский писатель Мишель Уэльбек, который, выступая 19 января в кёльнском театре Шаушпиль перед спектаклем по его роману «Подчинение» (*Unterwerfung*), предложил заменить парламент прямой демократией.

Выход книги, в течение многих недель возглавлявшей список бестселлеров в Германии, Франции и Италии, совпал с нападением на сатирический журнал «Шарли Эбдо», и поначалу ее обсуждение велось исключительно на предмет, не имеет ли этой произведение антиисламской направленности. И это не удивительно, поскольку в романе, события которого происходят в ближайшем будущем, описывалось, как к власти во Франции демократическим путем приходит умеренная исламистская партия.

Книга поступила во Францию 7 января, как раз в день нападения на «Шарли Эбдо». Среди 12 жертв теракта был друг Уэльбека – экономический обозреватель Бернан Мари, который по заданию редакции написал на этот роман рецензию. На титульном листе журнала был изображен Уэльбек, произносящий: «В 2022 году я буду соблюдать Рамадан». Поэтому мысль о связи между выходом романа и терактом напрашивалась сама собой. Не выступал ли писатель с антиисламскими и праворадикальными заявлениями и раньше?

Литературный журнал «Перпендикуляр», в котором Уэльбек работал в 1990-е годы, уже критиковал его роман «Элементарные частицы» (1998 г.) за создание «фашистской утопии». Недаром такой высокопоставленный чиновник, как премьер-министр Франции Мануэль Вальс, посчитал необходимым немедленно отмежеваться от скандального автора, заявив: «Франция – это не «Подчинение», Франция – это не Уэльбек».

Рецензенты немецких изданий в большинстве своём признали обвинение Уэльбека в исламофобии несправедливым. Как писала в «Нойен Дойчланд» Лириан-Астрид Гезе, «он предупреждает не столько об угрозе, исходящей от какой-то определенной религии или от авторитарных режимов, сколько об опасности бездействия или отказа сопротивляться [насилию]». Поэтому очень важно спорить с автором, в котором «под маской провокатора» прячется «скрытый идеалист», писал Кристофер Шмидт из «Зюддойчен Цайтунг». Рецензент шпрингеровского «Ди Вельт» Тильман Краузе назвал роман «сильно переперчённым блюдом, настойчиво напоминающим нам, что литература – это прежде всего игра творческого воображения». По его мнению, роман «Подчинение» является грандиозной книгой.

«Уэльбеку более, чем любому другому европейскому писателю, свойственны умение и отвага распознавать тлеющие конфликты и строить вокруг них повествование», – отмечает Ян Кювелер из «Вельт ам Зонтаг». Уэльбек – «один из чувствительнейших сейсмологов французского общества», заключает Мартина Майстер из «Берлинер Цайтунг». При этом двумя днями ранее Корнелия Гайслер из того же издания высказала мнение, что автор подталкивает читателя «не к швырянию камней, грабежу и стрельбе, а к размышлениям» (13.01.2015).

«Уэльбек может быть горячим сторонником событий 1968 г., поэтому в роли истинного реакционера ему долго не удержаться», – полагает Дирк Книпхальс из издания «Тац». «Быть правым или левым, реакционером или прогрессистом – для него не имеет значения», – продолжает в том же духе «Дер Шпигель». А леволиберально настроенный главный редактор «Франкфуртер Альгемайнен Зонтагсцайтунг» Фолькер Вайдерман несколько патетически возражает Мануэлю Вальсу: «Франция не Уэльбек? Надеюсь, именно так скоро и произойдёт. Потому что именно к этому наше общество идёт. По всем признакам». Неудивительно также, что рецензент «Фран-

куртер Альгемайнен Цайтунг» Йорг Альвег назвал Уэльбека «Сартром наших дней».

Сравнение с виднейшей иконой ангажированной литературы¹ настолько понравилось литературному обозревателю еженедельника «Ди Цайт» Ирис Радиш, что в опубликованном 22 января 2015 г. интервью она вступила по этому поводу в полемику с Уэльбеком. Последний возразил: «Я не считаю Сартра хорошим писателем», на что Радиш сказала: «Он был нервом эпохи, автором своей эпохи». Уэльбек ответил, что принимает комплимент, но в отличие от Сартра не собирается никому предписывать, что и кто должен делать.

Упомянутое выше **предложение Уэльбека ликвидировать парламент и ввести прямую демократию является не сиюминутным колебанием аполитичного человека, а ядром состоящей из восьми пунктов программы по обновлению политического строя, с которой писатель выступил годом ранее, желая предотвратить гражданскую войну, которая, по его мнению, может вырасти из конфликтов на этнической почве.**

«На мой взгляд, президента нужно избирать пожизненно, но в случае чего его по инициативе народа можно сместить простым референдумом», – цитирует онлайн-портал газеты «Вельтдойчен Альгемайнен Цайтунг» высказывание писателя в ходе его беседы с экс-президентом Франции консерватором Николя Саркози.

«Народ должен всё решать напрямую, в том числе вопросы, касающиеся принятия и исполнения госбюджета. Каждый гражданин должен заполнять ежегодно анкету, помечая крестиком, на что государству нужно выделить деньги», – передает швейцарская газета «Тагесцайтунг» слова Уэльбека.

В упомянутом интервью изданию «Ди Цайт» **Уэльбек сам указал на связь между тем, о чём говорится в романе, и политическими реалиями: «Описываемая в романе война – это предупреждение о войне, которая уже сегодня начинает разворачиваться во Франции».**

Примечания:

¹ *Ангажированная литература (франц. littérature engagée) – термин, обозначающий деятельное участие литературы в идейной борьбе*

своего времени. Термин зародился сразу после Второй мировой войны в кругах левой французской интеллигенции, вынесшей из движения Сопротивления опыт слияния литературы и политики. Манифестом ангажированной литературы стали статья Жан-Поля Сартра в № 1 журнала «*Les Temps modernes*» за 1945 г. и его эссе «Что такое литература?» (1947).

² Проходила 12–15 марта 2015 г.

*Оригинал опубликован в газете Junge Welt
Перевод Дмитрия Тарбеева*

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ

Марко Черветти, писатель

НЕПРАВИЛЬНОЕ ЗЕРКАЛО, ИЛИ ОТРАЖЕНИЯ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ВИРТУАЛЬНОГО ЗАНАВЕСА

На уровне метафорического восприятия русского народа возникает образ мангровых зарослей с их масштабностью и сложной системой переплетения, свидетельствующей о тропическом происхождении.

Русские – это тропический народ, который оказался в холодной стране. Тропический – по причине своей идиосинкразии к морозу, ненависти к смене сезонов и просто к любым изменениям. В этом его наказание на земле, которую он должен охранять, чтобы его снова не захватили. Постоянное желание вернуться в прошлое к своим хтоническим истокам по пути, который всеми забыт, – этот утраченный путь и является наследием, той мерой реальности, рождающей бесконечное и бездонное чувство ностальгии и утраты чего-то дорогого. (Есть такое ощущение, что русские стремятся к своей таинственной цели.)

Структура мангровых зарослей (её разнообразие и диверсифицированность) в своей дарвинистской социальной экзистенции ведёт войну с линейностью. Эта экзистенция русского народа пульсирует в пространстве относительно беспорядочного и непроходимого леса. В контексте механики небольшого импульса это пространство рождает живописные решения, где всё имеет в себе эстетку очарования и трагедии. Экзистенция русского народа – вовсе не номадистская, и земля не отвергала этот народ. Климат изменился, и он остался, как-то особенно связанный с землёй-матерью.

Народ, который организует себя в пространстве, безграничном пространстве, расположенном между скукой и безумием. И довольно радикально. В широте пространства растворяется чувство государства, которое превращается в чувство мира. Европейцы привыкли видеть границы своей страны, для русских же чувство страны растворяется в её же просторах. На русских много сильнее влияет природа, которая давит над всем. Здесь меньше, чем в других местах, можно поверить в управление человеком природой. Что бы мог об этом сказать умеренный, как его климат, человек, любитель уютной маленькой эстетики, которая создает разнообразные и никогда не одинаковые пространства, где граница видна невооруженным взглядом, где неизменно существует структурированный континуум творения? В этой открытой «недосвязанной» глобальности становятся незначимыми ни чувство широты, которое является первоначальным источником чувств абсолюта и экстрима, ни чувство ограниченности, в свою очередь служащее истоком ощущения провинциальности и скрупулёзности. Ощущение широты и ограниченности, наоборот, проявляется в политике и религии. И в нас.

Мороз заставляет человека сотрудничать, тепло порождает индивидуализм. Русские стремятся уехать за границу, когда в России становится холодно. Когда русский человек в холодный период уезжает в теплые страны, он в каком-то смысле предаёт общественные связи со своими соотечественниками, но несмотря ни на что он никогда не предаст свою землю. Украинцы, молдаване, румыны, живущие за границей, часто встречаются друг с другом, даже создают свои землячества и общины, русские же остаются в своей индивидуальной клетке и очень редко встречаются и стараются поменьше общаться. Можно сказать, что русские в отсутствии традиционной причины своего сплочения (мороз) проявляют особую заботу о своём индивидуализме и эго.

Мне не раз приходилось замечать какое-то болезненное пристрастие русских людей манипулировать образами реальности. В советские времена эти манипуляции были связаны с образом социальной утопии, современные русские с помощью такой манипуляции избегают любой личной ответственности. Если ты заказываешь бифштекс с картошкой, тебе принесут лосось с пюре и объяснят, что виноват ты, а не официант – в любой точке земного шара, где работают русские официанты. Если параметры коммер-

ческих договоренностей, которые долго обсуждались, вдруг радикально изменятся, ты можешь быть уверен, что вина твоя: неправильно понял, или понял не так, или не то. Или ты сумасшедший.

Представление иностранцев о русском *modus operandi* происходит ещё от давнишних чтений Гоголя и подтверждается многими русскими, которые живут за границей. Национальный характер с его хаотичностью и поэтической склонностью к чрезмерности и трагичности, с какой-то колоссальностью масштабов, которая не оставляет надежду скрупулезности и часто теряется в почти бесконечной панораме русского горизонта. **Горизонт находится так далеко, что многие перестали на него смотреть, соотнося собственную дальнороркость с жизнью, обновляемой ежедневно. Этот народ словно бы потерял свои корни и бродит без цели в этой бесконечности.** И именно так думают многие европейцы – советский период уничтожил все традиции и погасил чувство красоты у людей, уничтожил то, чем была Россия (Достоевский & Толстой) и оставил после себя пустоту и аннигилированный народ. Очевидно, что большинство европейцев в этом абсолютно уверены из-за многих десятилетий антисоветской пропаганды, которая не позволяла узнать нам о России ничего, кроме недосказанной правды и лжи. Лжи, которая остается под кожей, обмана, который иногда циклично возвращается в соответствии с международной ситуацией. Все эти представления формировались ещё в 80-е годы, когда любая поездка в Россию из западного блока воспринималась, как путешествие на Марс. Народ, в том числе интеллигенция, во всё верили, как дети в театре марионеток.

У каждого настоящего европейца внутри есть свой русский, который создаёт целую страну и подсказывает её историю. В основе были Достоевский & Толстой. Потом появились русские аристократы и интеллигенты, сбежавшие от большевистского режима. После падения СССР стали приезжать проститутки (какое разочарование!). Потом стали приезжать семьи из маленьких городов и деревень. Наконец, в заключение в Европе появились новые богатые – «Петровичи-путешественники» с их типологической иконографией из яхт, ящиков водки и банальной *dolce vita*. Между первым рядом (белой эмиграции) и вторым (проститутки) появлялись метеориты – сложные и значительные, которые оставляли в местах, куда они падали, знак своей русскости.

Многие европейцы не могут соединить в своём сознании гетерогенные группы русских и путаются в различных противоречивых шаблонах. А кто-то создал немодифицированный миф на основе только одной категории или одного человека, с кем он имел дело. Поэтому важное значение имеет личный опыт, побеждающий аналитический и объективный анализ, который никогда не покидает людей с широким кругозором. Так, средний итальянец считает русских женщин женщинами легкого поведения. В отличие от итальянок, которые считаются женщинами тяжёлого поведения. С другой стороны, все представления, касающиеся русских мужчин, формируются на основе столкновений с богатыми и хамоватыми туристами с малых рублевок неизвестных городов. Но не перевелись ещё и европейцы, чьё сознание находится в рамках мифа России Достоевского & Толстого, мечтающие о зимней идиллии в деревянной избушке с бабушками, заплаточенным и засарафанными, которые нараспев читают сказки. Они уверены, что все русские немножко поэты, и их большое количество иллюзий заставляет искать в каждом среднестатистическом русском из провинции жителя старой Москвы Толстого или/и петербургских дворов Достоевского.

Есть и европейцы, которые воспринимают русских как тех, кто пожертвовал собой для нас всех, для всего человечества – т.е. впервые осуществил то, о чём половина Европы мечтала (а потом обнаружили, что не только Европа), – но никто не хотел бы взять на себя ответственность и реализовать первым. Такой жертвой была революция, а потом Советский Союз.

«Железный занавес» был таким плотным, что пропускал только некий эфир, так что многие считали, что Россия – это коммунистический Эльдorado. Россия была надеждой всего трудового народа, многие тогда мечтали о Ленине или держали портрет Сталина вместо Мадонны. (Как, например, главный герой рассказа сицилийского писателя Леонардо Шаша/ Lenardo Sciascia.)

Мистический звук с востока удивительно влиял на общественно-политическую жизнь Европы, кажется, утопия была осуществлена в стране морозов и льда, – и там всё прекрасно. Поэтому надежды простых людей Европы на улучшение своих прав, социальные гарантии, справедливую организацию общества оказались вполне достижимыми. Все эти заманчивые слоганы усатого популиста товарища Сталина были значимы для со-

циально неадаптированного населения европейских стран, которое вплоть до 50-х годов действительно было не адаптировано (вспомните фильмы итальянского реализма). Они давали силы многим людям поддерживать свою борьбу за улучшение общества и отстаивать свои права. И этот механизм хорошо работал до своего пароксизма, пик которого пришёлся на «свинцовые годы» (60-е годы) с рабочими забастовками и студенческими захватами.

Кажется, русские мучились за нас.

Казалось, что последний всплеск проявления национальных стереотипов исчерпает себя в производстве анекдотов, но, к сожалению, это не так. До сих пор итальянец ест спагетти и поет под мандолину, уса́тый немец пьёт пиво, а русский произносит тост со стаканом водки и, выпив водку залпом, разбивает стакан. Этот последний расхожий стереотип, кстати, является причиной того, что итальянцы побаиваются приглашать русских к себе домой, переживая за сохранность своей посуды. В анекдотах главный герой решает проблемы с помощью стереотипных особенностей национального характера. Они являются фольклорными ключами к тексту, срабатывающими на всех уровнях, потому что содержат связь с реальностью, которая их питает. Стереотипы – это сорт народного лексикона, который содержит в себе наивную структуру управления информацией и структуру mass-cult'a. (Интересно будет проанализировать стереотипы русского человека, как они изменились за последние годы и из-за чего.) До 56-го года в европейском сознании существовали три разные фигуры русского человека. Для левых русский был герой и избранный, поскольку ежедневно участвовал в строительстве коммунизма, он являл пример, на который нужно ориентироваться; для антикоммунистов русские были настоящими дьяволами – существами без веры, готовыми уничтожить свою собственную семью ради какого-то сатанического идеала; для богемных интеллектуалов русские были люди с большим артистическим чувством и большой культурой, стремящиеся к трагичности и очень человеческие. После 56-го года многие решили, что русский народ не является привилегированным, а наоборот, – наказанным и что в конечном счёте он инструмент дьявола, но скорее всего его жертва. Неизменной фигурой в сознании европейца остаётся лишь русская богема, которая наиболее близка к архетипу русского интеллектуала, воплощённому в личностях

Венечки Ерофеева и Сергея Довлатова. И именно они считаются настоящими русскими для культурных людей Европы. Последний оставшийся стереотип, который выжил после революции, в советское время и после развала Союза.

В 90-е годы стереотипы формируются на основе слухов и непосредственных контактов: все они связаны с образом «нового русского». Новый народ, который никакого отношения не имеет ни к дореволюционным, ни к советским, он возник из коррупционной системы и трагического периода 90-х. Народ, который не имеет никаких идеалов, бессовестный, материалист, опасный. Таким образом, появляется новая вереница типичных русских: бандит, мафиози, проститутка, олигарх, челнок.

Границы становятся прозрачнее – в Европу приезжают не только избранные, но совершенно разные. Так, европейцы узнали совсем других представителей русского населения из различных регионов. Итальянские женщины, движимые завистью и обидой, видят угрозу в «легком» поведении русских соперниц и организуют настоящий крестовый поход. Итальянские же мужчины переживают новый период Возрождения – становится всё больше смешанных браков итальянцев и русских. Европейцы узнают о таких странах, о которых до этого момента вообще не слышали: сказать несколько лет назад, что ты был в Киргизстане, значило вызвать такую же реакцию, как сказать, что вы недавно посетили Шамбалу.

Возникло типично итальянское любопытство – люди стали изучать совершенно новые языки и культуры, интересоваться, что нужно делать, чтобы гостям было приятно, и одновременно как от них избавиться, если гости становятся не *comme il faut*.

Начинается эпоха интеграции народов европейского континента, где все учатся узнавать немножко обо всех, где начинают возникать первые ксенофобские тенденции и многие мифы рушатся, оставляя мало пространства для сказок. В эту эпоху одни народы сталкиваются нос к носу с другими народами, о которых они имели только общие представления, и на этой почве вырастает национализм, который многие считают единственным средством для обороны своей собственной культурной идентичности.

Сегодня мы имеем дело с двумя противоположными силами, которые сталкиваются и уничтожают друг друга: с одной стороны, мы наблюдаем усилия культурных медиаторов, которые пытаются давать объективные

образы наших стран; с другой – людей, пытающихся очернять новые взаимосвязи, часто с использованием старых страхов «холодной войны» и профанных стереотипов, с целью возбудить патриотическую гордость, зачастую являющуюся фальшивой. Сегодня в особенности следовало бы засунуть национальную гордость куда подальше, чтобы попытаться понять друг друга, чтобы смочь верно и по-современному интерпретировать международные интересы и проблемы и эмансипироваться от собственного микрорайона.

Об этом ещё долго придется говорить, прежде чем умолкнуть.

Хольгер Вендт, экономист

ЦАРСТВО СВОБОДЫ

Недавно вышел новый номер журнала «Марксистские Блеттер». В центре внимания – бывший социалист-утопист Томас Мор (1478–1535 гг.). Летом 1515 г., находясь в Антверпене во время дипломатической поездки на службе у английского короля Генриха VIII, он сочинил историю о людях с острова Утопия, которые сами, без какой-либо навязанной структуры власти, сформировали свой социальный порядок. По возвращении в Англию он написал вторую часть, сделав её предшествованием фантастического рассказа. В ней резко критикуется существующее английское общество. Голландский гуманист Эразм Роттердамский в 1516 г. издал в Лёвене обе части под названием «Утопия. Золотая Книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и новом острове «Утопия»¹. «Юнге Вельт» с небольшими сокращениями публикует вступительное слово Хольгера Вендта касательно центральной темы номера журнала. Учёный-экономист живёт в Рурской области.

Роман «Утопия» празднует круглую дату. В 1515 г. Томас Мор написал «вторую» часть золотой книги, спустя год – «первую». **У тех, кто надеется на окончание бесконечных злодеяний капиталистической**

эпохи, есть все основания почитать мыслителя, разглядевшего её причины уже на первых, начальных стадиях. И у правых, и у левых всё ещё бытует предубеждение, что Мор сконструировал идеальное государство, в зависимости от точки зрения наблюдателя, тоталитарное, гениальное, забавное или эксцентричное, но имеющее мало или ничего общего с общественной реальностью той или любой иной эпохи – картинка из мира грёз. Буржуазно-консервативный экономист Йоахим Старбатти пишет: «Утопия» – это грёзы Томаса Мора об идеальном государстве. «Утопия» в буквальном переводе с греческого означает «Место, которого нет». Уже это название характеризует фиктивность, сказочность идеального государства»².

Современники Мора придерживались совершенно иной точки зрения. **Описание острова Утопии вовсе не считалось чисто фиктивным или безнадёжно нереалистичным. Напротив, близкий Томасу Мору круг интеллектуалов-гуманистов оценил аналитическое содержание книги.** Иероним ван Буслейден (меценат и гуманист. – *Прим. «Юнге Вельт»*) ценил Мора как практического мыслителя, рекомендовал утопическое устройство как полезное и достойное подражания. Эразм Роттердамский писал в письме к Ульриху фон Гуттену, что Мор «опубликовал «Утопию», чтобы выявить причины недостатков в обществе; при этом он, прежде всего, рассматривал условия Англии, которые отлично знал и понимал». А ещё через столетие, **во времена Английской революции, молодой Уильям Петти – экономист, учёный и философ, – высказал суждение, что «Утопия» Мора – отличная книга, которую легко реализовать на практике.**

Книги «Утопии»

Первая книга «Утопия», в рамках которой собственно и идёт речь об Утопии, описывает вымышленную встречу во время реальной поездки во Фландрию, которую автор совершил в качестве дипломата на службе у короля. Томас Мор знакомится (в романе. – *Прим. «Юнге Вельт»*) с путешественником Рафаэлем Гидлодеем. Основная часть текста передаёт спор, который вымышленный собеседник Мора ведёт в доме Джона Мортон – архиепископа Кентерберийского, позднее – лорда-канцлера.

В то время как оппонент Рафаэля бравирует массовыми казнями как испытанным средством против воровства, Гитлодей/Мор объясняет рост преступности увеличивающейся бедностью и социальным отрывом широких слоёв населения от своих корней. Рафаэль рассматривает социально-экономические процессы, приведшие к массовому обнищанию людей, которые ранее в феодальных структурах могли вести достойную безопасную жизнь. С одной стороны, представители должностных лиц и мелкопоместного дворянства в результате роспуска феодальной свиты лишились гарантированных средств к существованию, а с другой стороны, крестьяне в ходе вытеснения традиционного натурального хозяйства товарным производством, ориентированным на прибыль, потеряли землю и социальные средства выживания.

Массовое разведение овец, чья шерсть использовалась как сырьё для развивающейся текстильной промышленности, имело разрушительное воздействие. «Ваши овцы, обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно, во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастали от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, делают из храмов свинные стойла. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами».

Оба процесса, определённые как причины бедности, тесно связаны с вытесняющим воздействием форм производства, ориентированных на потребительскую стоимость, то есть расширения товарного хозяйства. Этот процесс, усиленный грубой модернизационной политикой Генриха VIII, привёл в XVI в. к взрывному росту нищеты. **Мор распознал разрушительную силу, которая должна была раскрутить отпущенную на свободу динамику экономического уклада, ориентированного на деньги и прибыль.** Устами Гитлодея автор резюмировал историче-

ский опыт: «Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде моё мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придётся считать правильным то, что всё лучшее достается самым дурным, или удачным то, что всё разделено очень немногим, да и те получают отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют».

Критику английского общества у Мора можно прочесть как вполне консервативную. Обвиняется преобладание денежной экономики и разрушение традиционных форм производства, ранее обеспечивавших массу населения достаточное снабжение и достойную жизнь. Наплевательскую жадность верхних классов автор делает ответственной за разрушение некогда функционирующего порядка. Тем не менее, **книга Мора не сводится к прославлению ушедших или уходящих феодальных структур. Как центральная фигура европейского гуманизма он не только острый критик зарождающегося капитализма, но одновременно и противник доставшихся в наследство условий, контрастирующих с античным временем как убыточный и трагический откат от уже некогда достигнутого высокого уровня философской мудрости, политического порядка и культуры.** Обращение к античности в контексте гуманистической литературы менее всего представляет собой грустные воспоминания о потерянном Золотом веке – античное время выступает как поучительный пример для лучшего будущего. Будущего, которое в представлении Мора избавится не только от господства паразитирующей феодальной аристократии, но и от только нарождающегося господства освобождённой товарно-денежной экономики.

В опубликованной в 1515 г. «второй» книге «Утопии» представлено описание того далёкого острова, на котором общественная жизнь организована гораздо разумнее, чем в тогдашней Европе. Тот факт, что Мор представил свои идеи в форме путевых заметок, не должен вводить в заблуждение: Утопия вовсе не расположена в Новом Свете.

При внимательном рассмотрении за «Местом, которого нет» скрывается реформированная Англия, а за его столицей Амауротом на реке Анидре – туманный город Лондон на реке Темзе. Общественные структуры Утопии

организованы достаточно демократично, какой-то благородной касте здесь места нет. Государственные функционеры избираются народом, женщины тоже имеют право быть избранными. Богатство распределяется поровну между всеми членами сообщества, господствует общая трудовая повинность, имеющая лишь несколько исключений. Царит обширная свобода в вопросах веры, даже к политеистическим идеям отношение терпимое, запрещен лишь атеизм.

Также во «второй книге» «Утопии» значительное место занимают экономические вопросы. **Изложение принципов функционирования экономической системы Утопии предшествует описанию политических, религиозных и философских условий и формирует их основу.** Качество данных моделей сильно недооценено.

В то время как все почитают Томаса Мора как политика, писателя, философа, государственного теоретика и богослова, постоянно включают в исторические книги как выдающуюся личность, его игнорируют как экономиста. В большинстве изложений истории экономических теорий его имя полностью отсутствует. Здесь с ним обошлись весьма несправедливо; **в книгах «Утопии» есть экономические идеи, выходящие далеко за пределы уровня знаний своего времени.**

Экономист

Мор последовательно разоблачает господствовавшее в XVI в. монетаристское или впоследствии меркантилистское представление, – преодолеть его удалось лишь во второй половине XVII в. классикам экономической мысли (Адам Смит, Давид Рикардо, Жан-Батист Сэй, Томас Мальтус, Джон Стюарт Милль. – *Прим. «Юнге Вельт»*) – о том, что богатство наций якобы заключается в массе драгоценного металла, накопленного их князьями или гражданами. Стремление к золоту и серебру, основной элемент экономической мысли его эпохи, предстаёт у Мора смехотворной глупостью. Утописты используют золото для изготовления ночных горшков, детских игрушек или цепей для рабов.

Богатство утопического общества состоит из конкретных полезных вещей: из одежды, продуктов питания, жилья и так далее. **Сутью и основным теоретическим достижением экономических концеп-**

ций Мора является систематическое рассмотрение полезных товаров как продуктов человеческого труда. Утопия – очень плодородная земля, но это не страна с молочными реками и кисельными берегами. Тут мы не среди мифических островов южных морей, где счастливым дикарям достаточно лишь протянуть руку, чтобы удовлетворить все свои потребности. Утопия – это литературно искажённая Англия; здесь, как и там, именно человеческий труд должен сначала отвоевать богатство у природы.

Когда ежегодный труд народа является источником, из которого этот народ изначально обеспечивается всеми необходимыми и приятными жизненными вещами, – и в этом вопросе точки зрения Томаса Мора и Адама Смита совпадают, – то часть населения, не занятая в производстве, должна содержаться его производительной частью.

Различение производительной и непроизводительной частей населения, как следствие, приводит к идее прибавочного продукта. Уже у Мора данное следствие хорошо прослеживается. В конце «второй» книги, в некоторой степени как резюме вышеизложенного, герой Мора Рафаэль заявляет: «В самом деле, возьмем какого-нибудь дворянина, золотых дел мастера, ростовщика или кого-нибудь другого подобного. Какая же это будет справедливость, если все эти люди совершенно ничего не делают, или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши, и проводят они ее в праздности или в бесполезных занятиях? Возьмем теперь, с другой стороны, поденщика, ломового извозчика, рабочего, земледельца. Они постоянно заняты усиленным трудом, какой едва могут выдержать животные; вместе с тем труд этот настолько необходим, что ни одно общество не просуществует без него и года, а жизнь этих людей настолько жалка, что по сравнению с ними положение скота представляется более предпочтительным».

Это несправедливое состояние преодолимо: «Но возьмем всех тех лиц, которые заняты теперь бесполезными ремеслами, и вдобавок всю эту изнывающую от безделья и праздности массу людей, каждый из которых потребляет столько продуктов, производимых трудами других, сколько нужно их для двух изготовителей этих продуктов, так вот, повторяю, если всю совокупность этих лиц поставить на работу, и притом полезную, то можно легко заметить, как немного времени нужно было бы для при-

готовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что требуют принципы пользы или удобства».

Объём работы

Даже утопическое общество нуждается в людях, освобождённых от материального производства, чтобы иметь возможность использовать своё время на другие вещи. Некоторым особенно талантливым мужчинам и женщинам разрешается полностью посвятить себя научным исследованиям – занятию, которое Мор, очевидно, не рассматривает как производительный труд. Государственные функционеры и священники набираются из этой группы. Эти люди являются полезными, но непроизводительными и должны содержаться другими людьми. Поэтому их количество следует поддерживать на минимально возможном уровне: «Там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от неё даётся едва пятистам лицам».

Для качественного определения труда как необходимого условия для производства полезных вещей вводится количественный аспект: объём работы или рабочее время. Учёт временного аспекта работы и её измерение в часах – систематически выдержанный мотив экономических пассажей «Утопии». «Если у утопийцев только шесть часов уходят на работу, то отсюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет; мало того, такое количество времени не только вполне достаточно для запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток».

И хоть по большей части утописты аскетами не являются: они ценят хорошую еду и качественные развлечения, – потребности их ограничены. Отсюда и объём работы, который необходимо затратить на удовлетворение этих потребностей. Цель деятельности государства – сокращение фактического рабочего времени до общественно необходимой величины: «Отсюда, так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем. Вследствие этого огромной массе населения

приходится иногда отправляться за город для починки дорог, если они избиты. Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования».

Свободное время на семью и культуру

Теперь мы подошли к пункту, по которому Мор резко расходится с более поздними авторами – классиками экономической мысли. Прежде чем обсуждать эту разницу, следует, тем не менее, отметить важные совпадения. В особом выделении труда как источника общественного богатства, в основополагающем различении производительных и непроизводительных слоёв населения и, соответственно, в развитии концепции «прибавочного продукта» как центрального элемента построения теории и относительно количественного выражения количества работы через время – существует в «Утопии» достойное внимания предвосхищение (и, возможно, источники) классической мысли.

Постановка цели у Мора, напротив, фундаментально отличается от классиков экономической мысли. Материальный уровень жизни утопистов высок, просто сказочен по сравнению с работающим населением Англии того времени, однако он остаётся неизменным. Каждый член общества получает количество товаров, разумно необходимое ему для хорошей жизни. Доля непроизводительных членов общества, насколько это возможно, ограничена, работа распределяется максимально равномерно, чтобы уменьшить ежедневное рабочее время до уровня, необходимого для обеспечения данного – фиксированного – стандарта. Это даёт свободное время на поддержание семейной жизни, образования и культуры.

Буржуазные классики, особенно Уильям Петти, хотели также максимально ограничить долю непроизводительных членов общества. Но в резком контрасте с Мором Петти требует увеличения индивидуального рабочего времени. Это представлялось ему, наряду с последовательным

содействием научно-техническому прогрессу, средством для постоянного и в принципе неограниченного увеличения национального богатства.

Точку зрения Маркса можно рассматривать как синтез обоих подходов: развитие производительных сил остаётся (возможно, лучше: становится) в посткапиталистических обществах средством для неограниченного увеличения материального обеспечения трудящихся. Материальное благосостояние, освобождённое от давления на потребителя и иррациональности капиталистического генерирования спроса, является основой свободного развития человека. В то же время развитие производительных сил и рациональное разделение труда становятся средством к уменьшению необходимого рабочего времени. **Ограничение царства необходимости, расширение царства свободы – вот центральный мотив работ Мора и Маркса.**

Примечания:

- ¹ Полный перевод названия, а также все последующие цитаты из «Утопии» Т. Мора приводятся из перевода, выполненного А.И. Малеиным и Ф.А. Петровским. – прим. переводчика.
- ² Йоахим Старбатти. «Утопия» Томаса Мора // ОРДО («Ежегодник для упорядочения экономики и общества» – научное ежегодное издание, публикующее рецензируемые статьи в области экономических и социальных наук. – Прим. переводчика), том 27 (1976 г.), с. 16.

*Оригинал статьи опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Патрик Кёбеле, Председатель Коммунистической партии Германии РАЗБИВШИСЬ О ВОЙНУ

На рубеже 1915–1916 гг. никто не смел надеяться на скорый конец империалистической войны, линии фронта как будто застыли. «Шестинедельный марш на Париж превратился в мировую драму. Массовое убийство стало монотонной целью, а окончательное

решение всё ещё не приблизилось ни на шаг. Капиталистический порядок сам себя загнал в ловушку и не может остановить дух разрушения, который он же сам и вызвал к жизни»¹.

Хоть это и было написано ещё в апреле 1915 г., но и спустя девять месяцев ещё вполне соответствовало действительности. «Внешние обстоятельства» – как значилось во введении, добавленном 2 января 1916 г. в документ, впоследствии ставший известным как «Брошюра Юниуса», – «помешали тогда его публикации». На момент составления документа автор, ранее взявшая псевдоним «Юниус», сидела в берлинской тюрьме. Уголовный суд Франкфурта в феврале 1914 г. за «призывы к неповиновению законам и распоряжениям властей» приговорил её к тюремному заключению на срок 14 месяцев, которые ей полагалось отбывать с февраля 1915 г. «Враг государства» в конце сентября 1913 г. выступила на демонстрации, проходившей во Франкфурте-на-Майне, с призывом к сотням тысяч слушателей отказаться от военной службы и выполнения приказов: «Если от нас потребуют поднять оружие против наших французских или других иностранных братьев, мы заявим: «Нет, мы этого не сделаем!»²

Призыв Розы Люксембург стих и остался неуслышанным. Менее чем через год рабочие по приказу генералов в интересах крупной буржуазии Рейна и Рура подняли оружие против своих иностранных братьев, и должно будет пройти четыре года взаимной резни с миллионами убитых, пока в ноябре 1918 г., по меньшей мере, некоторые не обратили это оружие против разжигателей и бенефициаров войны.

Тяжёлый разрыв

Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), одобрив военные кредиты в рейхстаге в августе 1914 г. и декабре 1915 г., окончательно распрощалась со стратегией революционного переворота и стала «врачом у постели больного – капитализма». Голосование партии было связано с так называемой «политикой классового мира», принципом которой был отказ от классовой борьбы снизу, пока «отечество в опасности».

Группа «Интернационал» осталась верна революционной стратегии и в ходе противоречивого процесса отделилась от СДПГ. Основные поло-

жения группа выработала на своей конференции 1 января 1916 г. Ведущие функционеры левых рано утром тайно встретились в адвокатском бюро Карла Либкнехта на Шоссеештрассе в Берлине. Там они обсудили «Тезисы о задачах международной социал-демократии», составленные Розой Люксембург на базе её «Брошюры Юниуса».

С одной стороны, участники собрания дали следующую оценку: «Одобрением военных кредитов и провозглашением классового мира официальные лидеры социалистических партий Германии, Франции и Англии укрепили империализм. Данная тактика официальных партийных органов воюющих стран и, в первую очередь, Германии, в прошлом ведущей стране в рамках Интернационала, означает предательство самых элементарных основ международного социализма». С другой стороны, ещё отсутствовала чёткая стратегия необходимого разрыва с СДПГ. С одной стороны, группа понимала, что военная политика социалистов в Германии, Франции и Англии разрушила Второй, рабочий Интернационал. С другой стороны, их анализ был безвредным, скорее даже ошибочным: социал-демократия ведущих стран своей политикой классового мира дала «врагу, правящим классам, отсрочку». Она не только дала отсрочку, но и поменяла сторону баррикады. Революционная партия превратилась в организацию, которая объективно уже не выполняла функцию вождя в свержении капитализма, а интегрировала рабочий класс в систему капитализма.

Разумеется, такой процесс был изнурительным. Партийцы, желавшие свергнуть капитализм, были покинуты партией, которая всегда была для них инструментом такой революции. За много лет они изучили, насколько важна организация, насколько важна её внутренняя дисциплина при классовой борьбе. Для обеспечения новой концепции на деле потребовался тщательный анализ неудачи социал-демократии.

Потеря классовой позиции

Роза Люксембург в своём труде «Кризис социал-демократии», широко известном как «Брошюра Юниуса», описывает наиболее важную часть анализа для понимания перехода от революционной социал-демократии к партии реформистов. Написанное ею сохраняет своё значение и поныне. Автор объясняет, что разжигатели империалистической войны никогда не

обосновывают её как таковую. Показано, к чему приводит ситуация, когда социалисты начинают пользоваться понятием «мы», а уже не ведут речь о классах, то есть когда фундаментальная составляющая Исторического Материализма более не действительна.

Роза Люксембург цитирует обоснование социал-демократической фракцией в рейхстаге своего согласия на военные кредиты: «В настоящий момент мы стоим перед фактом войны. Нам угрожают ужасы вражеской оккупации. Мы должны сейчас решать вопрос – не за или против войны, но вопрос о средствах, необходимых для защиты страны. В случае победы русского деспотизма многое, если не всё, ставится на карту для нашего народа. Мы были правы, постоянно повторяя: мы не оставим в момент опасности под ударами нашу Родину, мы чувствуем себя вместе с тем в согласии с Интернационалом, который всегда признавал за народами право на самостоятельность и самозащиту, и также единодушно с Интернационалом мы осуждаем завоевательную войну. Исходя из этих оснований, мы вотировали требуемые военные кредиты».³

Люксембург обнаружила, что тут была покинута классовая позиция. Это обернулось, пишет она, «глубочайшим падением, громадной катастрофой», и «нигде (как в Германии. – *Прим. Патрика Кёбеле*) не (отдана) организация пролетариата так всецело на службу империализма».⁴ Дело дошло до международной катастрофы, катастрофы Второго Интернационала, потому что «немецкая социал-демократия (считалась) истинной носительницей марксистского социализма».⁵

Поскольку руководство СДПГ больше не рассматривало историю как череду классовой борьбы, в фокус анализа попадает и вторая причина: изменилось конкурентное соотношение между капиталами. Монополия стала структуроопределяющим элементом получения прибыли, повысилась вовлечённость государства в интересы монополии. Оформился империализм как новая стадия капитализма. Ведущие монополии и их правительства вели борьбу за колонии, сферы влияния, рынки – таким было закулисье бушевавшей с 1914 г. войны. Вне лжи о защите, вне сфабрикованных поводов для войны эта военная кампания показала: «Пристыженное, обесчещенное, по колена в крови, запачканное грязью, стоит перед нами буржуазное общество. Оно показывает своё подлинное лицо, не в скромном и привлекательном виде культурности, философии, этики,

мира и государственного права, но в образе хищного животного, – в шабаше анархии, в гибели культуры и человечества. Посреди этого шабаша ведьм произошла мировая катастрофа, – капитуляция интернациональной социал-демократии».⁶

Приход в парламентаризм

Третья причина, которую Люксембург анализирует в своей работе, – приход социал-демократии в буржуазный парламентаризм. Она констатирует, что правильная тактика использования парламента и выборов для распространения социалистических позиций, для «агитации и выступлений в духе пролетарской классовой борьбы» свелась к «их чисто буржуазному содержанию: к собиранию мандатов».⁷ Значительная часть социал-демократов пришла в парламент и отказалась от своей относительной автономии как организации рабочего класса против класса капиталистов. Это начало конца партии как организатора рабочего класса.

Поддержка военных действий определила исход всего остального, став «точкой невозврата». По ту сторону от неё теперь благословлялось любое безобразие – любыми елейными словами. Это большой урок, который нужно извлечь из ситуации с одобрением военных кредитов. С этого дня классовому врагу уже не противостоял противник в лице СДПГ. Она стала его деловым партнёром, заботившимся о поддержании бизнеса в рабочем режиме. Роза Люксембург писала в «Брошюре Юниуса»: «Таким образом, социал-демократия объявила классовую борьбу несуществующей до будущего заключения мира. С первым громом крупновских пушек в Бельгии, Германия превратилась в волшебную страну классовой солидарности и общественной гармонии».⁸ Это хорошо написано и правильно сказано, однако это ещё и ожидание того, что по окончании войны всё снова вернётся на привычные рельсы.

Ленин, напротив, очень рано, в декабре 1914 г., понял, что пути назад нет. «Раскол немецкой социал-демократии кажется мыслью, которая слишком пугает многих своей «необычайностью». Но объективное положение ручается за то, что либо произойдёт это необычайное, либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что было некогда немецкой социал-демократией»⁹.

Таким образом, Роза Люксембург распознала основные причины перехода социал-демократической партии к партии военной. Во-первых, задача классового анализа, особенно в вопросе о нации, и, тем самым, открытие двери для националистических позиций; солидарность с капиталом, называемая «классовым миром», и потому переход от классового анализа к социальному партнёрству. Во-вторых, неспособность обнаружить переход капитализма к своей империалистической стадии, а значит, и превращение Германии в империалистическую страну. В-третьих, приход в буржуазный парламентаризм. В-четвёртых, задача автономии в качестве организации рабочего класса.

Марксистский анализ ситуации в мире

Необходимая борьба за широту антивоенного движения не должна, однако, побуждать коммунистов к тому, чтобы, находясь в коалициях, перестать отстаивать собственную позицию, проникнутую духом классовой борьбы. Такое поведение постоянно ослабляло революционеров, как это продемонстрировали социал-демократы в канун Первой мировой войны. Это также привело к идеологическому саморазоружению в коммунистической партии. Например, в 70-е гг. так называемый еврокоммунизм в некоторых рабочих партиях Европы и в конце 80-х гг. ошибочный тезис о способности империализма к миру. Сюда относится и появление на тот момент реформистского «течения обновленцев» в Коммунистической партии Германии.

Однако именно упор на марксистском понимании ситуации в мире приведёт к успеху. Коммунисты должны стремиться к широкому и активному движению за мир, которое вынесет эту силу на улицы. Предпосылкой тому со стороны Коммунистической партии должен стать тщательный анализ империализма и классовых отношений, который впоследствии можно обсуждать с другими силами. За счёт этого осложнится также прохождение в парламент. Опираясь на тезис Альвару Куньяла, великого португальского коммуниста, можно сказать, что это означает борьбу за сохранение и расширение организаций, как правило, независимых от интересов, идеологии, давления и угроз сил капитала. Эта независимость про-

является в своих собственных действиях, собственных целях и собственной идеологии по отношению к капиталу и поддерживающему его государству. Коммунистическая партия Германии на 21-м партийном съезде в ноябре прошлого года поставила перед собой такие задачи.

Примечания:

- ¹ *Кризис социал-демократии (Брошюра Юниуса) // Роза Люксембург. Собрание сочинений, том 4, с. 51 (здесь и далее номера страниц немецких изданий, согласно указанным в источнике. – Прим. переводчика)*
- ² *Цитируется по: Аннелиес Лашица. В упоении жизни, вопреки всему. Роза Люксембург. Биография. Берлин, 1996 г., с. 437.*
- ³ *Роза Люксембург: Кризис социал-демократии, с. 63.*
- ⁴ *Там же, с. 55.*
- ⁵ *Там же, с. 54.*
- ⁶ *Там же, с. 53.*
- ⁷ *Там же, с. 122.*
- ⁸ *Там же, с. 123.*
- ⁹ *Ленин. Мёртвый шовинизм и живой социализм // Собрание сочинений, том 21, с. 89 ф.*

*Оригинал опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Альфред Нолль, журналист

ИДЕОЛОГ ВОЙНЫ И ФЮРЕРСТВА

В 2014 г. были опубликованы первые «Чёрные тетради» Мартина Хайдеггера (1889–1976 гг.) в полном издании его трудов. Это дневники фрайбургского философа за период с 1931 г. по 1975 г. Альфред Й. Нолль, венский адвокат и профессор публично-го права и правовой доктрины, проанализировав изданные ранее дневники и соответствующие труды Хайдеггера, опубликовал свои размышления в кёльнском издательстве PapyRossa под на-

званием «Правый мастер. Хайдеггер и «Чёрные тетради». Его общий вывод: «Публикация данных заметок не только бесспорно доказывает то, что уже и так было ясно: Мартин Хайдеггер был открытым, активным национал-социалистом. Теперь доказано и в пугающем виде представлено ещё и то, что Хайдеггер всегда являлся антисемитом и абсолютным фашистом. Конечно, это можно было понять и раньше. Однако теперь это уже неоспоримая достоверность. Потому обсуждение работы Хайдеггера является важной вехой».

Из тщательной работы Нолля, посвящённой языку Хайдеггера и его утверждению экзистенцинала человека как «Бытия к смерти», журнал «Юнге Вельт» отобрал главу с заключительным политическим изложением позиций «германского мастера» с тем, чтобы опубликовать оттуда отрывок. Немного отредактировав статью, мы, тем не менее, оставили без изменения использование нацистского жаргона «национал-социализм», однако хотели бы отметить следующее: то, что царило в Германии в период с 1939 г. по 1945 г., было именно фашизмом, который не был ни национальным, ни социалистическим. («Юнге Вельт»)

Невероятно удивительно, что общественный «испуг» по поводу «Чёрных тетрадей» Хайдеггера сплошь ограничивается лишь его антисемитскими записями. Райнер Мартен (сформировавший узкий круга учеников Хайдеггера. – Прим. «Юнге Вельт») был абсолютно прав, написав: «Мне жаль, что в «Чёрных тетрадях» сейчас все выискивают «еврейские» пассажи, которые, правда, все вместе невыразимы. Их следует читать точнее. Проблема именно в философии. Этот экзистенциальный солипсизм, это радикальное разделение и это мистифицированное «Бытие вне Бога» вплоть до последнего Бога, который может быть только немецким! Это возможно только тогда, когда другие не играют никакой роли, когда жизнь не имеет значения».¹ Но ещё более удивительным, – поскольку до сих пор это не было известно в такой степени и с такой интенсивностью, – мне представляется то, в какой степени Хайдеггер в «Чёрных тетрадях» предстаёт идеологом войны и фюрерства, а также апологетом нацистского режима.

До 1945 г. Хайдеггер последовательно и полноценно поддерживает фюрерское государство и диктатуру, варварство и вступление в войну, ма-

нипуляции и немецкий национализм: безжалостно определяет Хайдеггер национал-социалистическую систему террора, прежде всего, как «необходимую» и неотъемлемую; поэтому, по его словам, совершенно неуместно критиковать её или находиться к ней в «кратковременной» оппозиции» (GA. 94, 472)². Если «цепляться к недостаткам», т.е. выявлять террор и разрушения, это лишь затуманит взор. «Нацистский режим по своей сути является историческим, поэтому его, безусловно, нужно защищать. Неудивительно, что доходит до злоупотреблений духовного и физического характера, что господствует насилие, и не нужно на этом задерживаться. Не следует удивляться тому, что «преобразование человека» идёт так медленно» (GA 95, 116), ведь в национал-социалистическом движении возникает о нечто «историческое».

Вырисовывающееся «решение в пользу сущего или бытия» следует читать как «историческое определение народа» (GA 95, 117), и это безоговорочно поддерживается Хайдеггером. «Националистическое мировоззрение» в рамках данного «исторического» движения имеет свою «собственную необходимость», свой «тотальный» характер, оно легко и напрямую может сделать заметным и очевидным – а потому оно, по мнению философа, полностью оправданно.

Хвала «фюрерству»

Постоянно высказываемое утверждение, что Хайдеггер не позднее 1934 г. дистанцировался от национал-социализма, является неверным. Хайдеггер дистанцировался от «манеры» НСДАП, отверг её некоторые «вульгарные» черты, не совместимые с его традиционным обликом образованного буржуазного мыслителя и распознанные им (как он ошибочно полагал) как выражения господствующих «махинаций», – в историческом оправдании НСДАП у Хайдеггера сомнений не возникало.

Хайдеггер немедленно выступил за «развязывание борьбы». Он полагался на то, что уже за время Первой мировой войны «накопился фронтовой дух» – и что сейчас необходимо упорядоченно этот «фронтовой дух» использовать. Так как это достигается не без труда, необходимо пропагандистское воздействие на народ, манипуляции народом. Сейчас, после укрепления национал-социалистической власти, много уже не

потребуется, в этом отношении и сама тема уже не является такой значительной. Хайдеггер, однако, не забывает добавить, что явную манипуляцию массами нельзя подвергнуть сомнению какой-либо «внесённой дополнительно» моралью.

Хайдеггер накликал Вторую мировую войну. Он оправдывает её мнимой необходимостью «осознания и поиска начального «случая» через бытие». Причём он дословно заявляет, что война не является чем-то ужасным – гораздо хуже «простое стремление к успокоению в примирении». Состояние мира всё равно является только периодом «одной лишь терпимости для спокойного заключения сделок и непрерывности жажды к признанию». А уже прошедшая мировая война была ещё «слишком малой необходимостью». Но новая мировая война «могла бы стать совершенным прорывом бытия», который, наконец, «позволит прошлому окончиться в своей пустоте».

«Фюрерство» Хайдеггер ценит высоко, поскольку, по его мнению, только в фюрере массы приходят к себе. В «Чёрных тетрадах» в многочисленных словесных выражениях находим мыслительную привязку Хайдеггера к культу фюрера. Однозначности, с которой Хайдеггер выступал в 1933–34 гг. перед общественностью, в личных записях не найти.

В феврале 1934 г., то есть незадолго до отставки ректора, он сделал заявление перед фрайбургским студенческим корпусом: «Любая наука является политической; политической в том смысле, что знание в любом вопросе, в любом ответе основано в народе. Только тогда может возникнуть истинная воля народа как совместная выдержка, крепко и напрямую сросшаяся с волей государства. Это тот смысл, что заключён в словах фюрера: фюрерство для народа и народ для фюрерства».

Александр Шван (консервативный политолог из Берлина. – *Прим. «Юнге Вельт»*) проследил связи уже в конце 1980-х: «Наука должна включиться в философию, а с ней в новое политическое движение, и подчиниться им. Только с помощью подчеркнуто «фюрерской», авторитарной, диктаторской политики национал-социалистов Хайдеггер мог добиться того, чтобы наука должна была подчиняться ещё и приказам философствования – так он, полный иллюзий и самонадеянности, полагал.

И только когда наука сформируется по политическому «фюрерскому» принципу как «боевое сотрудничество учителей и учеников» и структу-

рируется на «ведущих» и «последователей», из командования философа может что-то получиться. Здесь связаны друг с другом личные, философские и политические интересы».²

Социальное как отчуждённое

Хотя термин «раса» и его значение, по мнению Хайдеггера, были определены вульгарным национал-социалистическим движением неверно, сам термин у него сомнений не вызывал. Поэтому, считает он, и не следует выдвигать против него никаких «повседневных возражений», потому что из этого движения (т.е. НСДАП) «думающий (именно так указано!) и борющийся за сущность немецкого никогда не может мыслить достаточно «большим масштабом». «Немецкость» оправдывает у Хайдеггера всё. Поэтому «опоры насилия» никогда не должны обесцениваться «морально». И только диктатор обладает способностью «не поддаться искушению и быть вытолкнутым из колеи». Следовательно, его необходимо «одобрять вплоть до всех последствий сущего». При том что «казнь» не является ничем таким, чем можно было бы «романтически» возмутиться – в конце концов, речь идёт об «исключительной борьбе за существование». Хайдеггер защищает Гитлера до последнего и даже сверх того.

Его «критика» вульгарного национал-социализма нигде не направлена против именно национал-социалистического содержания этого «движения», содержание сплошь остаётся в рамках необщественной культурной критики, как мы уже знаем из «Бытия и времени» (ранняя основная работа Хайдеггера. – *Прим. «Юнге Вельт»*): бытие-в-мире обозначено как бытие в «людях» (безличное) и представляет собой основную форму «распада» существования.

Социальное бытие человека, следовательно, является также и отчуждением. Социальное есть отчуждённое. Данная концепция роли социальной жизни человека выражается Хайдеггером неоднократно. Он говорит: «Это бытие-с-другими полностью растворяет своё присутствие всякий раз в способе бытия «других», а именно так, что другие в их различительности и выраженности ещё больше исчезают. В этой незаметности и неустановимости люди развертывают свою собственную диктатуру.

Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят; но мы и отшатываемся от «толпы», как люди отшатываются; мы находим «возмутительным», что люди находят возмутительным».

Это лишь суррогаты коллективности, которые нашёл здесь Хайдеггер. Для него общество само по себе – лишь взаимная имитация от индивидуума к индивидууму, господство «приличия», в котором теряется индивидуальность. Он видит в обществе лишь господство стандартов – оно встречается ему даже и тогда, когда он констатирует господство «людей» в национал-социалистическом движении и посредством его. Неверно утверждение, что отношение Хайдеггера к нацизму осталось «амбивалентным». Поскольку он как раз не «находился в философском противоречии к тоталитарной идеологии»³, а находится в философском авангарде нацистского режима, у него было только несколько культурно-критических предубеждений против того, как повседневно осуществлялась власть национал-социалистами.

После 1945 г.: «Германия – концлагерь»

Чтение «Чёрных тетрадей» доказывает, по существу, точность оценки, которую дал рано ушедший из жизни Пауль Хюнерфельд (литературный критик еженедельника «Die Zeit». – Прим. «Юнге Вельт») уже в начале 1960-х гг.: «Кто сегодня исследует внутреннее развитие Хайдеггера; кто анализирует разные его чувства и затаённые обиды, пронизывающие его философию, несмотря на кажущуюся «объективность»; кто пытается осветить глубокие и тёмные основы его жизни, – тот не может воспринять уклон фрайбургского мыслителя в сторону немецкого фашизма как обычную ошибку.

Этот уклон был скорее логичным и необходимым. **Общие корни немецкого фашизма и мышления Хайдеггера слишком очевидны для каждого, кто может видеть. Это был тот же самый иррационализм, та же опасная романтика, смешанная с национализмом и нетерпимостью к инакомыслящим. В национал-социалистах заблудшая Германия обнаружила своё самое бессовестное массовое движение, в Хайдеггере – своего самого нежного гения.** В действительности разница между ними огромна – это разница между

массовой истерией и творческим индивидуализмом. И, тем не менее, это разница только уровня, но не типа».⁴

После 1945 г. Хайдеггер оправдывает нацистский режим, ставит под сомнения преступления национал-социалистов и решительно продолжает придерживаться взглядов «духовного национал-социализма».

По его мнению, союзники и международная общественность были совершенно не в состоянии понять, что натворили. Но и немцы не могли понять тоже: их сильно поразил «нигилизм», по сравнению с которым блекнет «масштаб палачей и концентрационных лагерей». Победители и немцы ничему не научились. Отмеченные в том числе и Хайдеггером «мерзости национал-социализма» были, как он считал, сравнительно незначительными, и когда-нибудь, по Хайдеггеру, несмотря на поражение, может случиться такое, что нацистский период будет «рассматриваться как воля к воле в рамках мирового процесса».

Тяжёлая и не всегда абсолютно решительная попытка восстановления демократических отношений в Германии после 1945 г. была осуждена Хайдеггером как ошибочная в той же мере, «что и дикие стремления национализма». Как он полагал, теперь, сразу же после 1945 г., «немецкий народ и страна стали одним концлагерем» – каких, правда, «мир» ещё никогда «не видел». «Сейчас ещё хуже, чем во времена «одичания национал-социализма». «Весь мир против Германии и немцев, мир полон желания уничтожить, – и всё же в затаённом есть больше «стойкости» и «героизма», чем могут предположить все демократические вопли». Он считал, люди ещё узнают, что было бы правильнее позволить нацистам завершить их «тотальную организацию», чем лишь запоздало инсценировать мировое презрение к «фашизму» и пропустить исторический момент».

Как постфашист Хайдеггер проповедовал квиетизм, покой, воздержание духа от политических действий: «Всякий род такой полемики заранее упускает из виду характер мышления. Роль противника – это не роль мышления. Мышление не даёт никаких прямых сил для действия». Таким образом, Хайдеггер после Гитлера был иным, чем во времена Гитлера. Правящие элиты после 1945 г. были вынуждены предпринять тактическое отступление, чтобы укрепить свои пошатнувшиеся позиции и получить возможность для подготовки новых путаниц. Нацистская экспансия провалилась.

Аристократическое мышление

О пути мышления Хайдеггер позже сказал: «Но, может быть, вообще неуместно делать его видимым для публики». Мышление Хайдеггера сохранялось эзотерическим только для тех, кто принадлежал к посвящённым его «тайного общества». Он одобрительно отмечал, что «Гераклит о многих говорит как о собаках и ослах». Необходимо было применять варварство. Поэтому ему потребовался аристократический культ фюрера, денонсация «здорового смысла», унижение человека как человека для выделения немногих как единственно назначенных «Хранителями бытия», потому что «самоотдача мышлению сама по себе бывает редко и сохраняется немногими».

Хайдеггер любил утверждать, что мышление находится ещё не на особенно продвинутом уровне. Первоначальные единственно правильные пути были растеряны на протяжении веков: «Мы ещё не в том пространстве, которое необходимо для того, чтобы размышлять или хотя бы говорить о свободе, и это продолжится до тех пор, пока мы закрываем глаза даже на уничтожение таковой».

По-видимому, в любое историческое время можно размышлять о свободе, размышления о свободе здесь подвергаются мыслительно-историческим ограничениям времени. Свобода делается зависимой от определённой «зрелости» человека и должна быть исключена до тех пор, пока не будет достигнут этот этап зрелости. Аристократическая черта такого мышления очевидна. Поскольку мышление, не размышляющее о свободе, никогда не достигнет зрелости, чтобы освободиться, то есть протолкнуть свою свободу через сопротивления и барьеры плохой реальности. Хайдеггер в таких заявлениях позиционирует себя как выдающийся авторитетный мыслитель, поскольку в данном мышлении он сделал зрелость, которую нужно достичь, предварительным условием для самого мышления. «Хайдеггер не знает, что такое свобода», – писал Карл Ясперс (швейцарский философ-экзистенциалист, в этом отношении происходящий из того же направления мысли. – *Прим. «Юнге Вельт»*)⁵, – что вовсе не означает, что Ясперс это знал (до 1938 г.).

Историческая позиция Хайдеггера приводит его к идеологии войны, его мышление оправдывает национал-социализм,

принижает его серьёзность и приводит самого Хайдеггера после 1945 г. к отвратительному реваншизму. Философ и ученик Ясперса Манфред Тиль пишет следующее: «Хайдеггер был нацистом в прототипном виде, т.е. именно в наиболее одиозной собственной последовательности национал-социализма. Без преувеличения можно сказать: Германия и вся Европа были разрушены «духом» Хайдеггера через Вторую мировую войну. На основе точного анализа можно без труда заявить: лишь тот, кто понял Хайдеггера, осознаёт несчастье, которое означал и принёс национал-социализм, и тот, кто понял Хайдеггера, более не удивляется этому несчастью»⁶. – А чтение «Чёрных тетрадей» вновь доказывает, что (по словам ученика Хайдеггера и консервативного эксперта по Гегелю Ханса-Георга Гадамера. – Прим. «Юнге Вельт») Хайдеггер и после войны оставался ещё тем нацистом.⁷

Примечания:

Немецкое слово «фюрер» (Führer) образовано от глагола führen – вести, руководить. Учитывая это, будет проще понять смысл самого понятия «фюрер» – т.е. «ведущий, направляющий, управляющий», а также многочисленных образований от него: «ведомый», «ведомость», «управление» и т.п. В данном переводе использованы термины «фюрер», «фюрерство», «фюрерский», поскольку, как представляется, данные понятия больше соответствуют контексту реалий нацистской Германии. (Прим. переводчика)

¹ Райнер Мартен (2015 г.): Хайдеггер думает против жизни, опубликовано в: «Hohe Luft», номер 3, стр. 75 и след. – Солипсизм – принцип, согласно которому каждый индивид делает самого себя критерием («Юнге Вельт»).

² Александр Шван (1989 г.): Политическая философия в мышлении Хайдеггера. Опладен (издание 2-е расширенное, 1-е издание – 1965 г.)

³ Там же, стр. 214.

⁴ Пауль Хюнерфельд (1961 г.): По делу Хайдеггера. Об одном из немецких гениев. Мюнхен (1-е издание – 1959 г.).

⁵ Карл Ясперс (2013 г.): Заметки к Хайдеггеру, изд. Х. Санером. Мюнхен.

⁶ Манфред Тиль (1977 г.): Мартин Хайдеггер. Его труды – композиция и разбор. Гейдельберг.

- ⁷ Ханс-Георг Гадамер (1992 г.): *Об образовании, поэзии и истории. Прикладная герменевтика*, изд. Д. Мисгельдом / Дж. Николсоном. Олбани.

*Оригинал статьи опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Рихард Шильд, журналист

АНТИФАШИСТСКАЯ ПАНИХИДА

Мало кто так соответствовал порой наивному требованию «политического искусства», как Петер Вайс. Для начала здесь следует упомянуть «Эстетику сопротивления», в которой на протяжении трёх томов герой Вайса от первого лица переживает сопротивление фашизму и пролетарское овладение искусством как неразделимо связанные друг с другом вещи. Однако и в остальном своём творчестве Вайс показал великий пример связи политической и эстетической практики.

Не позднее, чем с момента появления метадрамы «Марат/Сад», в которой Маркиз де Сад как прототип художественного субъекта, внешне обречённого на оторванность от жизни, на сцене убивает революционера Жан-Поля Марата, Вайс шёл по этому пути с внушительным постоянством. Так, уже эта поучительная пьеса о неизбежности революции является если не лучшей, то, по крайней мере, самой виртуозной драмой второй половины XX века, которая объединяет авангардистские стратегии от Бертольта Брехта до Антонена Арто и знакомит зрителей с целой палитрой театральных средств. За этим мировым успехом 1964 г. последовал ряд документальных пьес, в которых Вайс обращался непосредственно к актуальным политическим темам. Началом этому послужило «Дознание», в котором Вайс, вынужденный в молодости из-за еврейского происхождения своего отца эмигрировать в Швецию, описывает первый Франкфуртский судебный процесс по делу Освенцима.

По случаю 50-летия со дня мировой премьеры «Дознания» вспомним об этой замечательной пьесе.

На Западе приняли отрицательно

Мировая премьера «Дознания», в том числе благодаря тогдашней популярности Петера Вайса, была крупным событием в лучшем смысле этого слова.

19 октября 1965 г. пьеса была поставлена или представлена в сценических чтениях в пятнадцати театрах (десять – в ГДР, четыре – в ФРГ, один – в Лондоне). Круг участников этой премьеры также довольно представительен: режиссёром центральной постановки театра «Фрайе Фольксбюне» в Западном Берлине был Эрвин Пискатор, за постановку в Штутгарте, прошедшую с опозданием на несколько дней, отвечал ученик Брехта Петер Палич. Академия искусств Восточного Берлина, с другой стороны, организовала в месте заседания Народной палаты ГДР чтение, в котором принимали участие бывший заключённый Бухенвальда Бруно Апиц, а также Эрнст Буш и Хелена Вайгель.

Необычайное внимание, которое привлекло к себе «Дознание» в обоих немецких государствах, до сих пор является беспрецедентным для пьесы, написанной на немецком языке. Основная причина этого, конечно, гнетущая тематика: уже сам процесс по делу Освенцима в 1963–1965 гг., описанный в пьесе, возымел огромное действие в ФРГ, где до этого едва ли предпринимались попытки уголовно-правового преследования злодеяний нацистов. Так, судебный процесс, растянувшийся на 183 дня заседаний, впервые в деталях раскрыл общественности глаза на массовое «фабричное» убийство миллионов евреев в крупнейшем из немецких концлагерей.

Однако о том, чтобы в ФРГ фашизм пусть и с опозданием, но, в конечном счете, был успешно ликвидирован, не могло быть и речи. Непризнание своей неправоты обнаружилось не только у 22 подсудимых, отрицавших свою виновность, а затем, когда сходились свидетельские показания, апеллировавших к «вынужденному исполнению приказов».

Дискуссия о данном процессе также не в последнюю очередь была отмечена ханжеским вопросом, а имеет ли вообще смысл проводить конкретный юридический процесс над отдельными нацистами, зачастую занимавшими в ФРГ высокие посты. Поэтому неудивительно, что опубли-

кованное уже до премьеры «Дознание», которое издательство «Зуркамп» (нем. Suhrkamp-Verlag) «в виду значимости темы» предоставило для постановки всем немецкоязычным театрам, было воспринято в ФРГ без какого-либо энтузиазма. Притом не столько сильные стороны пьесы (не говоря уже о постановках) стали основным предметом дискуссии, сколько с обидой воспринималась определённая антифашистская позиция Вайса, так прославившегося ранее благодаря пьесе «Марат/Сад». Ведь 48-летний автор, до того ссылавшийся на «третью точку зрения» нерешительных интеллектуалов, за месяц до премьеры безоговорочно объявил себя приверженцем идеалов социализма. За эти «Десять рабочих пунктов автора в разделённом мире», которые Вайс запустил в оборот в газете «Нойес Дойчланд» (нем. Neues Deutschland) и журнале «Конкрет» (нем. Konkret), он ожидаемо был жёстко раскритикован антикоммунистическими «пропицателями» ФРГ.

В то же время автор, живущий в Стокгольме, с той поры вовсе не пел дифирамбы СЕПП (Социалистической единой партии Германии) – так, например, ещё в том же году он раскритиковал запрет на публикации и выступления озорника Вольфа Бирмана. В любом случае, эти «Десять рабочих пунктов» представляют собой не какую-то славную веху в марксистской теории, а, скорее, заявление о намерениях, практическая реализация которого гораздо ценнее в форме и содержании искусства Вайса.

Ни натурализма, ни формализма

Насколько мало, вопреки ошибочному утверждению критика Йохима Кайзера, Вайс вводил в повествование необработанные документы процесса по делу Освенцима, настолько же мало некоторые параллели с «Божественной комедией» Данте ведут к другой крайности – наивному формализму, который бы проигнорировал несомненную проблематику искусства об Освенциме.

В значительно большей степени Вайс изображает примеры нечеловеческой жестокости нацистов при помощи, казалось бы, хорошо знакомого средства театра, когда тот желает освежить события, изображение которых на сцене было бы недостоверным – а в данном случае совершенно непристойным. Ведь поскольку ни масштаб преступлений, ни масштаб боли

Освенцима не поддаётся никакой имитации, в «Дознании» преобладает форма повествования. Конечно, можно было бы сказать, что Вайс таким образом только доводит до сценического пространства ту особенность процесса по делу Освенцима, в ходе которого одинаково скрупулёзно рассказывалось о происходящем в лагере (нередко с чрезмерным психическим давлением на выживших, дающих показания). Невзирая на это, верно то, что показания свидетелей в пьесе создают эффект большей напряжённости, чем это могла бы сделать драматическая имитация лагеря.

Это особенно отчётливо проявляется в частом сравнении исследователями «Дознания» с драмой Рольфа Хоххута «Заместитель», которая также считается документальной работой. И это несмотря на то, что в ней – в отличие от пьесы Вайса – почти не просматривается принцип абстракции при преобразовании документальных фактов в рамки искусства. Это драматургическое своеволие становится особенно очевидным, когда Хоххут помещает сюрреалистичный пятый акт своей драмы непосредственно в Освенцим.

Ужасной самонадеянности такой сцены, которую драматический текст Хоххута доводит вплоть до газовых камер, Вайс избегает благодаря форме повествования, где дистанция театральной игры относительно ужасов Холокоста устраняется не за счёт видимости «как будто». И взамен отрицания пропасти, что разделяет отдельное театральное изображение и судьбы миллионов, эпические комбинации трибунала позволяют как минимум о ней догадаться. Вполне обоснованно, что как раз наиболее резкие живые описания в «Дознании», как, например, методы пыток нацистов или жуткие картины трупов в одной из газовых камер, могут доказать образцовый характер пьесы. Этим объяснимо и то, что само оглашение ужасных деталей, например переработки трупов в костную муку, не стихает лишь в произведённом эффекте.

Неслучайно похожим образом поступает и Клода Ланцманн в своём 9,5-часовом документальном фильме «Шоа» (1985 г.), который, используя одни только опросы очевидцев и сегодняшние снимки мест лагерей смерти, приближается к теме геноцида еврейского народа. И так же, как Вайс, Ланцманн не позволяет своему фильму, где не показано никаких архивных изображений из лагерей, скатываться к кажущейся объективной передаче происходивших событий.

При всех этих положительных аспектах дистанцирующийся стиль Вайса, тем не менее, не спасает от некоторых серьёзных недочётов в «Дознании». Так, писатель полностью отказывается от использования слова «еврей» в пьесе. В этом отношении его принцип абстракции очень нехорошим образом превращается в жеманность и теряется в несколько произвольном, едва ли не покровительственном жесте обобщения немецкого расового бреда. Эти действия внушают ещё большие опасения, когда узнаёшь, что тот же автор два года спустя бестактно раскритиковал израильское правительство за присущий тому «менталитет народа-героя».

Обвинение, погребальная песнь, воззвание

Но там, где Вайс применяет свою стратегию анонимизации не абсолютно, а связывая друг с другом дистанцированное повествование о том, что невозможно наглядно изобразить, с фактами, которые явно поддаются описанию, ему удаётся со всей чёткостью выявить преемственность фашизма в Западной Германии. Тот факт, что называются подлинные фамилии обвиняемых приспешников СС, здесь даже менее значим, чем то обстоятельство, что Вайс не исключает из обсуждения и такие предприятия, как «Сименс» или «И.Г. Фарбен», которые получали доход с лагеря смерти «Освенцим-Бжезинка» (другой вариант названия, более распространённый в настоящее время, – «Аушвиц-Биркенау»). – *Прим. переводчика*.

Эти факты в стране экономического чуда было слышать особенно неприятно, из-за чего одна постановка в Эссене с предупредительным послушанием отказалась упоминать фамилию Круппа. **Именно на фоне поддержки Вайсом социализма некоторые люди, принадлежащие не только правому крылу, не стеснялись высказывать свою злобу к «культурному партизану» Вайсу, который посмел высказаться относительно конкретного срачивания уважаемых концернов с системой национал-социализма.** Не могла понравиться и манера, в которой пьеса Вайса раскрывает отвратительную стратегию обвиняемых и защиты, которые либо утверждали, что ничего не помнят, либо требовали «положить конец» всему по прошествии такого длительного времени. Когда драма, к примеру, заканчивается речью главного обвиняемого в поддержку существующего государственного порядка, едва

ли такое точное зеркальное отражение фактического положения в ФРГ можно было вытерпеть.

Однако, хоть Вайс и сам подчёркивал этот момент – в заголовке одного интервью значилось: «Я хочу заклеить капитализм, который в поисках клиентуры соглашается даже на газовые камеры» – было бы неверно предполагать в этом некую «основную мысль» данной драмы. **Поскольку те, кто пытается отследить политическое содержание в искусстве Вайса, должны понимать, что искусству всё же свойственно несколько иное отношение к миру, чем исторической науке, и потому они не станут останавливаться на том, что в «Дознании» можно обнаружить определённые тезисы о связи капитализма и фашизма.**

Вместо развёртывания особой объяснительной модели пьеса намного больше потрясает определённой «монтаж» бесспорного и очевидно-го. Это именно то, что так мешало критику Йохиму Кайзеру, видевшему в таком действии ущерб для зрителя в его эстетической «свободе принятия решения»: для общества, которое из добрых для него побуждений желает знать мало конкретного о преступлениях нацистов, будет сильным оскорблением отсутствие намерения сделать приятный рассказ о чём-то абстрактно-человеческом. Только потому, что тот же профессиональный критик ещё и не видит эстетических достоинств «Дознания» и путает «документальное» с непосредственным, он мог утверждать, что единственным предполагаемым эффектом тут было смущение.

Всё же Вайс, благодаря своей в высшей степени свободной, вряд ли более доступной для понимания комбинации и обработке источников манере, применяет свои художественные средства весьма разнообразно. Если не смотреть на данное сцепление «сырых материалов», имеющихся как в исторических реалиях, так и в формах самого искусства (эпический театр, оратория и т.д.), упускается из виду их значение. Поскольку большая антифашистская панихида, написанная Вайсом, лишь благодаря этому становится одновременно обвинением, погребальной песней и воззванием.

Оригинал статьи опубликован в газете Junge Welt

Перевод Александра Ананьева

ГЕОПОЛИТИКА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ И НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ БЕЗУМИЕ

Предлагаем вниманию читателя сокращённое изложение интервью американского политолога Ноама Хомски, которое он дал Дэвиду Барсамяну.

По словам Н. Хомски, именно вторжение США развязало в Ираке межэтнические конфликты и в конечном итоге привело к возникновению организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ): «Ирак уже был чрезвычайно ослаблен войнами и санкциями, разрушавшими общество, а вторжение добило его. Политика США при оккупации строилась на межконфессиональных разграничениях, которые применялись везде, например при распределении государственных должностей. Это, а также агрессивный и жестокий характер самого вторжения, вызвало ответную реакцию, и через пару лет шиитско-суннитский конфликт, которого раньше не было, бушевал повсюду. Конечным результатом стало появление ИГИЛ».

По поводу Ливии Н. Хомски заявил, что бомбардировки Италией «мятежных племён» здесь в конце 1920-х годов стали «первым реальным актом геноцида в XX веке», а сейчас окончательный удар по Ливии нанесли прежде всего Франция, США и Великобритания, когда они нарушили резолюцию Совета Безопасности ООН, предусматривавшую бесполётную зону, прекращение огня и переговоры, фактически стали военно-воздушными силами мятежников и создали все условия для нынешнего развала Ливии.

По мнению Хомски, возникновение движения «Боко харам» в Нигерии, где открытого военного вмешательства США не было, объясняется в том числе хаосом в Ливии, откуда оружие распространяется по Северной Африке и Ближнему Востоку. Нигерия, отметил Хомски, практически находится в руках «Шелл» и других западных нефтяных компаний, деятельность которых порождает насилие в регионе, страдающем от трайбалистских конфликтов, насилия, репрессий и разгула коррупции.

Выживание ближневосточных феодальных монархий – Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна, Катара – Хомски объяснил прежде всего их готовностью применять силу для подавления любой оппозиции, как это было в Саудовской Аравии и Бахрейне, где войска соседних государств жестоко подавили протесты шиитского большинства. «В восточных районах Саудовской Аравии, где добывается большая часть её нефти, очень много шиитов, так что саудовская диктатура имела все основания для беспокойства», – заметил Хомски.

Причиной резкого падения мировых цен на нефть он назвал громадный рост добычи сланцевой нефти в США и реакцию на это Саудовской Аравии, не сокращающей нефтедобычу, чтобы удержать свою долю рынка и изгнать с него американских производителей сланцевой нефти как возможных конкурентов: «Сланцевая нефть является дорогостоящей и при нынешнем уровне цен она нерентабельна, поэтому по всем США нефтяные скважины закрываются».

Хомски согласился с тем, что всё это ударит и по таким «официальным» врагам США, как Россия, Иран и Венесуэла.

Снижение цен на бензин и вызванное этим расширение автомобильного движения в США, заявил Хомски, станет тотальной экологической катастрофой, поэтому «нефть на американском рынке должна стоить гораздо дороже, чтобы способствовать отказу от излишнего использования ископаемого горючего, опасного для окружающей среды».

Хомски отметил, что **«политический класс и хозяева экономики» игнорируют проблемы изменения климата и окружающей среды: «Это – проявление институциональной патологии, это – институциональный императив.** Если вы – генеральный менеджер большой корпорации и обладаете огромным влиянием в политической системе, вам просто некогда задумываться о судьбах следующего поколе-

ния человечества, включая ваших собственных внуков. Ваша забота – за-втрашие прибыли».

Интервьюер предположил, что изменение климата следует понимать как глобальную эпидемию, которую надо лечить и остановить, иначе она вызовет массовые потрясения, разрушения и смерти. Хомски согласился: «По некоторым оценкам, масштаб вымирания биологических видов сейчас соответствует тому, какой был 65 миллионов лет назад, во время последнего большого вымирания, когда в Землю врезался огромный астероид. Считалось, что океаны смогут выстоять перед изменением климата, но оказывается, что это не так – они могут поглотить большие, но не бесконечные объёмы углекислого газа».

Хомски согласился и с тем, что коренные народы в разных странах хотя бы пробуют поддерживать традиционный баланс с природой: «В Канаде “первые нации” (официальное наименование индейцев и инуитов. – *Прим. переводчика*) возглавили кампанию протестов и судебных исков против расширения добычи экологически опасных ископаемых топлив. В Амазонии коренные народы идут в первых рядах борьбы против добычи ископаемых топлив и других ресурсов. Страны с наибольшим коренным населением – Боливия, где оно является большинством, и Эквадор, в котором оно составляет значительную долю, – первыми попытались определить «права природы», в Боливии это положение включено в Конституцию. Эквадор попытался отказаться от нефтедобычи, запросив у стран Европы компенсацию, далеко не покрывающую всех утраченных доходов. Но Европа отказала, и Эквадор сейчас вынужден качать нефть».

Н. Хомски сообщил, что побывал в южных районах Колумбии, где крестьяне, индейцы и афроколумбийцы оказались под перекрёстным огнём армии, полувоенных формирований и партизан. «Из-за того что война приобретает всё более «регулярный» характер, Революционные вооружённые силы Колумбии (ФАРК) превратились в ещё одну такую же армию, грабящую крестьян. Так называемое «опрыскивание» с воздуха, которое должно уничтожать плантации коки, стало химической войной, поражающей всё живое, в том числе урожай, скот и людей. В деревнях люди преждевременно умирают, вы видите детей с самыми разнообразными язвами на руках. Когда я вместе с двумя колумбийскими правозащитниками приехал в городок Попаян, там было так опасно, что нас не выпускали из города и люди сами

приходили из деревень для разговора с нами. В одной отдалённой деревне население борется за спасение своего источника воды, которым является покрытая девственным лесом гора. Здесь предполагается начать добычу полезных ископаемых, что уничтожит гору, лес и воду. Местные жители подготовили продуманные предложения по защите горы, но им противостоят горнодобывающие компании и правительство, за спинами которых стоят многонациональные корпорации. Это война, а война не обходится без жертв и смертей, их было так много, что сначала нас туда не пустили, попасть туда удалось только со второго раза».

Решение президента США Б. Обамы о нормализации отношений с Кубой Хомски объяснил растущей изоляцией США в западном полушарии: «С 1960-х годов, когда США ещё играли решающую роль, они добивались исключения Кубы из межамериканских организаций. Но Латинская Америка становится всё более независимой в международной политике и освобождается от господства США, поэтому она всё активнее требует «возвращения» Кубы.

Обама заявляет, что попытки США принести на Кубу демократию и свободу, хотя они предпринимались с самыми добрыми намерениями, не удались, поэтому настало время попробовать новые средства для достижения тех же целей. Вот и всё, что может сказать Обама о пятидесяти годах массового терроризма и экономического удушения, которое принимало крайние формы. Например, если какая-нибудь европейская фирма использовала хоть кусочек никеля кубинского происхождения, её подвергали санкциям. Это была дикость. США оказываются в изоляции также по вопросу о наркотиках. Латиноамериканские страны стали объектом опустошительной наркотической войны, главной причиной которой являются США – не только как главный рынок сбыта наркотиков, но и как источник оружия. Большая часть оружия, захваченного у наркокартелей в Мексике, привозится из США».

Барсамян напомнил, что в марте 1970 г. по пути в Ханой Хомски на неделю задержался в столице Лаоса Вьентьяне, где вместе с антивоенным активистом Ф. Бранфманом, разоблачавшим американские бомбардировки Лаоса, посетил лагерь беженцев. Хомски ответил, что побывал также в деревне, где жил Бранфман, встречался с подпольщиками из национально-освободительного движения *Патет Лао*, взял интервью у премьер-мини-

стра С. Фумы и у одного «члена правительства, богатого землевладельца, который в каком-то смысле был тайным сторонником Патет Лао». Этот министр, пояснил Хомски, понимал, что, если Патет Лао победит, у него отберут всё, а его самого могут казнить, но он желал этой победы, поскольку иначе Лаос погибнет и попадёт под протекторат Таиланда.

Хомски заметил: «США бомбили Лаос с середины 1960-х. В 1968 году, когда начались переговоры с Северным Вьетнамом и его бомбардировки были приостановлены, США официально объявили, что бросают все “временно безработные” бомбардировщики на Северный Лаос. Это отдалённый регион с крестьянским населением, большинство которого, наверное, даже не знало, что они живут в Лаосе. Годами они жили под интенсивными бомбардировками, спасаясь в пещерах». Люди и сейчас продолжают гибнуть от неразорвавшихся кассетных бомб, но США, которые буквально засыпали этими бомбами север Лаоса, не выделяют достаточно средств на их обезвреживание.

Хомски прокомментировал разоблачения системы пыток в концлагере для подозреваемых террористов в Гуантанамо (Куба), частью которой была так называемая «боевая лаборатория», где под контролем медиков отрабатывались самые эффективные методы пыток: «Это был лабораторный эксперимент, целью которого было не получение информации, а выяснение, сколько психологических, физических и наркотических пыток может вынести человек». По мнению Хомски, первоначально пытки должны были дать любую информацию, правдивую или ложную, для оправдания войны в Ираке: «Им были нужны данные о связях между Саддамом Хусейном и “Аль-Каидой”. Когда они их не получили, они ужесточили пытки. В конце концов, поскольку человек под пыткой хоть что-нибудь да скажет, они получили какие-то сведения, так что их первая главная цель была достигнута».

Хомски также заявил: «Неолиберальные программы структурной перестройки в 1980-е имели ужасающий эффект в Руанде, Югославии, странах Южной Африки и Латинской Америке. В Руанде они сыграли главную роль в разжигании давно тлевших кризисов и конфликтов, стали одной из причин кровавых событий начала 1990-х. Это же случилось в Югославии, где такие программы способствовали фрагментации общества, тем самым заложив основу будущих конфликтов. Самыми верными последователями неолиберальных программ были страны Южной Африки

и Латинская Америка, и все они пережили несколько десятилетий деградации и застоя. Латинская Америка начала выбираться из них, Африка тоже начинает, но еле-еле».

На вопрос, какие «бреши в системе» можно наиболее успешно использовать, чтобы организовать активное движение за социальную справедливость, Хомски ответил: **«Принципиальное значение имеет изменение климата – просто необходимо массовое народное движение, чтобы попытаться остановить этот бешеный бег к гибели.** Угроза ядерной войны также имеет серьёзное значение. Здесь мы хотя бы теоретически знаем, как покончить с угрозой. Мы сталкиваемся с экономическим кризисом. В эпоху неолиберализма выросло целое поколение. Да, экономический рост был, но его блага прошли мимо большинства населения, для большинства это был период стагнации или упадка. **Экономические выгоды всё больше достаются хищническим финансовым институтам, которые приносят вред экономике, поглощая огромные объёмы капитала и человеческих ресурсов и тормозя экономическое развитие.** Это был период ужасающего неравенства, в последнее десятилетие до 95% роста доходов приходилось на 1% населения.

Это не остаётся без ответа. В Европе, где неолиберальное безумие приняло крайние формы, а программы жёсткой экономии были очень болезненны, это привело к росту народных движений. В Греции новая партия «Сириза» выросла из протестов против программ жёсткой экономии, уничтожавших страну. В Испании появилась новая партия «Подemos», основой которой стало движение «индигнадос» (негодующих. – *Прим. переводчика*), то есть прежде всего молодёжи, протестующей против неолиберальной политики.

Это может распространяться и дальше, в том числе в США. Здесь люди тоже реагируют, эти реакции разрозненны, но их нельзя сбрасывать со счетов, а если протестующие объединятся, они могут стать очень мощной силой. Сейчас даже Республиканская партия, остающаяся марионеткой сверхбогатых, понимает, что нельзя игнорировать бедность и неравенство».

По мнению Хомски, онлайн-обучение, охватывающее в США миллионы людей, может приносить пользу, особенно тем, кто иначе просто не имеет доступа к образованию, в том числе взрослым и пожилым, но

фактическая образовательная ценность такого обучения невелика и оно никак не может служить заменой обучению в колледже. Будущее – не за таким образованием, заявил Хомски: «Обучение в аудитории – это совсем не то, что просмотр видео. Здесь возникает живое человеческое взаимодействие – студентов с преподавателем, студентов друг с другом, и не только на занятии, но и в спорах на перемене и при совместной работе. Никакие электронные системы такой возможности никогда не дадут. Это не значит, что они бесполезны. Они могут приносить пользу, если они хорошо спроектированы, то могут стать хорошим приложением, например, при обучении взрослых. Но они не смогут заменить настоящее живое образование».

Оригинал опубликован в журнале International Socialist Review

Перевод Олега Теребова

Хельмут Келлерсхон, лингвист

ИГРЫ РАЗУМА

В центре дискурса младоконсерваторов о России находится не Россия, а Германия. Все разглазольствования о российских интересах призваны найти пути и возможности для Германии реализовать свои национальные интересы в Европе в противовес сверхдержаве США. И всё восхищение последним «метафизиком» среди политических лидеров Европы, т.е. Владимиром Путиным, – не что иное, как ожидаемое подтверждение того, что желаемая здесь «культурная революция справа» не является чистой фикцией, – в России она уже почти стала реальностью: итак, это использование российской модели как импульса для трансформации положения Германии.

В последующих высказываниях акцент делается, прежде всего, на геополитических моделях, аргументированных младоконсервативными новыми правыми в еженедельнике «Юнге Фрайхайт» (нем. Junge Freiheit – «Молодая свобода». – Прим. переводчика) и теоретическом печатном органе

«Сецессион», издаваемом Институтом государственной политики. Также рассмотрим «Тезисный документ по внешней политике», составленный заместителем представителя партии «Альтернатива для Германии» (сокр. «АдГ», нем. Alternative für Deutschland, AfD – консервативная и евро-скептическая политическая партия в Германии, основанная 6 февраля 2013 г. – *Прим. переводчика*) в сентябре 2013 г., который можно прочесть в качестве популярного введения в соответствующий дискурс. Политической родиной Александра Гаулянда первоначально было так называемое «крыло стального шлема» партии «Христианско-демократический союз», но у него были и хорошие контакты в кругу Каспара фон Шренка-Нотцинга (1927–2009 гг.) и Армина Молера (1920–2003 гг.), он писал для их журнала «Критикон», в чьей традиции видят себя «Юнге Фрайхайт» и «Сецессион». С 2006 г. он с нерегулярными перерывами публикуется в еженедельнике и дает ему интервью. Из этого можно сделать вывод, что Гаулянд мало опасается контактов с младоконсервативными новыми правыми.

Против доминирования США

Особое внимание заместитель представителя «АдГ» уделяет отношениям с Россией, которая, по его словам, играла большую роль в истории Германии и Пруссии, неоднократно «спасала от гибели» Пруссию (в Семилетней войне и войне против Наполеона). Объединение страны Бисмарком, как и воссоединение Германии, было немыслимо без содействия России/СССР. На этом историческом фоне сегодняшние отношения с Россией требуют «тщательной заботы». Однако не только для Германии, но и для всей Европы Гаулянд выдвигает следующий постулат: «Германия и Европа не заинтересованы в дальнейшем ослаблении России и, таким образом, всего Евро-Азиатского пространства». Поэтому постоянное сближение (европейских) стран-правопреемниц бывшего Советского Союза с ЕС должно проводиться «с крайней осторожностью», с соблюдением деликатности в отношении России.

Наконец, Украина со «святым Киевом» является «заповедной территорией для России», и её отделение сравнимо разве что с отделением «Аахена или Кёльна от Германии». И Гаулянд подчеркивает право на самоопределение «народов и наций, входивших ранее в Российскую империю

[!]], это право, по его словам, должно, однако, действовать и в том случае, если «Украина и Беларусь захотят вернуться в российскую орбиту». Он напоминает также о том, что российская сторона «часто реагирует на предложения Запада, агрессивно защищаясь», поскольку справедливо сомневается в «ценности обещаний Запада». Гаулянд в этом контексте обращает внимание на расширение НАТО «за границы реки Одер».

Учет российских интересов окончательно приводит политика «АдГ» к Бисмарку. «Элементы» его «политики перестраховки по отношению к России» необходимо «соблюдать» и в изменившихся исторических условиях – совет, с которым Гаулянд обращается к внешней политике не только Германии, но и прочих европейских стран. То, что в этом проглядывает «антипольское острие», он отрицает. В конце концов, утверждает он, Польша интегрирована в ЕС и НАТО и в настоящее время тесно связана с Германией.

Это что касается программного документа Гаулянда. В сентябре 2014 г. еженедельник «Юнге Фрайхайт» пригласил его на дискуссию с Берндом Луке. Поводом стало голосование делегатов «АдГ» в Европарламенте по вопросу о санкциях против России, отклоняющееся от решения партийного съезда. В этой беседе Гаулянд уточнил свой программный документ по двум пунктам. Во-первых, он указал на относительность упомянутого там права на самоопределение. Обращаясь в адрес Украины, это означает: «Есть ещё правила, которые означают, что нужно разумно вести себя по отношению к большому соседу.» Украина «упустила» из вида, что расширение НАТО и ЕС (путем соглашения об ассоциации с Киевом) было воспринято российской стороной как провокация и «смещение равновесия». Во-вторых, своё предостережение от ослабления России Гаулянд оправдывал «основным ощущением» в партии, «которая хочет уйти от сильного американского доминирования», что означает на простом языке: «ослабление России в интересах США, но не Германии».

«Внешняя политика ФРГ, – продолжает Гаулянд, – оставляет впечатление недостаточной независимости (от США). Однако сейчас должен проявиться суверенитет при принятии значимых решений». И опять, на простом языке: «Суверенная внешняя политика Германии должна одержать верх над доминированием США». «И для этого, – резюмировал Гаулянд, – российский вопрос, по сути, символичен». Луке не согласился с первым

уточнением (политическая мудрость против права на самоопределение). Со вторым уточнением, напротив, согласился, правда с оговоркой, что «сплоченность Германии с Западом одобряет большинство партии «АдГ», что, однако, не подвергал сомнению в своих тезисах Гаулянд.

Многополярность вместо однополярности

На фоне разговоров о «голых геополитических интересах» (Дитер Штайн) становится понятно, почему младоконсервативные авторы, по сути, оправдывают российские действия в Крыму. «При «возвращении» (!) Крыма, – пишет Паулвитц, – речь не о малом территориальном приобретении или этнически мотивированной политике возвращения домой, а о защите геостратегических позиций. База НАТО в Крыму и потеря морского превосходства в Черном море стали бы для России тем же, чем для США успешное размещение советских ракет на Кубе». «Этого Путин, если он хочет защитить интересы России, никогда не допустит» (Хитц).

Тут вступает в игру еще один геополитический мыслитель, Карл Шмитт, чья концепция большого пространства, по словам Паулвитца, привязана к «первоначальному смыслу» доктрины Монро от 1823 г. («Америка для американцев») и выражает в соответствующей сфере «запрет на вмешательство» для «сил из чужого пространства». В этом смысле, как он утверждает, действия России, а также проект «Евразийского союза» под ее руководством являются выражением «многополярного контрпроекта в отношении англо-американской претензии на господство». С этим связана уверенность, что «структура мира в XXI веке многополярна» (Паулвитц), а не однополярна.

Тем не менее, сочувствие российской стороне остается в определенных рамках даже при очевидных симпатиях к Путину, этому «последнему европейскому политику, который открыто стремится к воссоединению метафизики и политики» (Хинц). Россия, по словам Паулвитца, является не «империей зла» или более выгодным гегемоном, а неким «козырем», с помощью которого европейские государства – «лучше всего вместе» – могут выиграть (Хинц). **Выражаясь проще, интересы европейских государств и, в частности, Германии требуют, имея за спиной сильную Россию, «сбалансировать американское превосход-**

ство» и в так называемом «Евразийском сотрудничестве нейтрализовать американское давление». Больше суверенитета на периферии – таков девиз.

Напротив, это означает, что следует хоть и уважать интересы России, но не делать слишком много уступок. На горизонте здесь, как и у Гаулянда, появляется концепция сбалансированной политики а-ля Бисмарк, согласно которой Европе и Германии следует использовать противоречия между полюсами: США и Россия, – для выстраивания собственной независимости и суверенитета. Тем не менее, – и в этом трудность данной ситуации, – внутри этого треугольника существует дисбаланс силы в пользу США, что на данный момент вынуждены признать и теоретики-младоконсерваторы.

Отсюда вытекает задача, решение которой сравнимо с квадратурой круга: с одной стороны, государства в ренационализированной Европе (по Хинцу: «Европейский союз свободных народов») должны звучать в унисон; тогда они должны обеспечить «восточным европейцам защиту от российского давления», то есть гарантировать их суверенитет (включая Украину), тем самым сделав «излишними их особые отношения с США». В то же время европейские государства должны уважать интересы России (например, отсутствие дальнейшего расширения НАТО). С другой стороны, им необходимо избегать всего, «что создавало бы впечатление враждебного США силового блока «центра-периферии» и активизировало американский потенциал», тем более что с США необходимы хорошие взаимоотношения, например, для обеспечения безопасности международных торговых путей.

Центральная Европа!

Проигрывание геополитических ситуаций, которым здесь занимается Хинц, отсылает обратно к роли Германии в «Европе государств-отечеств» или «свободных народов». Возникает вопрос о том, как могло бы выглядеть соотношение Германии как «экономически доминирующей средней державы Европы» и других европейских стран в условиях ренационализированной Европы. Какое дополнительное политическое преимущество может дать такая ренационализация применительно к тому полугосподствующему положению, что уже занимает Германия? К чему все усилия, если в этом плане ничего не изменится? И как можно гарантировать то,

что в этой новой Европе государства или народы будут звучать в унисон? Перед младоконсерваторами теперь стоит проблема, которую они решают сравнительно условно, прибегая к традиционному направлению удара во внешней политике Германии, имя которому – Бисмарк.

После того как на Берлинском конгрессе были урезаны позиционные успехи России на Балканах и российский император пожаловался на это Бисмарку в письме-поощении, старый канцлер был вынужден пересмотреть свою идеальную концепцию «Киссингенского документа» (нем. Kissinger Diktat – дипломатический документ, продиктованный канцлером Отто фон Бисмарком 15 июня 1877 г. в г. Бад Киссинген, посвященный балканскому кризису 1875–1878 гг. и содержащий важные основы внешнеполитической концепции канцлера. – *Прим. переводчика*).

В 1879 г. был заключен Двойственный союз с Австро-Венгрией, и акцент, таким образом, сместился на центральноевропейский альянс, вокруг которого Бисмарк затем выстраивал свою конструкцию коалиций (включая знаменитый договор перестраховки, известный как вершина дипломатии). Волшебное словосочетание «Центральная Европа» с тех пор господствовало во внешнеполитических дебатах Германии (наряду с пропагандой необходимости колоний, а затем и «жизненного пространства на Востоке»).

Впоследствии в 1980-х гг., на фоне так называемого воссоединения Германии, идея Центральной Европы становится популярной у новых правых, и потому не удивительно, что Торстен Хинц в одной из статей для журнала «Сецессион» повторно к ней обращается. Особым сторонником идеи Центральной Европы является, конечно же, автор еженедельника «Юнге Фрайхайт» Карлхайнц Вайсманн, который формулирует ее с явным антифранцузским и антироссийским акцентом и потому невысоко ценит идею оси Париж – Берлин – Москва, которую привнес французский теоретик новых правых Ален де Бенуа. Вайсманн выступает за пространство от Скандинавии до Сицилии под германским руководством. Центральная Европа, как он считает, означает союз участников с тесным политическим и военным сотрудничеством, основанный на замкнутом торговом государстве, которое распространяет свое влияние на всю Европу и закрывается от иммиграции, а также, в виду отсутствия иной альтернативы, признает верховенство США.

Торстен Хинц, напротив, ссылается на военный труд «Центральная Европа» от 1915 г., написанный Фридрихом Науманном (1860–1919 гг.). Тот, по словам Хинца, уже тогда имел «представление о многополярном мире крупных территорий», а Германию поместил «в центре центрально-европейского союза государств». В отличие от Вайсмманна, он выступает за то, чтобы «континентальная руководящая сила» Германии выстраивала партнерские отношения с Францией и Польшей, а также, по уже упомянутым причинам, хорошо относилась к России и имела «наилучшие отношения» с США. Идею евразийского блока под руководством Москвы в том виде, как ее отстаивает российский правый Александр Дугин, Хинц логично отвергает.

В сложившихся условиях всё это – лишь игры разума. **Тем не менее, они демонстрируют то направление немецкой внешней политики, которой отдают предпочтение молодые консервативные теоретики, а именно: поставить Германию на позицию «континентальной державы» и гаранта общеевропейской «воли к власти».** Речь идет о возобновлении действий, с которыми эта страна в XX веке уже дважды потерпела крах. Хинц сожалеет, что для этого в Германии нет прежних политических элит.

*Оригинал статьи опубликован в газете Junge Welt
Перевод Александра Ананьева*

Петер Линке, политолог

«УКРАИНСКИЙ КРИЗИС – ПЕРВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЗАПАДОМ»

Интервью с Петером Линке – политологом, специалистом по международным отношениям, членом Германского совета по внешней политике (ФРГ) – было записано в Анкаре, во время международной конференции «Вызовы и угрозы для региональной безопасности на Ближнем Востоке и Кавказе: внешние факторы и внутренние противоречия», в проведении которой принимал активное участие журнал Foreign Affairs Chronicle.

На наших глазах благодаря появлению новых крупных игроков (таких, как Китай, Индия, Бразилия, Турция) происходит трансформация глобальной политической системы. Что может прийти на смену нынешнему «мировому порядку»? Насколько сильно будет меняться в ближайшем будущем расстановка сил в мире? Сохранит ли глобальное лидерство коалиция западных держав во главе с США? Или доминирующее положение займут другие внешнеполитические альянсы?

Новые игроки, несомненно, укрепляют свои позиции, но им вряд ли удастся быстро изменить сложившуюся расстановку сил. Возможно, новая конфигурация все же возникнет, но она будет во многом напоминать нынешнюю.

Получается, доминированию «западного блока», одержавшего победу в «холодной войне», пока ничего не угрожает?

В ближайшей перспективе серьезной угрозы нет, но потом ситуация может измениться. Главное же – человечество так и не избавится от наследия «холодной войны»: в мире сохранится блоковая система, а Запад по-прежнему будет пытаться единолично определять направление глобального развития.

В мире появляются новые центры интеграции, вокруг которых будут формироваться коалиции государств, стремящихся совместными усилиями отстаивать свои экономические и внешнеполитические интересы. Такие альянсы будут ставить своей целью успешную конкуренцию с другими межгосударственными коалициями, они будут пытаться одержать верх в противостоянии и соперничестве, ослабить позиции своих противников в борьбе за энергоносители, промышленное сырье и рынки сбыта.

Объединение усилий во имя социального прогресса, развития науки и культуры, совместного использования глобальных ресурсов так и останется нереализованной мечтой.

Напротив, мир, идущий на смену нынешнему, может оказаться еще опаснее. В нем возникнут новые очаги напряженности, которые будут способствовать дестабилизации все новых регионов Евразии, в том числе и относительно спокойных сегодня.

В этой связи мне кажется, что Восточную Европу ожидает длительный период нестабильности. Причем восточноевропейские конфликты будут вызваны не столько противоречиями между странами региона, сколько соперничеством на глобальном уровне. И в этом отношении украинский кризис можно рассматривать как пример того, что нас ожидает в не столь отдаленном будущем. Это, конечно же, очень печально. Но, к сожалению, возникновение подобной ситуации нельзя предотвратить, она формируется под влиянием социально-экономических и геополитических процессов, неизбежных в современном мире.

То есть Запад сохранит глобальное лидерство, хотя у него и появятся опасные конкуренты. Но удастся ли западному миру сохранить единство? Не возникнут ли противоречия между его отдельными регионами, например между Восточной и Западной Европой?

Такие противоречия существуют и сегодня, но пока они не угрожают единству Запада. Однако если глобальная рецессия затянется надолго (а это вполне возможно), то некоторые государства покинут западное сообщество.

С чем это будет связано?

Со стремлением государств, являющихся лидерами западного мира, обеспечить себе как можно более комфортное положение. **Мы являемся свидетелями краха модернизационного проекта, в основе которого лежали идеи Просвещения. Политические силы, управляющие сегодня развитием западных стран, больше не желают руководствоваться принципами социального прогресса, взаимопомощи и международной солидарности.** Поэтому наиболее богатые и развитые страны Запада в случае усиления экономических трудностей попросту выбросят из западного сообщества те государства, которые не смогут самостоятельно справиться с экономическим кризисом.

Таким образом становится неизбежным сокращение западного экономического пространства. А те страны, которые рассчитывали в него войти, чтобы получить доступ к западным технологиям и финансовым ресурсам, теперь надолго утратили подобную перспективу. В этом уменьшившемся евроатлантическом пространстве усилится доминирующая роль США, которые, используя украинский кризис, пытаются объединить Запад под своим главенством.

К сожалению, руководство Германии содействует американской администрации в проведении подобного курса. Такая политика Берлина может иметь чрезвычайно тяжелые для всей Европы последствия, поскольку превращение Германии в американского сателлита неизбежно приведет к деградации ЕС.

Несмотря на то что США сохраняют в Европе господствующее положение, «островной» характер Америки заметно усилится. Вашингтон будет все больше сосредотачиваться на собственных задачах и проблемах, сдерживая развитие Западной Европы, которую будет рассматривать не только как союзника, но и как конкурента.

Возникнут ли новые глобальные центры влияния, способные конкурировать с Западом?

Прежде всего, как я уже говорил, отдельные регионы Запада, в том числе значительная часть Южной Европы и большинство восточноевропейских государств, будут вынуждены развиваться самостоятельно. Они будут исключены из состава «западного мира», который, кстати говоря, обрел свой нынешний облик относительно недавно. Мне бы хотелось надеяться, что Германия начнет проводить более независимую внешнюю политику, сохранив при этом партнерские отношения с США. Правда, пока нет никаких признаков того, что ФРГ сможет обрести большую самостоятельность хотя бы в сфере национальной безопасности.

Пока в Германии нет даже экспертных структур, которые занимались бы оценкой угроз, возникающих на глобальном уровне. Берлин руководствуется американским мнением и исходит при выработке собственного внешнеполитического курса из сложившихся в США представлений. Впрочем, подобное поведение немецких экспертов и политиков представляется мне вполне естественным: многие из них получили образование в США, а потому ощущают не только идеологическую, но и культурную близость к этой страной, ставшей частью их собственной биографии.

Вполне возможно, что те страны Восточной и Южной Европы, которые будут вынуждены покинуть западное сообщество, окажутся в сфере влияния новых интеграционных центров. **Безусловно, наиболее мощный центр интеграции сформируется вокруг Китая, который, на мой взгляд, успешно преодолеет временные экономические**

трудности и попытается усилить свое влияние во всех регионах Евразии. Собственно, этот процесс уже активно идет.

В последнее время заметно усилилось китайское присутствие на Ближнем Востоке. Китай уже давно рассматривает страны этого региона не только как поставщиков дешевой энергии и сырья, но и как возможную сферу собственного влияния, которая в перспективе может соединиться с китайской сферой влияния, сформировавшейся в Африке.

Конечно же, китайская экономическая и геополитическая экспансия создает предпосылки для усиления глобальных противоречий между КНР и США. Вашингтон стремится заблокировать распространение китайского влияния в наиболее важные для него регионы Евразии.

Вполне вероятно, что благодаря дрейфу Москвы в сторону Пекина КНР скоро сможет использовать российские возможности для решения собственных геополитических задач.

В этой связи, как мне кажется, нынешний украинский кризис следует рассматривать не только как проявление конфликта между Москвой и Вашингтоном и уж тем более не как результат российско-украинских противоречий. На мой взгляд, события на Украине обусловлены главным образом соперничеством между Китаем и Западом во главе с США, которые пытаются предотвратить усиление китайских позиций в Причерноморье и в Восточной Европе. Как известно, полосу экономического развития – Великий шелковый путь – предполагалось довести до Крыма.

Удастся ли Китаю и США урегулировать возникающие противоречия? Ведь обе страны заинтересованы в экономическом сотрудничестве и рассматривают его как залог глобальной стабильности.

Нет, конкуренция между Китаем и США будет усиливаться, порождая в Евразии все новые конфликты. Однако два этих глобальных игрока будут продолжать экономическое взаимодействие: допустить существенное снижение его объемов они действительно не могут, не подвергая опасности не только собственную, но и мировую экономику.

К усилению китайско-американских противоречий может привести и возросшая внешнеполитическая активность Японии, которая стремится

стать самостоятельным центром влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, оставаясь при этом стратегическим партнером США.

На протяжении нескольких последних лет идет процесс «возвращения» Японии в Азию. Эта стратегия начала проводиться еще правительством Нобусукэ Киси (1957—1960 гг.). Кстати, нынешний премьер-министр Синдзо Абэ — его внук. Токио заметно усиливает свою деятельность на этом направлении, что уже вызвало рост противоречий между Японией и Китаем, который также пытается занять лидирующее положение в Юго-Восточной Азии. Вместе с Абэ, который родился в 1954 г., в японскую политику пришло поколение, у которого нет никаких личных воспоминаний и переживаний, связанных с войной. Эти политики чувствуют себя более уверенно, не боятся открыто заявлять претензии на лидерство Японии в Азии, жестко отстаивать национальные интересы даже в том случае, когда это может создать внешнеполитические трудности для США.

Японское руководство рассматривает Вашингтон как союзника, с которым Токио связывают взаимные обязательства. Японское правительство оказывает поддержку США, но и от американской администрации ожидает содействия своим планам. И для Вашингтона это часто становится препятствием в развитии отношений с другими государствами региона. Поэтому Япония в конце концов может решить, что США являются ненадежным партнером, ставящим собственные интересы намного выше союзнических обязательств. Это может привести к значительным переменам в американо-японских отношениях. Для политических лидеров Японии (в особенности связанных с Либерально-демократической партией) сотрудничество с США всегда было безусловным приоритетом. Но в перспективе к власти могут прийти люди, не разделяющие это мнение.

Смогут ли США остаться в стороне, если между Китаем и Японией возникнет конфликт?

Пока вероятность прямого военного столкновения остается небольшой. Но между Японией и Китаем существуют серьезные противоречия, связанные с борьбой за акваторию Восточно-Китайского моря. Токио использует возникшую напряженность как предлог для наращивания своего военного потенциала и усиления присутствия в регионе.

Такую же политику проводят и другие ориентирующиеся на США страны Юго-Восточной Азии (даже Сингапур). Так что в Азиатско-Тихо-

океанском регионе Китаю приходится конкурировать с еще одной группой стран, ориентирующихся на США.

Причем эти страны существенно различаются по своим интересам и проявляют во внешней политике значительную самостоятельность. Это, с одной стороны, снижает опасность конкуренции между «прокитайским» и «проамериканским» блоками. С другой – повышает вероятность конфликтов и столкновений Китая с отдельными государствами региона, которым США будут вынуждены оказать поддержку, чтобы предотвратить усиление китайских позиций. Поэтому Юго-Восточная Азия может в перспективе оказаться столь же беспокойным регионом, как и Восточная Европа. В результате усиливающегося соперничества между Пекином и Вашингтоном могут вспыхнуть конфликты, подобные украинскому.

Международная конференция «Вызовы и угрозы для региональной безопасности на Ближнем Востоке и Кавказе: внешние факторы и внутренние противоречия» проходила в сентябре 2015 г. в Анкаре. В конференции принимали участие 64 эксперта из Турции, Украины, Азербайджана, Армении, Германии, Грузии, Ирана, Ирака, Ливана, Молдовы, России.

Интервью брал Дмитрий Галкин

Джемал Ваким

«ИСХОД КОНФЛИКТА МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ ЗАВИСИТ ОТ СИТУАЦИИ В ЕГИПТЕ»

Джемал ВАКИМ (Jamal Wakim) – профессор Арабского университета в Бейруте (Ливан), политолог, поддерживающий левонационалистические силы Ливана, сын известного политика Наджаха Вакима (Najah Wakim), лидера партии «Движение народа».

Глобальная ситуация во многом определяется ходом конфликта в Сирии, что может заставить США перейти к взаимодействию с Ираном и Россией, которые рассматриваются американской администрацией в лучшем случае как конкуренты.

Какие цели ставят перед собой внешние игроки, пытающиеся оказывать влияние на положение дел в Сирии? Возможно ли между ними сотрудничество?

Конфликт в Сирии приобрел глобальное значение, поскольку Сирия предоставляет важнейшим странам Евразии, стремящимся обеспечить свою экономическую и геополитическую самостоятельность, удобный выход в Средиземное море. Речь идет о Китае, Иране и России, которые могут лишиться свободного доступа к Мировому океану, если США удастся реализовать свой стратегический замысел. Он направлен на то, чтобы поставить под контроль транспортные морские пути, которыми пользуются эти государства, пытающиеся противодействовать американской экспансии в Евразии.

Так, на Дальнем Востоке США предпринимают усилия, чтобы объединить страны Тихоокеанского бассейна, создав огромное общее экономическое пространство, из которого они предполагают исключить Китай. Рост международных противоречий вокруг островов в Восточно-Китайском и в Южно-Китайском морях обусловлен прежде всего стремлением США затруднить КНР выход в Тихий океан. Претензии Японии на острова Курильской гряды призваны помешать укреплению российских позиций в Тихоокеанском регионе.

Безусловно, Китай обладает значительным экономическим и военным потенциалом. Однако он, скорее всего, не сможет гарантировать себе свободный доступ в Тихий океан и взять под контроль морские пути, по которым идет поставка значительной части энергоносителей и промышленного сырья, импортируемых в КНР.

Соединенные Штаты могут опереться в регионе на прочную поддержку Южной Кореи, Японии и Тайваня; на Вашингтон ориентируются Малайзия и Филиппины, а также ряд других стран Юго-Восточной Азии. Поэтому расстановка сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе явно складывается не в пользу Китая.

С аналогичными трудностями сталкивается Иран в Персидском заливе, где ему противостоит коалиция арабских государств во главе с Саудовской Аравией, которая входит в число наиболее важных союзников США. Похожая ситуация сложилась и в Балтийском море: оно оказалось фактически закрыто для России, поскольку бывшие советские республики Прибалтики, ставшие независимыми государствами, занимают откровенно

антироссийскую позицию. Польша, главный форпост США в Восточной Европе, ведет с Россией упорную борьбу за влияние в регионе. А Швеция относится к России крайне настороженно и, конечно же, будет противодействовать усилению российского влияния на Балтике.

Получается, что в результате Китай, Иран и Россия вынуждены искать альтернативный доступ к важнейшим морским торговым путям, гарантирующий свободный выход в Мировой океан?

Они обязаны добиться этого, если не хотят оказаться в стратегической ловушке и утратить возможность действительно отстаивать свои интересы. И такой альтернативой для всех трех государств может быть только Восточное Средиземноморье, контроль над частью которого не только обеспечит доступ ко всем важнейшим транспортным маршрутам мира, так или иначе проходящим через Средиземное море, но и позволит усилить позиции в Северной Африке и на Балканах, где начинаются важные пути вглубь африканского континента и Евразии.

В этой связи, как мне кажется, присоединение Крыма к России следует рассматривать не столько в контексте российско-украинских противоречий, сколько как попытку Москвы сохранить свои позиции в Восточном Средиземноморье и не утратить шанс прорваться сквозь геополитическую блокаду к Мировому океану.

Естественно, присоединение Крыма само по себе не может коренным образом изменить положение дел. Однако оно стало свидетельством того, что Россия пока не находится в параличе и может активно бороться за влияние в Средиземноморском бассейне.

Мне кажется, что естественным продолжением этой борьбы стало активное вмешательство России в греческий кризис, в результате которого российское влияние на политику Афин резко усилилось. При этом как в случае с Грецией, так и в случае с Украиной Москве удалось, решив свои задачи, заставить Брюссель и Берлин заниматься спасением экономики этих государств, разрушающейся под действием тяжелого кризиса.

Одновременно Россия укрепляет свои отношения с Сербией и пытается вывести военное сотрудничество с ней на новый уровень. В октябре прошлого года на территории Сербии прошли совместные российско-сербские военные учения. В начале сентября этого года Сербия приняла участие

в тактических учениях «Славянское братство – 2015» под Новороссийском. В следующем году учения вновь намечено провести на сербском полигоне.

Если Москва так успешно продвигает свое влияние на Балканах, зачем ей понадобилось усиливать вмешательство в сирийский конфликт? Разве по-другому никак нельзя было гарантировать свое присутствие в Средиземноморье?

Балканы, конечно, чрезвычайно важный регион, и то, что России удалось усилить взаимодействие с Сербией (в том числе и в военной сфере), заручиться расположением Греции и установить хорошие отношения с Венгрией, укрепило международные позиции Москвы и позволило ей создать инструменты влияния на ситуацию в Европе. Однако, чтобы обеспечить свободный доступ в Средиземное море, этого недостаточно.

Для этого России необходимо гарантировать свое присутствие в Сирии и в Северной Африке. Аналогичные задачи стоят перед Ираном и Китаем, что и обуславливает, с одной стороны, затяжной характер сирийского кризиса, который не завершится, пока крупные геополитические игроки не придут к соглашению (или США не потерпят поражение), с другой – обострение борьбы за влияние в Египте.

А в чем заключается геополитическая ценность Египта?

Дело не только в том, что Египет – самая населенная страна региона, обладает огромным политическим и культурным влиянием в арабском мире и в Африке, располагает значительным военным потенциалом. Через Египет проходят важнейшие торговые пути, и пока Египет находится под контролем Саудовской Аравии и США, эти маршруты будут использоваться в крайне ограниченном объеме. Между тем исторический опыт показывает, что для экономического процветания Египта необходимо развитие торговых связей, ведущих из Индии в Средиземноморье. В самом Египте существует массовый запрос на модернизацию экономики и социальной жизни, на ускоренное экономическое развитие. На этой основе сформировался социальный протест, который привел к отстранению от власти президента Мубарака.

Однако цели, которые ставило перед собой египетское общество, так и не были реализованы. Более того, в нынешних обстоятельствах они

принципиально не могут быть достигнуты, поскольку Вашингтон не может допустить существования неподконтрольных ему морских торговых путей, а для экономического развития Египта, как мы уже говорили, необходимо развитие морской торговли. Поэтому с американским влиянием в Египте можно успешно бороться.

Но сможет ли Россия, ослабленная экономическим кризисом, конкурировать в Египте с Саудовской Аравией, ведь экономические возможности России, потерявшей доступ к финансовым ресурсам Запада, в настоящее время крайне ограничены?

Россия не является полностью рыночной экономикой, значительная часть российской промышленности, в том числе связанной с добычей полезных ископаемых, находится в руках государства. Поэтому российское правительство теоретически может сосредоточить в своих руках средства, достаточные для масштабных инфраструктурных проектов (например, для строительства морских портов и военных баз, необходимых для свободного доступа в Средиземноморье). Кроме того, Китай, несмотря на некоторые экономические трудности, обладает огромными финансовыми ресурсами, которые могут быть использованы в борьбе за экономическое и политическое влияние в Египте.

Китай не собирается вступать с Россией в какие-либо внешнеполитические и уж тем более военные коалиции. Подобная позиция Китая, на мой взгляд, объясняется тем, что китайские и российские стратегические интересы во многом не совпадают. Смогут ли две эти державы действовать совместно в Египте?

Смогут, если осознают, что перед ними стоит общая задача. Если США и Саудовская Аравия сохраняют контроль над Египтом, России не удастся получить доступ в Индийский океан, да и Китай в случае усиления противоречий с США может сталкиваться со значительными трудностями при морской торговле. Индийский океан с точки зрения экономической активности становится важнейшим мировым регионом, заняв то место, которое принадлежит сегодня Атлантике. Поэтому американская администрация будет не заинтересована в том, чтобы Китай, Россия и Иран получили доступ к морским торговым путям, ведущим в Индийский океан. На это направлена

американская политика в Сирии и Украине, которая, по моему мнению, и в том, и в другом случае сфокусирована на дестабилизации региона, имеющего важное стратегическое значение для потенциального конкурента.

Все же украинский конфликт обусловлен не столько внешним влиянием, сколько внутренними причинами?

То же можно сказать и про сирийский кризис.

Однако вы считаете, что и в том, и в другом случае противостояние было спровоцировано США?

Во многих регионах существуют довольно острые социальные и политические противоречия как внутри отдельных государств, так и на межгосударственном уровне. Однако далеко не везде они выливаются в военные действия.

Для меня несомненно, что в Сирии американская администрация сознательно проводила политику, направленную на создание длительного вооруженного конфликта. И Вашингтон продолжает курс на дальнейшую дестабилизацию региона.

В настоящее время в Ливане возникла угроза острого политического кризиса, который могут спровоцировать массовые протестные акции, организованные антиправительственной коалицией You stink! («Ты воняешь!»). Эта коалиция создана ориентированными на США общественно-политическими организациями, которым либеральная идеология не мешает пользоваться социальной риторикой.

Безусловно, в Ливане существует множество проблем, и одна из самых главных – коррумпированность и некомпетентность власти. Однако либералы, пытающиеся заручиться общественной поддержкой, выдвигая антикоррупционные лозунги, не собираются заниматься созданием справедливого социального строя. Их победа ничего не даст ливанскому народу, но она поможет США решить внешнеполитические задачи, поскольку в случае победы либеральной коалиции к власти в Ливане придут силы, враждебные действующему руководству Сирии.

В случае с Украиной намерение Вашингтона спровоцировать длительное вооруженное противостояние менее очевидно, хотя без американской поддержки либеральные силы, враждебно настроенные по отношению

к Москве, не смогли бы прийти к власти. Украинский кризис не отличается своеобразием, он развивается по «типовому» сценарию, который используют США для истощения геополитических соперников.

В настоящее время в мире разворачиваются по крайней мере два кризиса, аналогичных украинскому. Один – в Ираке: он привел к падению ориентировавшегося на Тегеран правительства Малики и создал предпосылки для формирования «Исламского государства». Второй – в Ливане, где в случае весьма вероятной победы либеральных сил к власти придут политики, враждебно настроенные по отношению к Дамаску. А украинский кризис сделал невозможным сотрудничество Киева и Москвы.

А почему США удастся успешно предотвращать усиление своих геополитических соперников?

Потому что страны, которые пытаются противостоять США, руководствуются региональной повесткой дня, а Вашингтон в отличие от них обладает глобальным видением. Американская администрация совершает множество ошибок, особенно много их допускает действующее руководство США. Тем не менее США в конечном счете оказываются сильнее своих соперников, поскольку стремятся определять ситуацию на глобальном уровне, а не ограничиваются борьбой за влияние в отдельном регионе. Даже Китай и Россия, которые пытаются действовать одновременно в нескольких регионах, не могут в своей политике перейти от разрешения региональных противоречий к управлению глобальными процессами.

Поэтому они могут пойти на компромисс, который кажется выгодным исходя из региональной ситуации, но может оказаться катастрофической уступкой, если правильно оценить положение дел на глобальном уровне.

Так, у меня есть опасения, что Россия может отказаться от борьбы за влияние в Египте в обмен на возможность укрепиться в Сирии или решить в свою пользу какие-то отдельные вопросы, связанные с украинским кризисом. Между тем подобная сделка с США и ЕС, на первый взгляд укрепляющая российские позиции, может привести к геополитическому поражению, поскольку исход конфликта между Западом и Востоком сегодня зависит от того, как будет складываться ситуация в Египте.

Интервью брал Дмитрий Галкин

ВЫБОРЫ, КАК ОНИ ЕСТЬ

Борис Романов, историк

СОЦИАЛИСТ В СТРАНЕ ДЕМОКРАТОВ

В ходе проходящих в США праймериз по выдвижению кандидатов в президенты страны от Демократической партии сенсацией стал относительный успех Берни Сандерса, который стал активно соперничать с признанным фаворитом гонки Хиллари Клинтон.

Дело в том, что Сандерс открыто называет себя сторонником социалистических взглядов, многие годы он выступал как независимый политик и лишь недавно решил принять участие в борьбе за пост кандидата в президенты в рядах демократов. Это конечно, неслучайно. Двухпартийная политическая система США так устроена, что только представители основных партий – республиканцев и демократов – исторически занимают ведущие позиции в Конгрессе, а стать президентом страны фактически можно, только представляя одну из этих двух ведущих буржуазных партий. Символом республиканцев, занимающих правые консервативные позиции, является Слон, а демократы, тяготеющие к либеральным ценностям, своим символом считают Осла.

Бернард (Берни) Сандерс является довольно опытным политиком. Ему 73 года, он родился в Нью-Йорке в семье еврейских эмигрантов из Польши. Он окончил Чикагский университет и является специалистом в области психологии и политологии. Уже в молодости он стал человеком левых

убеждений. В студенческие годы был активным членом Социалистической лиги молодежи. В 1963 г. участвовал в знаменитом марше на Вашингтон, в ходе которого выдающийся борец за права чернокожих американцев пастор Мартин Лютер Кинг произнес свою историческую речь с требованием отмены расовой сегрегации и дискриминации афроамериканцев. Когда США развязали войну во Вьетнаме, Сандерс открыто отказался от службы в армии по политическим мотивам.

После окончания учебы в университете Сандерс отправился жить и работать в один из израильских кибуцев (поселения по типу коммуны), которые организовывали социалистически настроенные активисты. В 70-е годы, вернувшись в США, работал социальным педагогом и участвовал в деятельности социалистической по идеологии партии «Союз свободы». В 1981 г. Сандерс стал мэром небольшого городка Берлингтона в штате Вермонт, где он и проживал на тот момент. Его соперником был представитель Демократической партии. Сандерсу удалось трижды переизбраться на пост мэра и завоевать устойчивые симпатии местных жителей.

Занимая пост мэра Берлингтона, Берни Сандерс активно выступал по вопросам внешней политики, резко критиковал курс американской администрации в открытых письмах, направленных президенту Рональду Рейгану, по поводу вмешательства во внутренние дела Никарагуа. В 1985-м Берни Сандерс оказался самым высокопоставленным американским политиком, прибывшим с официальным визитом солидарности в Никарагуа. Он был принят революционным лидером сандинистов президентом Даниэлем Ортегой. Сандерс направлял обращения к советскому, китайскому, британскому и французскому правительствам, призывая от имени жителей Берлингтона к разоружению. Он активно боролся против режима апартеида в ЮАР и протестовал против условий содержания политических заключенных в Северной Ирландии. Мэр Сандерс шокировал американских обывателей своим визитом на революционную Кубу, с которой США не имели дипломатических отношений и проводили политику жесткой экономической блокады.

В 1988 г. он женился и провел медовый месяц в Ярославле – одном из городов-побратимов Берлингтона. В 1990 г. после ряда неудачных попыток избирается конгрессменом от штата Вермонт как независимый кандидат.

В Конгрессе Сандерс пробыл до 2007 г., а затем стал сенатором (членом верхней палаты) от штата Вермонт.

Сандерс по-прежнему считает себя социалистом, выступает последовательным сторонником социального равенства и активно добивается расширения государственных программ помощи малоимущим слоям населения. Он борется за бесплатное высшее образование и всеобщее медицинское страхование, опираясь при этом на успешный опыт соседней Канады, прогрессивную и справедливую налоговую систему, предусматривающую отмену налоговых льгот для богатых и жесткий государственный контроль за деятельностью финансовых институтов. Сандерс симпатизирует скандинавской модели социал-демократии и идеям демократического социализма. Являясь независимым депутатом, он связан с Вермонтской прогрессивной партией и партией «Союз свободы», но в Сенате примыкает к Демократической партии при формировании комитетов и возглавляет Форум прогрессивных конгрессменов.

Будучи конгрессменом, Сандерс голосовал против «Патриотического акта», принятого после теракта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке в целях борьбы с угрозой терроризма, и создания Департамента национальной безопасности и связанными с ним ограничениями гражданских прав. Сандерс был одним из немногих американских политиков, который предупреждал о возможных катастрофических последствиях развязывания войны в Ираке.

При этом Сандерс вовсе не питает иллюзий по поводу социально-экономической природы господствующего в стране политического класса. Так, в мае 2012-го в интервью CNN он сделал следующие заявления: «Класс миллиардеров владеет сегодня экономикой, и они круглосуточно трудятся над тем, чтобы завладеть еще и правительством США. Многие люди ошибочно полагают, что Конгресс регулирует работу Уолл Стрит. На самом деле это не так. На деле Уолл Стрит регулирует Конгресс».

В декабре 2010 г. Сандерс выступал в Сенате восемь часов подряд, пытаясь заблокировать возобновление действия налоговых льгот для состоятельных американцев. В 2011-м Сандерс поддержал массовое народное протестное движение Occupy Wall Street. Он критиковал президента Обаму за то, что тот согласился продлить срок действия налоговых льгот для состоятельных американцев, введенных в период президентства Джорджа

Буша-младшего. В интервью USA Today сенатор заявил, что американцы разочаровались в «жадности корпоративной Америки» и политической элите и хотят глобальных перемен, чтобы «правительство работало на простых американцев, а не только на миллиардеров». Сандерс выступает против проекта Транстихоокеанского партнерства и создания зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, разумно полагая, что это приведет к потере рабочих мест в США. Однако Сандерс голосовал за введение санкций против России и выделение помощи Украине в размере миллиарда долларов. Он также приветствовал восстановление дипломатических отношений США с Кубой.

В день объявления о выдвижении его кандидатуры на пост президента Сандерс так сформулировал свое политическое кредо и объяснил свое намерение побороться за высший государственный пост в стране: «Я шел на выборы вне двухпартийной системы, и мне удавалось победить и демократов, и республиканцев и бороться против кандидатов, которые представляют большой капитал; думаю, что тот посыл, который резонировал в Вермонте, может найти отклик и в масштабах всей страны. Не стоит меня недооценивать».

За первые полтора месяца предвыборной кампании рейтинг Сандерса вырос более чем в два раза, а в июньском опросе 2015 г., проведенном Университетом Саффолк среди демократов штата Нью-Хэмпшир, он получил 31% голосов (за Хиллари Клинтон был подан 41%). **Предвыборные мероприятия с участием Сандерса привлекают толпы разочарованных основными кандидатами простых американцев.** Американская пресса перестала воспринимать его как политический курьез и стала уделять ему повышенное внимание.

Тем не менее, **серьезных шансов опередить бывшего госсекретаря Хиллари Клинтон у Сандерса нет.** Более того, столь нетрадиционный для американской политической элиты кандидат смотрится белой вороной и в среде демократов и вряд ли может отнять голоса части консервативного электората Республиканской партии и колеблющихся избирателей. Выдвижение такого кандидата означало бы весьма вероятное поражение демократов в борьбе с республиканцами за президентское кресло. Поэтому для избирательного штаба Хиллари Клинтон Берни Сандерс остается достаточно комфортным и удобным соперником, хотя он и заставил

ее советников сильно поволноваться, поскольку получил неожиданно большое количество симпатий рядовых членов Демократической партии. В настоящее время Хиллари Клинтон является устойчивым лидером популярности среди демократов, но Сандерс прочно занимает второе место, хотя и существенно отстает от нее по количеству голосов.

Феномен Берни Сандерса носит двоякий характер. С одной стороны, появление такого политика свидетельствует о росте разочарования рядовых американцев в существующей двухпартийной политической системе и усилении левых настроений в обществе. Растущая популярность Сандерса – это реакция разочарованных сторонников Демократической партии политикой Барака Обамы, который также вел свою первую избирательную кампанию с левопопулистских позиций. С другой стороны, Демократическая партия вряд ли может серьезно сдвинуться влево, что фактически исключает возможность принципиальных изменений в американском политическом классе. Тем не менее, **появление на политическом небосклоне США социалиста Сандерса показывает, что на самом деле рядовые американцы устали от политической монополии консерваторов и либералов в стране.** В американском обществе растет запрос на левую политику, на идеологию перемен, и пример деятельности независимого народного движения Occupy Wall Street является тому наглядным подтверждением.

Мануэль Гари, журналист

НОВЫЕ ЛЕВЫЕ НАСТУПАЮТ

Испания переживает социальное бедствие: неравенство и бедность нарастают пугающими темпами, из-за увольнений и урезания зарплат средняя покупательная способность семьи упала на 17%, а у трети семей с самыми низкими доходами – на 43%. В разгар долгого и жестокого экономического кризиса и на фоне непрерывной череды коррупционных скандалов, поразивших практически все политические партии, в мае 2011 г. в Испании возникло движение «негодующих», по десяткам городов прокатилась волна массовых демонстраций.

Эта социальная мобилизация, под лозунгом «Они нас не представляют», показала, что все основные политические партии лишились доверия, и поставила под вопрос саму политическую систему, возникшую в 1978 г. в результате перехода от диктатуры Ф. Франко к конституционной монархии и соглашения между правыми, с одной стороны, и социалистами и коммунистами – с другой.

В 2012 г. протесты набирали силу. 29 марта состоялась всеобщая забастовка. 11 июля в Мадриде в демонстрации солидарности с шахтёрами Астурии приняло участие 100 тыс. человек. На Балеарских островах, где большинство населения говорит по-каталонски, по призыву регионального социального движения «Платформа “Призыв”» началась массовая кампания «зелёно-белых» (по цвету «форменных» футболок активистов) против попыток консервативной администрации навязать школьное обучение на испанском языке и приватизировать образовательную систему.

Борьба продолжается. «Платформа пострадавших от ипотеки» протестует против выселений за просроченные платежи, под петицией с требованием принять закон о праве на жильё подписалось полтора миллиона человек. 22 марта 2014 г. в Мадриде был проведён многотысячный «Марш достоинства». Были и тактические победы, например, забастовка дворников и озеленителей в Мадриде против увольнений, кампания против приватизации городской системы здравоохранения Мадрида и протесты против перестройки улиц в пригороде Бургоса Гамональ. Но единственными победами на национальном уровне стали отзыв правящей Народной партии (НП) законопроекта о запрете абортов и увольнение министра юстиции.

Правительство НП не собирается ничего менять в принципе. Неприятие устоявшихся политических партий совпало с пониманием того, что социальный протест не может изменить политическую ситуацию. В этих условиях в начале 2014 г. и появилась партия «Подemos» (исп. «Мы можем»), созданная по инициативе левых профессоров мадридского Университета Комплутенсе и организации «Левые антикапиталисты», входящей в Четвёртый Интернационал. Многие социальные движения и сотни тысяч людей видят в «Подemos» орудие борьбы за общественные перемены. Уже на выборах в Европарламент в мае 2014 г. «Подemos» получила 1,2 млн (7,8%) голосов и провела пять депутатов.

Успех «Подемос» объясняется тремя причинами. Во-первых, она открыто отвергает антидемократизм старых партий, выступает за политическую альтернативу диктату «тройки» (Европейский центральный банк, Еврокомиссия и Международный валютный фонд) и бичует коррумпированную «касту» – правящих испанских политиков и бюрократов. Во-вторых, она практикует прямое демократическое участие при выдвижении кандидатов, выработке политики и избрании руководителей, что позволило услышать голос простого человека, далёкого от правящих партий. В-третьих, «Подемос» умело развернула информационное наступление в СМИ и социальных сетях.

Массовая база партии образуется прежде всего за счёт Испанской социалистической рабочей партии (СП) и «Объединённых левых» – основанной в 1986 г. избирательной коалиции, занимающей позиции левее СП и включающей Коммунистическую партию, отколовшихся социалистов и «зелёных». СП попыталась произвести перестановки в своём руководстве, одновременно выказывая готовность достичь с НП договорённостей, направленных на укрепление существующей системы. ОЛ пытается восстановить свои позиции и заключить союз с «Подемос».

В декабре 2014 г. за «Подемос» готово было проголосовать 18–22% избирателей, что могло дать ей второе или даже первое место на парламентских выборах. Однако первыми для «Подемос» стали региональные выборы в Андалузии в марте 2015 г., на которых она заняла только третье место. Одной из слабостей партии стала её популистская риторика, осуждающая «касту». Такую же антикоррупционную и антибюрократическую риторику использовала и новая правая партия «Граждане», благодаря этому собравшая многие тысячи голосов.

За год «Подемос» пережила беспрецедентный рост и сейчас имеет более 208 тыс. членов и более тысячи «кружков» (местных отделений). В октябре 2014 г. «Подемос» провела Гражданскую ассамблею, которая утвердила политический курс и организационную структуру партии. Около 7 тыс. членов «Подемос» собрались в Мадриде и представили свои программные предложения и проекты резолюций по структуре партии. Они были вынесены на онлайн-голосование, около 112 тыс. человек проголосовало за предложения, около 107 тыс. – за резолюции. Хотя «Подемос» тоже критиковали за недостаток демократизма, в целом она – организация, дающая людям возможность прямого участия.

Трудные альтернативы

Нынешний системный кризис создаёт социально-политический климат, какого не было уже десятки лет. «Подемос» остаётся силой, угрожающей покончить с 30-летней эрой попеременного правления правых и социалистов. Если она придёт к власти, как «Сириза» в Греции, это станет абсолютной аномалией в истории европейских двухпартийных систем.

Перед «Подемос», если она намеревается стать реальным двигателем перемен, а не просто избирательной машиной, стоят три задачи: 1) организовать уже мобилизованные силы; 2) разработать конкретную и практическую политическую программу; 3) заручиться поддержкой широких слоёв населения как избирателей и участников социальных мобилизаций.

Одобрённый Генеральной ассамблеей план действий не имеет с этими задачами ничего общего, но судьба «Подемос» зависит ещё от многих внутренних и внешних факторов. Эволюция партии носила и носит противоречивый характер. С одной стороны, она опирается на слои населения, симпатизирующие левым и их новым демократическим организациям, а самые активные члены партии готовы вести работу, выходящую далеко за пределы избирательных кампаний. С другой стороны, руководство хочет полностью сосредоточиться на выборах, для чего ему необходимо нейтрализовать любой демократический контроль в партии.

При утверждении предложений руководства Гражданская ассамблея разрешила только голосование «за» или «против», без внесения поправок или сведения документов воедино, так что процедура была с самого начала дискредитирована. Было внесено более 200 документов, но большую часть из них делегаты даже не читали. Общих прений не было, а без них формальная демократия, пусть даже в голосовании участвовало более 110 тыс. человек, убила демократию реальную. В «Подемос» вообще нет места живым дискуссиям, а виртуальные прения не могут их заменить.

Несмотря на всё это, возникли два альтернативных организационных подхода, а в сущности – два разных видения политического будущего «Подемос». Первый предложил лидер партии Пабло Иглесиас, поддержанный подавляющим большинством. Он делает ставку на участие «Подемос» в выборах 2015 г., полагая, что нынешний политический кризис скоро закончится, поэтому нужно успеть использовать «окно возможностей»,

пока оно не захлопнулось. Для этого, по его мнению, партии необходимо централизованное руководство, которое не обязано отвечать на критику снизу. Руководство не отводит «кружкам» никакой роли и рассчитывает на широкую поддержку, которой пользуется лично Иглесиас, на его контроль над пресс-службой партии, которая может обнародовать любую его инициативу через голову местных отделений.

Нынешние лидеры «Подемос» уверены, что это они построили партию и выиграли выборы, что только они способны реализовать социальную и политическую программу партии, поэтому они незаменимы. Главной задачей Иглесиас и его команда считают победу на выборах, для чего необходимо смягчить программные требования, тем самым завоевать центристский электорат и отобрать избирателей у социалистов.

Второй подход предложили депутаты Европарламента Пабло Эченике, Тереса Родригес и Лола Санчес, которые считают, что «Подемос» должна иметь на всех уровнях коллегиальное и представительное руководство, а приоритетом должно быть построение социально-политического движения.

Ассамблея приняла политическую декларацию, которая содержит верный анализ политической ситуации, но в ней нет конкретных предложений, есть только тезис о том, что победа на парламентских выборах 2015 г. важнее всего остального. Главной задачей «Подемос» становится наращивание избирательного аппарата, причём без участия в муниципальных выборах весной этого года. Это может оказаться серьёзной политической ошибкой, поскольку муниципальные выборы играют важную роль в расстановке политических сил. Больше в документе нет ничего – почти не затронуты вопросы стратегии и программы, нет оценки социальных движений.

Ассамблея одобрила очень привычную, иерархическую и жёсткую структуру (устав) партии, во главе которой стоят Гражданский совет, секретариат и генеральный секретарь. Устав допускает отзыв выборных лидеров партии; свободное участие в принятии решений провозглашается, но остаётся фикцией, поскольку не предусмотрены ни внутрипартийные дискуссии, ни возможность выдвигать инициативы на местном или региональном уровнях. Принятие решений сведено на уровень онлайн-голосования, то есть демократия становится плебисцитом. Всё это означает, что позиция партии будет определяться и оглашаться через СМИ центральным

руководством. В результате внешне демократическая организация превращается в пространство неравных возможностей, где нет контроля со стороны рядовых членов и равного доступа к СМИ.

Настоящее и будущее «Подemos»

Гражданская ассамблея стала началом нового этапа, имеющего три отличительных черты: превращение «Подemos» в централизованную иерархическую партию, исключение радикальных левых из руководства и жёсткая, в ущерб всему остальному, ориентация на парламентские выборы 2015 г. Вести кампанию будет центральный избирательный штаб под началом Иглесиаса, а онлайн-плебисциты, как это и происходило до сих пор, будут одобрять его решения. Эта стратегия строится на учёте «избирательных реалий», «здоровом смысле» и уровне сознания большинства населения.

«Подemos» – не боевая партия и не партия перемен, это новый тип «выборной» партии, которая постоянно приспосабливается к предвыборным задачам, стремясь завоевать средний класс и повысить избирательную респектабельность, отодвигая задачи социального движения на задний план. Партия, собиравшаяся набрать на выборах большинство по принципу «народ против касты» или «массы против олигархии», сама сводит это намерение на нет, взывая к «национальному народному единству». Желание заполнить вакуум, созданный провалами обеих основных партий и кризисом режима, вполне разумно, но оно заставляет лидеров «Подemos» выглядеть «реалистичной» и «ответственной» альтернативой, а для этого выхолащивать ключевые пункты платформы, с которой партия шла на европейские выборы. Чем лучше перспективы «Подemos» на выборах, тем умереннее становится её программа, тем больше сама она превращается в партию «на любой вкус».

Проект экономической программы «Подemos», кейнсианский – экономически и социал-демократический – политически, стал признаком сдвига партии на социал-демократические позиции, с которых она начала конкурировать с СП за политический «центр». Популистская стратегия руководства, с прямым обращением к электорату, может быть универсальной и легко позволяет приспосабливать призывы и предложения с учётом наибольшей выгоды в каждый данный момент. «Подemos» нельзя считать

антикапиталистической партией или даже партией, стремящейся стать антикапиталистической. Скорее это национально-народная, антинеолиберальная политическая сила, нацеленная на демократический слом «режима-1978». Что касается социальной мобилизации, то до сих пор руководство «Подemos» занимало двойственную позицию. Правда, её вновь избранный Гражданский совет организовал 31 января 2015 г. демонстрацию на площади Пуэрта-дель-Соль в Мадриде, в которой приняли участие сотни тысяч человек. Однако задачи акции не были точно определены, скорее, она была предпринята с целью продемонстрировать степень поддержки «Подemos».

«Подemos» и другие левые

«Эффект “Подemos”» проявился в одном из главных профобъединений – Профсоюзной конфедерации рабочих комиссий (ПКРК), где возникло течение «Вернём ПКРК». В своём манифесте, подписанном более чем тысячей профсоюзных делегатов, движение потребовало отставки генерального секретаря ПКРК, оно выступает за возрождение «профсоюзов классовой борьбы» и за прекращение «социального диалога» с предпринимателями. «Левые антикапиталисты», несмотря на серьёзные разногласия с руководством «Подemos», пока не могут позволить себе отказ от неё как политической альтернативы.

В октябре 2014 г. Гражданская ассамблея «Подemos» приняла подержанную Иглесиасом резолюцию, запрещающую руководящим функционерам «Подemos» состоять в других партиях. Это было сделано с целью подрвать влияние в партии таких организаций, как «Левые антикапиталисты». Ввиду этого ЛА на своей конференции в январе 2015 г. приняла решение о преобразовании из политической партии в ассоциацию «Антикапиталисты», члены которой продолжают активно работать в отделениях «Подemos» по всей стране.

«Подemos» – это пик радикального левого движения за многие годы и важный фактор в борьбе против «режима-1978» и «экономиицида», навязанного международными финансовыми институтами. Поэтому левые и антикапиталисты должны присоединяться к партии и строить её на таких основах, как внутренняя демократия, массовое политическое участие рабочего класса, разрыв с существующей политической системой и взаимодействие с социальными движениями.

Лучший способ спасти «Подemos» от превращения в машину для завоевания выборных государственных должностей — укреплять «кружки», вовлекать партию в борьбу против политики правительства и превратить её в орудие социальной трансформации. Антикапиталисты должны сотрудничать с членами «Подemos», разделяющими идеи массового движения, самоорганизации угнетённых, демократизации и усиления левого фланга. Необходимо оживить активистские структуры партии и противостоять попыткам руководства ограничить роль рядовых членов.

Успех «Подemos» на европейских выборах и её стремительный прорыв в политику имели большое значение для европейских левых антикапиталистов. **Превращение «Подemos» в реальную антикапиталистическую силу будет важно для всех, кто ставит своей целью создание антикапиталистической альтернативы по всей Европе.**

Оригинал статьи опубликован в журнале International Socialist Review

Перевод Олега Теребова

Ли Бертайзюм, журналист

ДЖАСТИН ТРЮДО: ЯРКИЙ ПОБЕДНЫЙ ВЫХОД

В Канаде на выборах в федеральный парламент победу одержала центристская Либеральная партия, потеснившая правившую два парламентских срока Консервативную партию. На третье место традиционно вышла левая Новая демократическая партия. Лидером либералов является 42-летний Джастин Трюдо — сын культового премьер-министра Пьера Элиота Трюдо (1919–2000), возглавлявшего Канаду в общей сложности 15 лет и по праву считающегося отцом социального государства, которым страна стала в годы его правления. Премьерство Джастина Трюдо продлится 4 года.

Монреаль. «Солнечные дни, мои друзья, солнечные дни». Цитируя эти слова Уилфрида Лурье, Джастин Трюдо начинает писать новую главу

истории Канады, завоевав беспрецедентное большинство на парламентских выборах и поставив тем самым точку в правлении консерваторов, длившемся почти 10 лет.

Выступая вместе с женой Софией Грегуаре-Трюдо в зале, набитом избирателями, Трюдо торжественно заявил, что Либеральная партия Канады обязана своей победой заявкой граждан на перемены. «Надежда победила страх, – сказал Трюдо под громкие аплодисменты. – Безразличие побеждено тяжелой работой. Негативная политика уступила положительным устремлениям, целью которых является укрепление единства канадцев. И самое главное: канадцы поверили, что достойны лучшей жизни».

Это была великолепная победа Трюдо и Либеральной партии. Ее результаты во время предыдущих выборов 2011 г. были такими, что партия казалась безнадежной. К моменту начала нынешней избирательной кампании либералы отставали от Новой демократической партии NDP, уже готовой монополизировать в своих целях стремление канадцев к переменам. Политическое будущее Трюдо было под большим вопросом.

Однако лидер либералов, ставший мишенью бесчисленных атак консерваторов в течение последних двух лет и в особенности последних недель предвыборной гонки, подчеркивает, что благодаря сочетанию «позитивной политики» с кропотливой работой достигнута победа и доказано, что канадцы ожидают большего от своего правительства и премьер-министра. **«Это то, на что способна «позитивная политика», – сказал Трюдо. – А также позитивное осмысление реальности, четкая платформа и сплоченная команда. Во всех концах нашей прекрасной страны канадцы высказались предельно ясно. Время перемен, друзья мои. Реальных перемен».** Либералы-инсайдеры предсказывали, что усилия Трюдо в ходе предвыборной гонки будут щедро вознаграждены голосами избирателей.

Однако результаты выборов показали такой взлет популярности Либеральной партии, который превзошел самые смелые ожидания. Либералы одержали уверенную победу в Квебеке и вернули свой прежний «электоральный бастион» в Торонто и пригородах. Бывший радиоведущий Симус О'Риган и некогда федеральный депутат-консерватор Билл Кейси на-

ходились в рядах новых членов Либеральной партии. Неоспоримый успех либералов в Квебеке вызвал особое удивление, поскольку считалось, что многие жители провинции до сих пор не могут простить Трюдо-старшему введения акта о военном положении в 1970-м.

Многие жители Квебека также хранят не лучшие воспоминания о коррупционном скандале, прогремевшем в тот период, когда страну возглавлял либерал Жан Кретьен. **В минувшее десятилетие на Парламентском Холме раздавалось много речей, преисполненных резкости и раздражения, в чем многие винили Харпера и его консерваторов. В своей победной речи Трюдо пообещал перевернуть эту страницу.** Он поблагодарил лидера Консервативной партии Стивена Харпера и лидера NDP Тома Мулкейра за то хорошее, что они приносят стране, после чего, обратившись к своим избирателям, напомнил: «Консерваторы нам не враги. Они наши соседи».

Впереди у Трюдо четырехлетний мандат премьер-министра и вызовы, причем некоторые из них требуют незамедлительного ответа. Во-первых, формирование кабинета, в котором, как обещал Трюдо, сохранится прежнее количество мужчин и женщин. Трюдо необходимо тщательно подготовиться к нескольким зарубежным поездкам, начиная с заседания G20 и встреч Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Турции и на Филиппинах. Трюдо пообещал, что возглавит основную делегацию Канады на следующем раунде переговоров в Париже по проблеме изменения климата. Трюдо заявлял, что его первые изменения в законодательстве коснутся снижения налогов для граждан со средним доходом. Победный выход либералов еще недавно казался невероятным. Но популярность партии взлетела, подобно ракете, после того как в апреле 2013 г. ее лидером стал Трюдо. Несмотря на атаки консерваторов, а также на собственные оплошности, такие как похвалы в адрес авторитарного правительства Китая, в ближайшие два года либералы будут лидерами общественной поддержки.

Оригинал статьи опубликован в газете The Ottawa Citizen

Перевод Станислава Варыханова

Дмитрий Галкин, политический аналитик

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В АМЕРИКАНСКОЙ КАМПАНИИ

В конце августа 2015 г. в Кливленде (штат Огайо) прошли первые теледебаты претендентов на пост президента США от Республиканской партии, которые из-за большого числа кандидатов были разделены на две части. Сперва выступили политики с более низким рейтингом, а за ними, в прайм-тайм, – десять претендентов, пользующихся наибольшей поддержкой.

Организацию мероприятия Национальный республиканский комитет доверил общенациональному телеканалу Fox News (3 августа форум, на котором кандидаты высказывались по интересующим их вопросам, транслировался сетью кабельных и спутниковых каналов C-SPAN). Дискуссия с участием десяти наиболее популярных кандидатов вызвала большой зрительский интерес: за ней следили в прямом эфире 24 млн человек. Очевидный успех первых республиканских теледебатов (они собрали рекордное число телезрителей) привлек к ним внимание журналистов из разных стран: они принялись пересказывать и толковать самые важные высказывания участников дискуссии, продолжавшейся почти полтора часа.

Правда, подавляющее большинство российских и украинских СМИ выступления республиканцев не заинтересовали. Их внимание привлекли только отдельные фразы двух кандидатов относительно военной поддержки Украины. Действительно, известный нейрохирург Бен Карсон и губернатор штата Висконсин Скотт Уокер пообещали в случае своего избрания предоставить Украине оружие. Но из этого вовсе не следует, что этот вопрос представляет важность для избирателей Республиканской партии, а ее ведущие политики реально собираются оказать Киеву существенную помощь. Нельзя забывать, что Бен Карсон и Скотт Уокер обращаются прежде всего к наиболее консервативной части сторонников Республиканской партии. Бен Карсон заявил о присоединении к республиканцам только в ноябре 2014 г., объяснив это решение прагматическими соображениями, в том числе желанием выставить свою кандидатуру на президентских выборах 2016 г. А Республиканская партия нуждается в таком политическом

деятеле, как Бен Карсон. Черный, добившийся профессионального успеха, придерживающийся крайне консервативных взглядов, выступающий с религиозных позиций, может привлечь представителей черного меньшинства (в своем большинстве не доверяющих «Великой старой партии») и в то же время не отпугнет традиционных избирателей республиканцев.

Главное – критиковать Обаму

Однако Бен Карсон, несмотря на то что он уже успел завоевать популярность и стать известной медийной фигурой, только начинает политическую карьеру. Ему нужно думать не об увеличении числа избирателей, а о создании устойчивой группы сторонников, разделяющих его взгляды. Поэтому он выступает с жестких консервативных позиций даже по таким важным для американских избирателей вопросам, как свободная продажа оружия (Бен Карсон против какого-либо ограничения Второй поправки, но за определенный контроль в районах с высоким уровнем преступности) и создание государственного здравоохранения (Карсон резко критикует Обаму за то, что он пытался двигаться в этом направлении). **Внешнеполитические проблемы, как известно, значительно меньше волнуют граждан США, чем экономические и социальные вопросы, и главная задача радикальных консерваторов вроде Бена Карсона состоит не в том, чтобы предложить реалистический план действий на международной арене, а в том, чтобы показать полную несостоятельность курса Обамы.**

Главная мысль Карсона состоит в том, что из-за нерешительности и непоследовательности действующего президента США лишились уважения в мире. «Наши друзья нам больше не могут доверять», – заявил Карсон на теледебатах в Кливленде. Соглашение по ядерной программе с Ираном, с его точки зрения, нанесло удар по Израилю, который консервативные республиканцы считают главным союзником США. Обама, по мнению Карсона, был обязан предоставить Украине наступательное вооружение, поскольку украинское руководство отказалось от ядерного оружия, полагаясь на защиту со стороны США. Радикальные консерваторы, взгляды которых выражает Карсон, выступают за безусловное военно-политическое доминирование США на мировой арене, но не слишком одобряют американское вмешательство в международные конфликты (в том случае, если они не затрагивают напрямую американские интересы). Поэтому Карсон

не заявил о своем намерении коренным образом изменить курс нынешней администрации, которая отказывается предоставлять Украине военную поддержку, но при этом наращивает давление на Россию, решая таким образом собственные стратегические задачи. Бен Карсон ограничился лишь обещанием в случае избрания на пост президента «первым делом укрепить вооруженные силы».

Губернатор штата Висконсин Скотт Уокер, хотя и моложе Бена Карсона на пятнадцать лет, политик более опытный, чем бывший нейрохирург. Уокер хорошо знает, как нужно проводить избирательные кампании. В 2012-м он смог отстоять свой губернаторский пост на досрочных выборах, которые были назначены по требованию избирателей (было собрано почти 300 тыс. подписей за переизбрание Уокера после того, как он серьезно ограничил права профсоюзов). Нужно отметить, что Уокер стал первым в истории США губернатором, сумевшим выиграть досрочные выборы. Успех (хотя бы относительный) на нынешних республиканских праймериз откроет Уокеру путь в высшие круги американской политики. Для него, конечно, было бы лучше всего стать кандидатом в вице-президенты. Но для этого Уокеру нужно показать потенциальному победителю (а им, несмотря на внезапный успех Дональда Трампа, скорее всего, станет Джеб Буш), что он может принести дополнительные голоса. Поэтому губернатору Висконсина нельзя ограничиваться резкими заявлениями, ему нужно показать, что он является опытным государственным деятелем, способным завоевать поддержку значительного числа избирателей. Джеб Буш выступает с довольно умеренных позиций. Благодаря этому у Уокера, который является жестким консерватором, появилась возможность доказать, что он может быть полезен будущему кандидату от республиканцев. Правитель «молочной страны» (так в шутку называют Висконсин, где производится примерно четверть американского сыра) должен добиться высокого электорального рейтинга, что предполагает проведение полноценной избирательной кампании. Внешняя политика для Уокера – слабое место. Это, конечно же, не может быть серьезной проблемой для губернатора Висконсина. Но для политического деятеля, ведущего борьбу за выдвижение на пост вице-президента, это может стать серьезным препятствием.

Нужно отметить, что избирательная кампания началась для одного из лидеров «Чайной партии» (массового консервативного движения в США)

с довольно чувствительного удара, связанного как раз с плохим знанием внешнеполитической проблематики. В феврале 2015 г. корреспондент канала ABC News Марта Раддац, входящая в когорту наиболее известных журналистов-международников США, спросила Скотта Уокера, одного из самых жестких критиков курса действующего президента, в чем заключаются его собственные предложения по «сирийской проблеме». Как выяснилось, сколько-нибудь интересные идеи у губернатора Висконсина отсутствуют. Теперь Уокер выступает с подробной программой действий, в том числе и на «восточноевропейском направлении». На дебатах в Кливленде он пообещал, что, став президентом, он предоставит Украине военную помощь, разместит военные базы в Польше и странах Балтии, а также установит систему противоракетной обороны в Польше и Чехии.

Ближний Восток в приоритете

Однако для американских политиков (как с геополитической, так и с электоральной точек зрения) наибольшую важность представляет Ближний Восток, где Уокер считает также необходимым увеличить американское присутствие. В этом вопросе взгляды Уокера совпадают не только с позицией Джеба Буша, но и с намерениями Хиллари Клинтон. **Независимо от того, кто победит в президентской гонке, вмешательство США в ближневосточные события значительно усилится.** Правда, губернатор Висконсина и в отношении «сирийской проблемы» придерживается крайне жесткой позиции: он не исключает возможности американского вторжения в Сирию. Подобная **расстановка внешнеполитических приоритетов (ее разделяет большинство ведущих политиков США – как демократов, так и республиканцев) открывает дорогу к соглашению с Россией, предусматривающему российскую поддержку американских действий на Ближнем Востоке в обмен на уступки Вашингтона на «украинском направлении».**

Естественно, этот компромисс (которого добивается и нынешняя американская администрация) может быть достигнут только за счет действующей украинской власти. Но украинское руководство, вместо того чтобы начать собственную игру, попытаться самостоятельно договориться с лидерами самопровозглашенных республик и предложить различные варианты урегулирования «крымского вопроса», продолжает рассчитывать на помощь со стороны США.

В случае победы Джеба Буша (это единственный республиканский кандидат, способный обойти Хиллари Клинтон) американская внешняя политика, безусловно, изменится. Но эти изменения затронут прежде всего Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион и практически не скажутся на положении Украины. Если Вашингтон и окажет ограниченную поддержку Киеву, то только для того, чтобы договориться с Кремлем по вопросам, имеющим для США первоочередную значимость. И подобный курс будет проводиться даже в том случае, если вице-президентом станет такой консервативный политик, как Скотт Уокер или Тед Круз. Кстати, сенатор от Техаса на прошедших теледебатах также жестко критиковал внешнеполитическую деятельность Обамы. По мнению Круза, действующий президент позволил укрепиться главным противникам США: «Исламскому государству», Ирану, Китаю и России. Однако для Круза важно, чтобы Америка противодействовала оппонентам на глобальном уровне, прежде всего в экономической сфере.

Энергетические акценты

Поэтому еще в начале 2014 г., когда противостояние с Россией только начиналось, Круз заявил, что ключевую важность приобретает энергетическая политика (нужно отметить, что главными спонсорами техасского сенатора являются нефтяные и газовые компании). Поэтому Круз выступает за снятие запрета на экспорт сырой нефти и природного газа и поддерживает строительство магистральных трубопроводов, благодаря которым добывающие компании смогут получить доступ на внешние рынки.

Во внешней политике один из наиболее популярных лидеров американских консерваторов, по его собственным словам, занимает позицию между более умеренным Рэндом Полом, который придерживается изоляционистских воззрений, и Джоном Маккейном, выступающим за активное военное вмешательство для защиты американских интересов. Безусловным приоритетом для сенатора от Техаса является уничтожение «Исламского государства». Ради этого он даже готов отказаться от борьбы с режимом Асада, которая, по мнению Круза, мешает США сосредоточиться на противостоянии с исламистами.

Что касается двух наиболее популярных умеренных кандидатов – сенатора от Кентукки Рэнда Пола и бывшего губернатора Флориды Джеба

Буша, то они вообще мало говорили о внешней политике. Пол, который разделяет концепцию Рональда Рейгана о достижении долгосрочного мира посредством усиления американской военной мощи, ограничился общими замечаниями.

Впрочем, позиция Пола хорошо известна: он выступает за то, чтобы конфликты и противоречия урегулировались дипломатическими средствами. Военное вмешательство он рассматривает как исключительную меру. Джеб Буш из-за недостатка времени вообще старался не касаться внешнеполитических вопросов. Он предложил собственную стратегию экономического роста, призвал завершить строительство нефтепровода «Кистоун», связывающего месторождения США и Канады с Мексиканским заливом (правительство США пока дало разрешение на прокладку очередной ветки), выступил против того, чтобы федеральные власти определяли стандарты в сфере образования. Однако Джебу Бушу не удалось затмить своего главного противника – миллиардера Дональда Трампа. Согласно опросу, который провело агентство «Рейтерс», он стал победителем теледебатов в Кливленде, получив поддержку 23,4% зрителей (в поддержку Буша высказались 12%, а Уокера, который стал третьим, 10,2%).

Победа Трампа в праймериз будет катастрофой не только для Буша, но и для Республиканской партии в целом. Если кандидатом от республиканцев станет популист, открыто сделавший ставку на политическую клоунаду, партия может надолго лишиться поддержки значительной части избирателей. Поэтому Бушу необходимо сосредоточиться на экономических проблемах, которые больше всего тревожат американцев. Кроме того, бессмысленно вести внешнеполитические дискуссии с Трампом, утверждающим, что Китай намеревается разрушить американскую экономику путем девальвации юаня.

Однако то, что внешнеполитические проблемы (в том числе «украинский вопрос») не будут занимать центрального места в американской избирательной кампании, вовсе не означает, что политическая верхушка США откажется от крупных геополитических проектов. Однако ее реальные планы мало напоминают те иллюзии, которым предается украинская власть.

Стратегия американской администрации, направленная на сдерживание России, скорее всего, будет основываться на подходе, который

предлагается в статье Марка Галеотти, опубликованной в начале августа в журнале *Foreign Affairs*. Марк Галеотти, один из наиболее влиятельных экспертов по вопросам российской политики, основатель и главный редактор журнала «Международная преступность» (*Global Crime*), консультирует правительственные структуры нескольких государств. Поэтому его концепция отражает консолидированную позицию западной политической элиты. В своей статье «Необходима новая стратегия в отношении России» (*Time for a New Strategy in Russia*) Марк Галеотти пишет, что российское руководство только тогда пойдет на уступки, когда будет понимать, что экономические санкции не будут сняты в ближайшем будущем, а изоляция России будет постоянно усиливаться. Поэтому, во-первых, нужно проводить политику, направленную на постепенное, но неуклонное снижение зависимости стран ЕС от российского нефтегазового экспорта.

При этом необходимо заблаговременно обозначить долгосрочные цели, чтобы снизить готовность инвесторов вкладываться в соответствующие отрасли российской экономики. Во-вторых, следует продемонстрировать с помощью жестов, не имеющих практической важности, но обладающих символическим значением, что Запад готов к длительному противостоянию с Россией. Для этого нужно разместить в странах Балтии военные формирования НАТО, обладающие тяжелым вооружением, и открыто объявить, что американская система ПРО, размещаемая в Европе, направлена главным образом против России (а не против Ирана, как утверждалось ранее). В-третьих, нужно окончательно отрезать российские банки и корпорации от финансовых ресурсов Запада и лишить российских олигархов, тесно связанных с властью, возможности приобретать собственность в США и странах Европы. Одновременно, полагает Галеотти, следует развивать внешнеполитическое сотрудничество с Россией по тем вопросам, которые представляют важность для США, вовлекать Кремль в противостояние с «Исламским государством», вести переговоры по вопросам международной безопасности. **Добиваясь компромиссов и соглашений по отдельным вопросам, Запад должен продемонстрировать свою готовность к взаимодействию, к развитию взаимовыгодных контактов и связей. В результате российская политика в отношении Запада станет более прагматичной, а сторонники жесткого противостояния с США и ЕС утратят свои позиции, убежден эксперт.**

Мечты или иллюзии?

Как можно заметить, в этой внешнеполитической концепции (которая во многом совпадает с нынешним курсом американской администрации и предложениями умеренных республиканцев) Украине вообще не отводится места. Если, конечно, не учитывать того, что соглашения с Кремлем, на которые предлагает пойти Галеотти, чтобы продемонстрировать прагматичность Запада, будут заключаться прежде всего за счет Киева. Это, конечно, не соответствует представлениям украинской власти, все еще предающейся мечтам о грядущей военной поддержке со стороны США и постоянно педантирующей эту тему в своей внешнеполитической пропаганде.

При этом украинское руководство, похоже, не понимает, что, подпитывая таким образом ощущение россиянами западной угрозы, Киев тем самым побуждает их терпеливо переносить социально-экономические трудности. Поэтому, как это ни парадоксально, Москве выгодны рассуждения американских радикальных консерваторов о необходимости предоставления Украине военной помощи. Но чего пытаются добиться украинские медиа, выдавая высказывания радикальных консерваторов за позицию Республиканской партии? Если собственникам украинских СМИ кажется, что они оказывают услугу власти, то они ошибаются.

Украинское руководство и без того подменило внешнюю политику пустыми мечтаниями и громкими фразами. И только четкое понимание того, что Украина не занимает какого-либо важного места в американских внешнеполитических планах, может вернуть Киев к реальности.

Марина Хайд, журналист

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЫБОРАХ: ПУСТЫЕ ЗАЛЫ И ДЕБАТЫ

«Я не люблю выборы, – рассуждал Уинстон Черчилль, – но благодаря им я узнал жителей этого острова и научился их уважать».

Именно эти слова, видимо, крутились в голове Джорджа Осборна, когда он гладил на заводе в Сомерсете своего тезку – пылесос марки

«Джордж». Тому, кто не подумал при этом «Соберись, тряпка!», просто не понять, насколько три главных партийных лидера страны не попадали в тон настроений избирателей. Им было легче нащупать контакт с пылесосом, чем с нормальным человеком.

Это была кампания пустых залов, обезлюдевших бизнес-парков, чисто вымытых фабричных помещений и нанятых активистов, размахивающих помятыми плакатами и изображающих радость от возможности выступить в роли статистов.

Было легче попасть на бой Джорджа Галловея и Флойда Мейвезера, чем на некоторые предвыборные мероприятия. Нет лучшего способа доказать свою способность решать экономические проблемы страны, чем честно и правдиво сообщить журналистам, что для них не нашлось места в помещении, в котором будет проводиться очередная встреча. Ну да, это ведь всего лишь автомобильный завод, на котором едва разместится княжество Лихтенштейн.

Для многих выборы проходили как бы в далекой галактике – где-то возле базы повстанцев на планете Шотландия. Массивный щит интернет-защиты между двумя звёздными системами удачно маскировал тот факт, что в Шотландии «Сан» призывал голосовать за Шотландскую национальную партию, а в Англии клеймил её как врага.

Шотландия подарила миру самую богатую коллекцию политических селфи; там были настоящие уличные сражения, главными звёздами которых выступали байкеры и рокеры-сепаратисты; там было полно политиков, готовых кормить присутствующих леденцами прямо с руки. В Бристоле и Мейденхедэ люди с ума сходили по лидеру Шотландской национальной партии (ШНП) Николя Старджен, которая вообще не участвовала в общенациональных выборах. Те, кто отдаёт должное метафоричности языка, должны оценить тот факт, что слово «Вестминстер» сегодня может обозначать что угодно – от «Англии» до «педофилии» (с уклоном в «педофилию»).

В южной, консервативной части спектра было видно только Дэвида Кэмерона и Бориса Джонсона. Непонятно, чем так провинились Ян Дункан Смит и Крис Грэйлинг, но, видимо, тори решили придержать их, пока не спадет уровень опасности. Между тем Ник Клег никак не мог понять, чего он хочет – участвовать в выборах или взять годичный отпуск и отдохнуть от политики. Он учился готовить еду, рисовать, помогать в обустройстве

вольера для ежей. Иной день его можно было дважды обнаружить на кухне готовящим карри, рыбные блюда, блинчики. Он разрисовывал керамику, занимал очередь на трамплин. Если у него не пойдут дела в университете Шеффилд Халам, он сможет раздавать таблетки для похудения на вечеринке в честь полнолуния на тайландском острове Панган.

Настоящим гвоздём сезона стало прошение об отставке экс-министра финансов в лейбористском правительстве Лайма Бирна (6 мая 2010 г.) с его коронным «Я боюсь, денег больше нет». Популярность этого письма претендует на место между «Танцами со звёздами» и интервью самого Бирна на телеканале «Скай Ньюз», прозорливо озаглавленное «Я боюсь, в британской политике нет места для юмора».

Опять же ни на дебатах, ни в телевизионных интервью не прозвучало ни одного слова о проблеме иммигрантов – только на первых страницах газет, кружках и любом куске известняка. **Ни один из лидеров не нашел в себе силы выйти за рамки мелких интриг и затронуть драматическую тему гибели иммигрантов в Средиземном море.** Какими бы ни были результаты выборов, уже сейчас можно констатировать: неумеющие говорить унаследуют царство земное.

Сами дебаты напоминали рецидив цистита. Первые выглядели как плохой клип на песню «Возьми меня с собой» группы «Франц Фердинанд» (Глазго) и завершились объятиями лидера «Зелёных» Натали Беннет, лидера Уэльской партии Линн Вуд и лидера ШНП Николя Старджен, радующихся тому, что им не придется идти на свидание с лидером Партии независимости Соединённого Королевства (UKIP) Найджелом Фаражем, который выступал в роли персонажа шутки Криса Морриса на тему хороших и плохих больных СПИДом.

Вторые дебаты можно было назвать дебатами претендентов, поскольку его участники активно призывали Дэвида Кэмерона не быть слабаком и честно сразиться с ними. Третьи, заключительные дебаты продемонстрировали, что аудитория «Правительственного часа» сыта по горло политической болтовней, и отказ допрашивать Кэмерона, Милибенда и Клега можно было истолковать как стремление соблюдать женевские конвенции об обращении с пленными.

Все эти мероприятия напоминали гримёрку, в которую набились многочисленные мастера по манипуляции общественным мнением

и которая благодаря этому напоминала клетку для призраков из «Охотников за привидениями». Исходящая от этих призраков экстрасенсорная пелена покрыла собой не менее 80% населения.

Первые две недели избирательная кампания напоминала коробку шоколадных конфет, из которой никогда не знаешь, что вытянешь, если не считать того, что там обязательно будет ди-джей Джоуи Эссекс.

Эта шоу-звезда была везде, его обошел вниманием только Дэвид Кэмерон. В чем была причина популярности Эссекса? Видимо, его привлекли в политические телепрограммы как раз в тот момент, когда Вестминстер пытался понять, почему всё меньше и меньше людей интересуются политикой. Для политических комментаторов Эссекс, человек, заявивший, что ещё несколько недель назад не знал, кто в стране премьер-министр, был своего рода комедийным персонажем, выступающим с простодушными заявлениями о возвращении либерал-демократов как единственном способе заинтересовать молодежь политикой.

На удачу, вскоре появилась еще одна палочка-выручалочка в лице стендап-комика Рассела Брэнда, который попросил Эда Милибенда объяснить, почему создание Национальной службы здравоохранения не является огромной глупостью. Брэнд, до этого 18 месяцев призывавший сограждан не участвовать ни в каких выборах, на этот раз выступил с агитационными призывами. «Шотландцы не нуждаются в советах англичан», – говорил он. А эти дураки из Англии голосуют за лейбористов, хотя могли бы голосовать за «Зелёных» Каролины Лукас. Совет, естественно, был дан ровно через две недели после того, как закончилась регистрация избирателей. Однако большим хамством было бы не почувствовать благодарность Расселу за его неподражаемое выступление.

Агитация самих партий была несравнимо более скучной. Идти спать с UKIP и просыпаться с лейбористами, идти спать с ШНП и просыпаться с тори... Любой посоветует вам идти в постель с кем-то, кому ты не кажешься сексуально привлекательным, чтобы человек, с которым ты ни в жизнь не захочешь переспать, не выглядывал потом из-под подушки с повисшим во взгляде вопросом «Ну как тебе?». Выборы с этой точки зрения – бесконечно унылый обмен жёнами, особенно если учесть, что Британия весьма вероятно проснется утром в пятницу как минимум с пятью жёнами сразу и следующие две недели будет вынуждена наблюдать за их спорами по

поводу того, кто из них должен остаться. Для тех, кто ещё размышляет, за кого отдать голос, – совет от Дэвида Кэмерона: «Конечно, я предпочёл бы, чтобы вы болели за футбольный клуб «Вест Хэм».

Другие забавные впечатления? Я думаю, никто не смог превзойти Милибенда с установкой в Хастингсе каменной стелы с выгравированными на них требованиями лейбористов – этого, как писал сценарист сериала «В гуще событий», «политического надгробия». С какой стороны ни посмотри – типичнейший вход в Зал Славы провальных политических идей, а также ужаснейший образец садовой скульптуры. Правда, на фоне остальной избирательной кампании, вялой и скучной, «камень Милибенда» обладал одним магическим свойством – он был способен сделать смешной любую шутку на свой счет. Я действительно не встречала ни одной неудачной шутки по этому поводу. Даже самым унылым социальным медиа не удалось пошутить несмешно. Это действительно философский камень, алхимические свойства которого способны превратить скучнейшего тори Эрика Приклса в популярного комика Ричарда Прайора. На этом волшебство, увы, заканчивалось, но и то ладно.

А учитывая, насколько усердно политики обхаживали детей и животных, наиболее точно характер избирательной кампании передала шестилетняя Люси Ховарт, заснувшая во время показательного урока чтения с Дэвидом Кэмероном. Я надеюсь, это Избранное Дитя избавит нас году эдак в 2050-м от убивающих своей скучностью избирательных кампаний. Говори за нас, Люси! За Англию, за всю нацию!

*Оригинал статьи опубликован в газете The Guardian
Перевод Дмитрия Тарбеева*

Дмитрий Галкин, политический аналитик

ОБАМА: URBI ET ORBI

В последние дни президент США несколько раз выступал с программными заявлениями, как по геополитическим вопросам, так и по экономическим проблемам. Суть последних выступлений Ба-

рака Обамы можно свести к утверждению, что США вновь готовы возложить на себя ответственность за сохранение мировой стабильности. Однако Вашингтон не собирается выполнять больше функции мирового жандарма, как это было при президенте Буше. Нынешний американский лидер рассматривает собственную страну как организатора всемирной борьбы со злом, в которой наряду с США будут принимать участие и другие государства, заинтересованные в тесном партнерстве с Вашингтоном.

Разъяснению новой роли Соединенных Штатов в мировой политической системе были практически полностью посвящены последние выступления Обамы. Среди них нужно выделить речь на Генеральной Ассамблее ООН (американский президент произнес ее 24 сентября 2014 г.) и интервью каналу CBS, которое состоялось в воскресенье, 28-го.

Очевидно, что с трибуны Генеральной Ассамблеи Обама обращался к мировому сообществу, к глобальной аудитории, в том числе к жителям стран «третьего мира», которые сегодня вынуждены выбирать между политическими силами, выступающими за проведение прозападного курса, и различными движениями (зачастую имеющими религиозную окраску), которые видят в США своего главного идейного противника.

Уже в конце 2013 г. стало заметно, что в различных странах мира появляются вооруженные формирования, готовые сражаться против глобального доминирования США и их ближайших союзников. Своей ненависти к «Западу» подобные структуры придают идейную окраску, заявляя, что они сражаются против чуждых ценностей и потребительского образа жизни. Однако понять, что именно вызывает у них ненависть, как правило, чрезвычайно трудно, поскольку раздражают их не столько отдельные явления, сколько сам факт экономического и культурного господства западных стран в современном мире.

«Боко харам» (название этой секты переводится как «западное образование – под запрет»), прекратившая в марте переговоры с правительством Нигерии и перешедшая к боевым действиям (20 мая в результате теракта, устроенного «Боко харам» погибли 160 человек), и исламская группировка «Ансар-ад-Дин», контролирующая значительную часть территории Мали, казалось, представляют собой исключительно африканское явление. Трудно было представить, что радикальные антизападные движения, идеология и по-

литическая практика которых напоминают афганский «талибан», установят контроль над значительной территорией Сирии, Ирака, Ливии и Йемена.

Несмотря на то что исламские фундаменталисты активно участвуют в вооруженных конфликтах, развернувшихся в этих странах, складывалось впечатление, что они все же не смогут захватить доминирующее положение. Безусловно, США поддерживали исламских радикалов в Сирии, рассматривая их прежде всего как противников Асада (точно так же они поддерживали ливийские фундаменталистские группировки, воевавшие против Каддафи), но американская помощь не является гарантией резкого военно-политического могущества. Тем более что основную ставку США и их союзники сделали на светские повстанческие группировки, прежде всего на Сирийскую свободную армию.

Однако в октябре 2013 г. ССА была разбита вооруженными формированиями «Исламского государства Сирии и Леванта» (ИГИЛ), которые после этого успеха быстро усилились. Это позволило ИГИЛ начать летом 2014 г. массированное наступление в Северном и Западном Ираке, установить контроль над крупными городами (в том числе над Мосулом, вторым по численности населения городом Ирака) и важными нефтяными месторождениями и объявить в конце июня об образовании нового халифата. Несмотря на то что подобный успех ИГИЛ выглядит практически невероятным, он является своеобразным отражением процессов, идущих на глобальном уровне (а потому представляет огромную угрозу для США и их союзников). Стремительное усиление ИГИЛ связано с тем, что эта секта стоит на радикальных антизападных позициях. А потому может рассчитывать на массовую поддержку.

Речь в защиту западного лидерства

Партии и движения, требующие отказаться от социальных и культурных ценностей современного Запада, набирают силу во всех регионах мира, в том числе и в Восточной Европе, которой, казалось, можно выбирать только между проамериканской или прогерманской ориентацией. Самопровозглашенные ЛНР и ДНР используют идеологические концепции, основанные на враждебном отношении к Западу. Их поддержка (по крайней мере, на первом этапе) частью жителей Донецкой и Луганской области во многом объясняется тем, что сепаратистские образования воспринимались

как альтернатива Киеву, который рассматривает евроинтеграцию как главную цель своей внешней политики.

Жителями Донбасса, выступающими против интеграции Украины в евро-атлантическое пространство, движут те же опасения, что подталкивают молодых иракских и сирийских суннитов к присоединению к ИГИЛ. Люди боятся утратить социальные перспективы в случае сохранения в глобальной экономике нынешних тенденций (напрямую связанных с доминированием Запада) и пытаются заглушить страх перед будущим ненавистью к западному миру, в котором видят главную угрозу собственной идентичности и привычному образу жизни.

Нужно сказать, что подобные представления (какими бы архаичными они ни выглядели) опираются на современные реалии: **западные страны проводят крайне эгоистичную экономическую политику. Они сумели переложить всю тяжесть глобального экономического кризиса на плечи государств «третьего мира».** Кроме того, технологический разрыв между наиболее развитыми странами и остальным человечеством в ближайшие годы может еще больше увеличиться. И есть все основания предполагать, что западные державы вновь используют эти преимущества (новые способы автоматизации производства, возможность создания новых организмов и революционные открытия в медицине) исключительно для собственной выгоды, не задумываясь о возможных последствиях для развивающихся стран.

Если США и их союзники не смогут убедить «третий мир» в том, что они готовы заботиться о благосостоянии всего человечества, то число противников «западных ценностей» будет и дальше увеличиваться. А это угрожает расширением военных конфликтов (так, уже сегодня существуют опасения, что ИГИЛ может начать боевые действия в Ливане, Пакистане и даже в Китае) и появлением новых государственных образований, враждебных Западу.

В перспективе может возникнуть даже угроза жесткой конфронтации между государствами, стремящимися к сотрудничеству с США и странами, которые под влиянием радикалов будут проводить жесткую антизападную политику. Это неизбежно приведет к дестабилизации на глобальном уровне, которая может привести к печальным экономическим последствиям.

Поэтому речь Обамы на Генассамблее была направлена на оправдание глобального доминирования США и сложившейся на этой основе мировой политической системы. Американский президент сперва подробно описал прогрессивные изменения последних десятилетий, которые, как можно было понять из его речи, непосредственно связаны с практическим воплощением идей и ценностей, возникших в рамках западной цивилизации. При этом нет никаких оснований предполагать, что социальный прогресс, затронувший все страны мира, в будущем прекратится, несмотря на появление новых глобальных вызовов и проблем. Мировое сообщество, объединив усилия, сумеет их разрешить.

Какие же насущные проблемы кажутся Баракку Обаме наиболее важными?

Набор, на первый взгляд, выглядит несколько странным: вирус Эбола, агрессивная политика России и зверства террористических группировок в Сирии и Ираке.

Однако при ближайшем рассмотрении этот список выглядит выверенным и продуманным. Определение указанных проблем как наиболее важных с точки зрения глобальной стабильности позволяет, с одной стороны, обеспечить внутреннее единство западного мира (оно вследствие экономического кризиса также оказалось под угрозой). С другой – продемонстрировать стремление Запада содействовать повышению качества жизни в развивающихся странах.

Обама, впрочем, замечает, что отмеченные им вызовы являются симптомами широкой проблемы, которая, на его взгляд, состоит в том, что существующая глобальная система не позволяет обеспечить сравнимые темпы развития различных регионов мира. В условиях, когда взаимозависимость между странами и континентами постоянно растет, социальные проблемы, осложняющие жизнь одного мирового региона, превращаются в угрозу для всего человечества. Впрочем, не стоит воспринимать это утверждение как критику нынешнего миропорядка, сформировавшегося под сильным американским влиянием. Обама таким образом пытается обосновать необходимость срочной помощи развивающимся (прежде всего, африканским) странам в развитии системы здравоохранения.

Борьба с лихорадкой как повод для добрых дел

Трудно сказать, существует ли реальная угроза эпидемии лихорадки Эбола за пределами Западной Африки. Скорее всего, Обама придал борьбе с этим заболеванием столь большое значение не столько по медицинским, сколько по политическим соображениям. Президент США хотел бы, чтобы мировое сообщество помогло улучшить развивающимся странам систему здравоохранения. В нынешних условиях, когда многие государства ЕС столкнулись с необходимостью снижать социальные расходы, обосновать подобный призыв можно только наличием глобальной угрозы, которая затрагивает, в том числе, жителей наиболее благополучных регионов Земли.

Вряд ли стоит рассматривать подобное желание помочь африканским странам как попытку остановить китайскую экспансию в Африке. Но показать, что западный мир также способствует развитию континента (причем в отличие от Китая занимается этим исключительно из гуманных соображений), для США было бы очень важно. Это позволило бы, не вступая в конфликт с Пекином, сохранить свои позиции в наиболее важных странах. Кроме того, Африка занимает важное место во внешнеполитическом курсе ряда европейских государств (в том числе Франции и Великобритании). А это значит, что администрация получила бы великолепную возможность для совместной деятельности с европейскими структурами, что, несомненно, укрепило бы единство западного мира.

Судя по всему, вопросам, связанным с усилением внутренней сплоченности Запада, администрация США придает решающее значение. Угроза утратить влияние в важнейших регионах Земли из-за роста антизападных (прежде всего, антиамериканских) настроений заставила Вашингтон заняться модернизацией мировой политической системы, в которой США отводят себе главную роль.

В отличие от своего предшественника Джорджа Буша Барак Обама не собирается выполнять функции мирового жандарма, наказывающего нарушителей спокойствия и порядка. Он, конечно же, не собирается отказываться от идеи американского лидерства. Но теперь оно, судя по всему, будет заключаться в определении наиболее важных проблем и создании альянсов и коалиций для их решения. При этом для поддержания

глобальной стабильности Обама намерен использовать не только военную силу (как в случае с ИГИЛ), но и методы экономического воздействия (для давления на Россию) и гуманитарные акции (для борьбы с лихорадкой Эбола). И в каждом случае он будет демонстрировать, что действия США поддерживает большая часть человечества, в том числе весь западный мир.

Надежда, порожденная страхом

Как считает Барак Обама, мировому сообществу предстоит сделать выбор: либо согласиться с тем, что оно несет коллективную ответственность за преодоление глобальных проблем, либо смириться с тем, что очаги нестабильности будут множиться и разрастаться, угрожая поглотить цивилизацию. Выбор Америки, по словам Обамы, предельно ясен: она выбирает надежду, а не страх. Она отказывается соглашаться с циничным подходом к событиям и явлениям современного мира и собирается улучшать его посредством коллективных усилий ради подрастающего поколения.

Все это звучит чрезвычайно красиво. Правда, трудно понять: почему всем этим нельзя было заниматься раньше? Обама не дает ответа на этот вопрос. Зато он указывает, почему к улучшению мира нужно приступать незамедлительно: под угрозу были поставлены принципы, на которых была основана ООН. Россия сломала своими действиями послевоенный мировой порядок, присоединив Крым и вмешавшись в вооруженный конфликт в Восточной Украине.

Можно только позавидовать тому, как эффективно воспользовалась американская администрация ошибками российского руководства, которое своими поспешными действиями, рассчитанными на немедленный результат, предоставило США возможность выступить в качестве мирового лидера, защищающего слабые страны от произвола сильных держав. Присоединение Крыма и участие России в вооруженном конфликте на востоке Украины позволили США восстановить контроль над внешней политикой Германии, надолго похоронив идею российско-германского союза, который мог бы гарантировать Берлину практически полную самостоятельность.

Теперь США и их союзники, как следует из речи Обамы, готовы выступить в качестве защитников правды и справедливости. Американская администрация не позволит угрожать безопасности небольших восточно-

европейских стран. Поэтому в ближайшее время будут увеличены силы НАТО, причем заниматься укреплением альянса будут не только США, но и их союзники. Все же остальные государства Обама призвал встать на сторону справедливости и помочь отстоять право государств и народов самостоятельно определять свою судьбу, не опасаясь вмешательства и принуждения извне.

Россия же, как пообещал американский президент, «дорого заплатит за свою агрессию и вернет то, что присвоила при помощи силы». Дело не в том, насколько правильно американский президент оценивает трагические события в Киеве, спровоцировавшие российское вмешательство и вооруженный конфликт в Восточной Украине. **Важнее всего то, что Барак Обама воспользовался действиями Москвы для того, чтобы создать коалицию во главе с США, которая будет проводить согласованную экономическую политику.** Этот опыт (если он окажется удачным) поможет созданию механизма, позволяющего управлять экономическими процессами, поддерживая выгодный США миропорядок.

Кстати говоря, есть очевидные признаки того, что американская попытка объединить Запад для проведения совместной экономической политики, направленной на частичную экономическую изоляцию третьих стран, окажется успешной. Расчеты Москвы на то, что страны ЕС, в конце концов, откажутся следовать рекомендациям США, оказались необоснованными. Отдельные восточноевропейские политики, призывающие руководствоваться прагматическими соображениями, конечно же, погоды не делают. США и ЕС в целом проводят единую линию во всех важных вопросах. Нужно заметить, что речь идет не о санкциях, предусмотренных резолюцией ООН, а о выработке мер экономического воздействия международными структурами, объединяющими ведущие страны западного мира, – «Большой семеркой» и ЕС. Запад вновь, вероятно, впервые после окончания «холодной войны», выступает как единая сила. И задача Обамы состоит в том, чтобы обеспечить поддержку мирового сообщества совместными усилиями западных стран.

Для этого, как для экономической изоляции России, так и для вооруженной борьбы с ИГИЛ, американский президент использует страх перед глобальной дестабилизацией. И если в российском случае ему приходится обращаться к принципам международного права и заниматься теоретиче-

скими рассуждениями, то опасность ИГИЛ очевидна и не нуждается в дополнительных обоснованиях. Призывая к объединению против исламских фундаменталистов, Обама высказывает интересную мысль. По его мнению, религиозные террористы создают иллюзию «столкновения цивилизаций» и тем самым создают опасность разделения человечества по религиозному и расовому признаку. С точки зрения американского лидера, надежды человечества связаны с его способностью сохранить единство. И Обама старательно использует страх перед глобальной нестабильностью, чтобы подарить человечеству надежду.

Внешняя политика для внутреннего пользования

Речь на Генеральной Ассамблее была предназначена для международной аудитории. Но Обама посчитал нужным разъяснить ее основные положения американской аудитории. Правда, изложение для американских избирателей заметно отличалось от мыслей, высказанных с трибуны ООН.

Так, в своем еженедельном обращении к гражданам США (американский президент выступил с ним 27 сентября) Обама, излагая свою внешнеполитическую концепцию, совершенно по-иному расставил акценты. Он полностью отказался от рассуждений о важности коллективных усилий. Мир нуждается в американском лидерстве, поскольку это единственная надежная вещь в изменчивом и опасном мире. Американское руководство необходимо, прежде всего, для того, чтобы разгромить ИГИЛ. С этой целью США создают широкую коалицию, в которую войдут арабские государства (в подобном изложении эта идея мало отличается от внешнеполитической концепции Буша, также любившего создавать «широкие коалиции»). Кроме того, США стремятся объединить мир для того, чтобы остановить российскую агрессию в Украине и победить эпидемию лихорадки Эбола в Африке.

Таким образом, на первое место вновь вышла концепция американского лидерства, и подобный подход Обама сохранил и в своем большом интервью CBS, которое он дал 28 сентября. Данное противоречие объясняется, по-видимому, довольно просто. Следующим кандидатом от демократов на президентских выборах, судя по всему, будет Хиллари Клинтон. Очевидно, что в ее кампании (которая начнется через два-три месяца) внешнеполитическая тематика будет занимать важное место. Необходимость американского лидерства в нынешние сложные времена

может оказаться чрезвычайно выигрышной, поскольку она в перспективе позволит бороться за голоса колеблющихся избирателей (голосующих то за демократов, то за республиканцев) и подчеркнуть отличие Клинтон от «неоконов», стремящихся к изоляционизму и выступающих за жесткие силовые действия в случае крайней необходимости.

Ход избирательной кампании (которая из-за экономических трудностей может оказаться тяжелой для демократов), несомненно, будет оказывать влияние на внешнеполитические шаги Вашингтона. Поэтому путь США от мирового жандарма к кризисному менеджеру может оказаться запутанным и противоречивым. Но эта концепция, намеченная Обамой, может помочь его преемнице попасть в Белый дом.

В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОГО МАРКСИЗМА

Владимир Шевченко, философ

СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Среди большого разнообразия книг, выложенных в посольстве КНР в Москве для посетителей, я обнаружил интересную книгу «XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир» (под редакцией Хуан Хуагуана и Луань Цзяньчжана). Она представляет собой развернутый и глубоко продуманный комментарий к решениям XVIII съезда КПК. Из размышлений над содержанием этих комментариев родилась настоящая статья.

«Китайская мечта и мир» – образец превосходного идеологического документа, текст которого вполне доступен для понимания не только лицам, профессионально интересующимся политической жизнью современного Китая, но и массовым читателям, стремящимся получить информацию о Китае из первых рук.

В книге подробно рассказывается о том, в каком направлении будет двигаться КПК после XVIII Всекитайского съезда, по какому пути продолжит свое движение в дальнейшем Китай и как будут развиваться отношения Китая с мировым сообществом в ближайшие годы. Форма установления связи текста книги с читателем найдена весьма удачная. Название каждого из разделов носит характер конкретного вопроса, и авторы книги дают на них достаточно убедительные ответы.

Главное чувство, которое осталось у меня после прочтения книги «Китайская мечта и мир», – Китайская Народная Республика – это действительно социалистическая страна. Социализм с китайской спецификой – это как раз социализм, основывающийся на реальности, на факте, что Китай находится на начальной стадии социализма. И наконец, есть ясное понимание того, что «отстаивать коммунистические идеалы – одно дело, а претворять эти идеалы в жизнь – совсем другое. Строительство более счастливого, справедливого и гармоничного общества также происходит постепенно и представляет собой долгий и сложный процесс»¹.

Отношение к социализму с китайской спецификой в современной российской литературе

В либеральном секторе общественного сознания России естественно абсолютно доминирует мнение, что Китай является капиталистической страной. А социалистическая фразеология – это чистая идеология и пропаганда, которая должна выполнить функцию прикрытия реальных, далеко не социалистических, целей государственной власти.

Верную оценку такой позиции дает известный отечественный Китаевед, академик Михаил Титаренко. Он отмечает, что «многие наши коллеги и ряд авторитетных западных и российских политологов утверждают, что социально-экономические реформы в КНР есть не что иное, как строительство капитализма под знаменем социализма»².

Китайскому народу навязывают социалистические лозунги, а вся практика сугубо капиталистическая. Имеются в виду частная собственность, рынок, финансово-банковский капитал, акции и т.д. Он решительно не согласен с тем, что здесь имеется какое-то отступление от социализма. Многие авторы именно в таком духе и пишут про социализм в Китае, тем самым искажая всю сложность и подлинный смысл перемен в социалистическом Китае.

Другой взгляд российских ученых и философов на социализм в Китае – более сдержанный. Суть его состоит в устарелости антиномии «капитализм-социализм». Этот взгляд получил широкое распространение в российской литературе. Но принять его, если говорить о марксистской позиции, также нельзя. «С моей точки зрения, – пишет один из авторов, – не исключено, что термин «капитализм» исчезнет, как и гораздо раньше

возникший термин «социализм», ибо новые формы хозяйства вполне могут получить другие названия, типа «хозяйственный тип демократии», «смешанная экономика», «многоукладная экономика» и пр.»³. Одним словом, капитализм и социализм устаревают. Они остаются в XX веке. Поэтому большинство книг, претендующих на научную объективность, вообще не упоминают про социализм в Китае.

Авторы с подобного рода убеждениями прикладывают большие усилия с тем, чтобы в условиях растущих процессов глобализации обсуждать реальные и серьезные проблемы модернизации Китая, других незападных стран исключительно под углом зрения темпов научно-технологического, инновационного прогресса, роста экономического могущества и ВВП, повышения уровня зарплат, социальных услуг и т.д. В итоге делается особый упор на то, как много нужно сделать этим странам, и Китаю в том числе, чтобы достичь западных стандартов жизни.

В книге «Китайская мечта и мир» отмечается: «Многим иностранным друзьям кажется, что от социализма с китайской спецификой осталась только китайская специфика... мы имеем дело с ошибочным пониманием происходящего... Социализм – это строй, который рассматривает в качестве главной ценности общество и освобождает общество от гнета капитала, в то время как капитализм рассматривает в качестве главной ценности именно капитал»⁴.

Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в своем выступлении на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва подчеркнул важность ускорения темпов именно социалистической модернизации⁵. В этих словах содержится стратегическая установка партии и государства, мимо которой нередко проходят российские ученые. Занимаясь процессами модернизации в Китае, они делают нередко односторонние и даже ошибочные выводы, поскольку не владеют современной марксистской методологией.

В этой связи значительный интерес представляют выводы, сделанные российским ученым Элеонорой Пивоваровой в работе «Социализм с китайской спецификой». Проведенное исследование позволило автору верно и по существу ответить на важнейший вопрос, «не является ли термин «социалистическая», поставленный рядом с рыночной экономикой в концепции «социализма с китайской спецификой», идеологическим «прикрытием» характера происходящих в китайской экономике процессов?»⁶ Автор дает

отрицательный ответ. Нет, не является, хотя, по мнению автора, «социализм с китайской спецификой по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма»⁷.

Теоретические сложности начинаются при обращении к сторонникам европоцентричной версии марксизма в России, которые не признают ни социализма в СССР, ни социализма в Китае. Получается довольно странная ситуация, когда оценки как китайского, так и советского социализма как авторитарного, недемократического квазисоциализма сегодня объединяют в России радикальных либералов и европейски ориентированных марксистов. Особенно печальным выглядит то, что эти и другие авторы называют социализм в СССР мутантным социализмом на протяжении всех последних двадцати лет⁸, тупиковым типом общественной системы, сложившейся в СССР.

Всё это не может не вызывать возражений. Само по себе слово «мутант» некрасивое, оно пригодно для описания патологий, т.е. чудовищных и безобразных отклонений от нормы. В среде марксистов давно существуют противоречивые взгляды по поводу природы социализма. Одни признают только марксову трактовку социализма как единственно научного социализма. Другие признают право на существование и других социализмов, а именно, разных социализмов с национальной, а теперь, скажем точнее, с цивилизационной спецификой. Вопрос о том, становятся ли они от этого менее научными или вовсе не научными социализмами, требует подробного рассмотрения.

Марксистский социализм и цивилизационный подход

В работах российских марксистов, ориентированных на марксову модель социализма, можно встретить категорическое неприятие цивилизационного подхода вообще и особенно применительно к проблематике социализма. К примеру, А. Бузгалин и А. Колганов утверждают, что «чем меньше нынешний социум ушел от добуржуазных отношений, тем более значимы для его жизни внеэкономические (так называемые «цивилизационные») параметры.

Капиталистический способ производства активно «съедает» добуржуазные формы общественной жизни, и, как следствие, он «съедает» то, что кажется цивилизационной спецификой»⁹.

Какой можно сделать вывод – от локальных так называемых цивилизаций прямая дорога ведет к универсальному капитализму. «По мере включения в рыночно-капиталистическую жизнь и русские, и китайцы, и иные народы постепенно все более становятся похожи на американцев. Можно поспорить, что после 200–300 лет капиталистического бытия китайцы будут отличаться от североамериканцев не больше, чем англичане»¹⁰. Вот это и есть европоцентризм А. Бузгалина – основателя теории «критического марксизма» в постсоветской России, которая в целом получила в среде отечественных марксистов положительную оценку. Однако реальная проблема здесь выглядит по-другому.

Сегодня многие незападные страны всё ещё решают, в каком направлении дальше двигаться. А выбор здесь таков – либо зависимый и отсталый капитализм, либо какой-то другой, скорее всего, некапиталистический путь. Но не совсем в том смысле, который придавался ему в советские времена, а немного в другом, о чем ещё пойдет речь. А что, если незападные страны пойдут или уже идут этим некапиталистическим путем, а не тем, который указывает европоцентричный марксизм А. Бузгалина – от европейского капитализма к европейскому социализму. Но этот некапиталистический путь сильно отличается от европейского пути к европейскому социализму, о возможности и вероятности достижения которого следовало бы поговорить отдельно. Его перспективы, кажется, сегодня совсем уже утрачены.

На протяжении всего XX века и теперь уже в XXI веке постоянно возникают коллизии между сторонниками европоцентричного социализма (коммунизма) и теми, кто признает право на существование иных по многим параметрам социализмов. И те и другие апеллируют к текстам классиков марксизма, но одного цитирования здесь явно недостаточно. Борьба между сторонниками разных интерпретаций этих текстов, как известно, происходила не только на теоретическом уровне. Она нередко сопровождалась и сегодня сопровождается политическими и организационными выводами.

Теперь про социализм с китайской спецификой, в котором сделана, с нашей точки зрения, успешная попытка соединения формационного и цивилизационного подходов. Это соединение и представляет собой новый, современный этап в развитии марксистской теории общества, марксистской философии истории, и оно требует дальнейшего серьезного осмысления.

Немного об истории и смысле некапиталистического социализма

Итак, напомним, главное расхождение в дискуссиях между марксистами состоит в следующем. Можно ли всё глубокое цивилизационное своеобразие страны рассматривать как второстепенное в сравнении с общими закономерностями строительства социализма и движением по социалистическому пути? Одна группа марксистов говорит – нельзя. Они твердо стоят на позиции европейского характера социализма в точном соответствии с учением Маркса, а цивилизационная специфика – вещь второстепенная, она целиком связана с неразвитостью общества, сохранением в нем добуржуазных связей и отношений. Другая группа марксистов, напротив, утверждает, что обращение к цивилизационному фактору становится все более значимым в жизни страны по мере продвижения по социалистическому пути, и тогда получается, что эти марксисты, кто столько внимания уделяют цивилизационным особенностям, отступают от подлинного марксизма. Между этими двумя – положительным и отрицательным – ответами находится то поле реальной и весьма сложной проблемы, суть которой мы постараемся далее изложить.

Путь России не укладывался в формационную схему европейского развития, о чем К. Маркс сообщил после долгих раздумий русским народникам.¹¹ Народники как раз и ставили вопрос о том, что капитализм в стране невозможен. У них появляются зачатки видения принципиально иного – некапиталистического пути исторического развития. К. Маркс поддерживал их, но сегодня эти идеи народников получают более современную интерпретацию. На возможность возникновения в истории и последующего развития общества по пути некапиталистического социализма нельзя смотреть только как на некоторую особенность отдельной страны, которая якобы не отменяет магистральной линии формационного развития.

Дело обстоит гораздо сложнее. Впервые проблема экономической зависимости и отставания по сравнению с западными странами встала во весь рост перед Россией, когда она попала в исторический тупик в начале XX века. Объяснение этого тупика состоит в том, что в капиталистической мировой системе Россия прочно заняла место периферийной империи, для которой были закрыты все пути для перемещения в центр капиталистической системы. Но развитие центра и периферии не укладывается в систему

координат «опережение-отставание», что характерно для европейского видения капитализма как универсальной общественной системы.

Это как раз отчетливо видно на историческом опыте России. Периферийный капитализм – это тупиковый путь развития. Почему не может быть капитализма в России? Почему может, но это будет капитализм колониального типа, капитализм зависимого и отсталого типа развития. Для России как великой державы это абсолютно неприемлемо. Но куда стране держать путь в этих условиях? Только уникальное стечение обстоятельств в 1917 году позволило России вырваться из капиталистической системы.

Выход из тупика указала Октябрьская революция. И тогда возникает задача специфически советского видения природы социализма и социалистического пути для страны. СССР строит социализм в условиях осажденной крепости. Тогда впервые и возникает проблема некапиталистического социализма как современная проблема XX века, который имеет свои корни в развитии докапиталистического, аграрного государственно-общественного строя в стране, но который ни в коей мере не сводится к крестьянскому социализму.

Марксизм в России постепенно приобретает российскую специфику, он должен был быть русифицирован, точно так же, как марксизм творчески применяется для решения актуальных проблем в современном Китае, В этом случае он китаизируется. Понимание не только правомерности, но и исторической правоты такого отношения к европейскому марксизму приходит только сегодня с осмыслением огромного позитивного опыта Китая. Следует обязательно здесь добавить, что речь идет только о формационном понимании исторического процесса, когда неравномерность его развития порождает с неизбежностью переход от зависимого и отсталого незападного капитализма к западному социализму.

Как понимать китаизированный марксизм

Сегодня стало общеизвестным утверждение, что в эпоху глобализации модернизация идет с учетом национальных особенностей. Но смысл остается прежний. Модернизация как становление современного общества постоянно соотносится с экономическими, технологическими параметрами западного общества и западными критериями жизни. Но Китай заявляет

о собственном пути развития. И это совсем не проблема догоняющей модернизации, рассматриваемой с позиций «опережение-отставание». Свой собственный национальный путь развития в условиях глобализации требует самостоятельного творческого, подлинно научного анализа.

Научный подход к пониманию социализма с китайской спецификой привел к созданию концепции научного развития. Концепция научного развития, как оказалось, в её теоретическом, философском содержании вызывает определенные трудности для понимания. Её трактовка в российской литературе обычно сводится к тому, что эта концепция предусматривает гармоничное развитие всех сфер общества на основе соединения марксизма с реалиями Китая и особенностями современной эпохи.

Когда Дэн Сяопин сформулировал ближайшую цель в строительстве социализма как «малое процветание», то это было не просто обращение к китайской традиции, к конфуцианству, а ещё и указание на то, в каком периоде в цикле перемен находится страна. В отечественной литературе недавно было обращено внимание на то, что связь малого процветания с циклическим развитием «для европейцев была потеряна».¹²

Научный подход исходит из представления о циклическом характере исторического развития китайского общества. «Сяокан», или малое процветание, характеризует один из периодов в цикле бытия китайской цивилизации. Циклическая природа развития китайской цивилизации представлена в китайских текстах следующим образом: хаос «воюющих царств» – сяокан, т.е. «малое процветание» централизованного государства – датун, т.е. «великое единение» центра империи и периферии в гармонии – опять новое установление хаоса «воюющих царств».

Циклическое видение китайской истории очень созвучно с циклическим характером развития России. Если вести отсчет циклов только от смуты начала XVII века, то Россия сегодня находится в границах третьего цикла в своем развитии. Первый цикл – 1613–1917 гг. Второй цикл – 1917–1991 гг., он включает 1917 г. – распад Российской империи и наступление смуты (хаоса), сборка на новых основаниях Российского государства – СССР, достижение СССР статуса сверхдержавы и высоких социальных стандартов в 60–80-е годы XX века и, наконец, опять хаос и смута, рожденные в ходе перестройки Горбачева. С 1991–1993 гг. Россия вступила в третий цикл, каким он будет, покажет время. В больших госу-

дарствах-цивилизациях, которые оказались в экономической зависимости от западных стран, стал развиваться периферийный капитализм. Эти государства потеряли много ресурсов, пережили много несправедливостей, но смогли, в конечном итоге, выстоять и пойти по своему собственному, национальному или, точнее говоря, цивилизационному пути развития.

Средневековый Китай, как отмечал Адам Смит, классик английской политической экономии, в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), являлся образцом страны, шедшей тем путем развития в направлении экономической зрелости, который он называет естественным путем к изобилию. Напротив, Голландия рассматривалась им как совершенно противоположный образец страны, шедшей к экономической зрелости европейским путем, который А. Смит называет противоестественным и ложным. «При естественном ходе вещей большая часть капитала направляется, прежде всего, в земледелие, затем в мануфактуру и в последнюю очередь во внешнюю торговлю. ... Но хотя такой естественный порядок вещей должен в известной степени иметь место в любом обществе, во всех современных европейских государствах он оказался во многих отношениях перевернутым на голову»¹³. После поражения Китая в первой Опиумной войне всё хозяйство Китая приходит в упадок¹⁴.

Современный итальянский экономист и социолог Джованни Арриги пишет об исторических корнях некапиталистического социализма в Китае. Теория рынка А. Смита «как инструмент управления особенно важна для понимания некапиталистической рыночной экономики, какой была экономика Китая до его включения (на условиях подчиненности) в глобализованную европейскую систему государств и какой она вполне может стать снова в XXI веке при совершенно иных внутренних и всемирно-исторических условиях»¹⁵. Несмотря на развитие рыночного обмена с целью извлечения из него прибыли, природа экономического развития современного Китая нельзя считать обязательно капиталистической, считает Дж. Арриги.

Цивилизационный подход и теория формаций К. Маркса

Таким образом, формационный анализ развития общества, который был разработан К. Марксом, интегрирует себя в современную эпоху. Соединение конфуцианства с марксизмом означает соединение формационного

подхода с цивилизационным подходом, в котором главное место занимает циклическая природа развития цивилизации.

Движение по пути социализма наполнено тем глубоким смыслом, что происходит постепенное взаимное проникновение циклического характера развития отдельной цивилизации и формационного, и в этом смысле направленного развития мировой системы в целом. Только на этом пути возможна реализация тех принципов, которые составляют суть марксова понимания коммунизма: – свободное развитие каждого – условие свободного развития всех, возможна реализация того, что К. Маркс называет человеческим обществом в отличие от буржуазного гражданского общества. На этом пути можно говорить о всестороннем развитии человека как самоцели истории. Но вместе с тем это и есть современная реализация идеи Конфуция, созвучная с идеей К. Маркса: «Прекрасно там, где человечность. Как может умный человек, имея выбор, в её краях не поселиться?»¹⁶

Следовательно, **социализм с китайской спецификой не может быть реализован без обращения к формационному пониманию смысла истории, составляющему самую глубокую суть учения К. Маркса.** Только в этом случае можно всерьез говорить о социалистической и коммунистической перспективе. Эта связь цивилизации и формации, как мы видим, в XXI веке становится всё более сложной и противоречивой, что требует для ее анализа во многом новых методов, в том числе и синергетического метода.

Что такое исторический коммунизм

Всемирно-исторический спор социализма с капитализмом как двух общественных систем нужно рассматривать с позиций историзма, как требует марксизм, иначе этот спор будет понят нами неправильно. К. Маркс писал, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»¹⁷.

В. Ленин также указал на теоретическое содержание этого переходного периода, который не может не быть «периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом»¹⁸. Эти и другие правильные положения классиков марксизма относятся к характеристике

того, что можно назвать «идеальным коммунизмом». О чем они говорят? О том, что на мировой арене социализм может победить первоначально только в ряде передовых капиталистических стран. Это будет социализм послекапиталистический. И тогда возникает огромная по своей длительности эпоха борьбы капитализма и социализма как общественных систем на мировой арене. Но на практике получилось иначе.

Реальное движение к коммунизму начали незападные страны, и этот путь движения к коммунизму можно назвать, по верному утверждению известного российского историка Андрея Фурсова, «историческим коммунизмом». «Определение «исторический» призвано зафиксировать тот факт, что речь идет именно о феномене, реально существовавшем в истории, а не на страницах работ основоположников марксизма-ленинизма, учебников научного коммунизма и пропагандистских текстов»¹⁹.

В реальности оказалось, что коммунистические идеи в Советском Союзе воплотились в виде антикапиталистической общественной системы с особой формой организации производительных и социальных сил. Это своеобразие процесса становления на мировой арене нового общественного строя имеет много разных объяснительных моделей.

Бесспорно одно: реальное становление раннего советского (сталинского) социализма не вписывается в европоцентричную модель послекапиталистического социализма Маркса. Корни советской модели уходят в особенности исторического развития Российской империи, о чем уже говорилось выше²⁰. Важно здесь отметить, что рынок, банковская система, частная собственность не остались в наследство от капиталистического Китая, такого наследства у Китая фактически не было. Об этом нельзя забывать. Они были созданы социалистическим государством, встроены в общество и используются им как важные и эффективные инструменты государственного управления, способствующие экономическому развитию и процветанию государства. Наличие этих инструментов не дает оснований считать, что Китай идет по капиталистическому пути, хотя и приносит с собой немалое количество сложных проблем ввиду несовершенства общества на начальной стадии социализма.

Капитализм есть общественный строй. Он становится таковым лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда захватывает важнейшие рычаги государственного управления. В Китае помимо ис-

пользования ранее указанных инструментов государственного управления есть также и слой богатых людей, сложился капиталистический уклад в экономике, но нет капитализма в стране. Власть принадлежит народу в лице социалистического государства.

Поэтому сомнительным является утверждение о борьбе капитализма и социализма в современном Китае. Но прозападным, либеральным кругам во всем мире очень хочется дискредитировать социалистический Китай. И здесь важно не только критиковать этих критиков, но и дальше развивать марксистскую теорию строительства социализма с цивилизационной, в данном случае, с китайской спецификой. **Социализм – это постоянное, каждодневное движение по пути к коммунизму, и у каждой страны, вставшей на этот путь, можно выделять свои этапы движения, которых возможно не будет у других стран.** Тем более, становится ясным, что путь одной страны не может рассматриваться как обязательный для других стран. Движение по собственному пути будет продолжаться долгие десятилетия, и всё это время нужна правильно понятая диктатура пролетариата, о которой сказано столько неверного в немарксистской печати. Идея тройного представительства народа как раз и выступила наглядным примером адаптации марксистского положения о диктатуре пролетариата применительно к опыту Китая как фундаментально незападной страны. Это позволило понять закономерности трансформации классовой борьбы в согласование, гармонизацию КПК коренных интересов слоя предпринимателей, интеллигенции и широких масс трудового народа. Принуждение к копированию чужого опыта построения общества реального социализма, как учит вся история коммунистического движения, приводило к серьезным противоречиям в отношениях между коммунистическими партиями различных стран и в коммунистическом движении в целом.

А ведь верность марксизму определяется верностью его высшим идейно-мировоззренческим принципам. Возникает проблема: как совместить, сделать гармоничными две во многом противоречивые позиции – верность принципам и решение каждой партией конкретных задач в своей собственной стране. СССР – первая страна некапиталистического социализма (а по отношению к капитализму западных стран его можно назвать антикапиталистическим). Её руководители видели по-своему путь социалистического движения, по-своему выстраивали его этапы и пыта-

лись их объяснить: это НЭП, мобилизационная модель развития в эпоху сталинского социализма в условиях осажденной крепости, каким являлся СССР все годы своего существования, начальный этап строительства развитого социализма. **Трагедия советского строя началась тогда, когда после отказа от мобилизационной модели объективно потребовалось возвращение к тому, от чего страна отошла в период создания основ советского, сталинского социализма.** Отрыв от традиционных основ был нужен по той причине, что исторические, цивилизационные традиции служили другому социально-экономическому строю.

В Советском Союзе в ходе перестройки попытка соединения советского социализма с исторической, цивилизационной традицией окончилась неудачей. В современном Китае мы наблюдаем органическое обогащение социалистических основ общества конфуцианством, и в таком случае движение по социалистическому пути оказывается дорогой, ведущей к реализации многовековой китайской мечты о возрождении китайской нации и вместе с тем марксовых гуманистических ценностей. Влияние внешнего фактора на направление и темпы строительства социалистического общества постоянно возрастает. Стремление к мировому господству англосаксонской цивилизации (США и Англии) – сегодня это аксиома.

Кто будет сомневаться после событий последнего года, когда начинает развертываться новая Холодная война против России, имеющая целью смену политического курса и отказ страны от суверенитета и независимости. Поэтому **строительство социализма каждой страной в современную эпоху тем более не является её сугубо внутренним делом, и потому, как никогда, сегодня нужно взаимопонимание и взаимная поддержка.** Но нужны и новые теоретические разработки со стороны современной марксистской мысли. Одним из достижений марксизма в Китае я считаю марксистскую интерпретацию закона о троичном развитии.

Закон о троичном характере развития (закон перемен)

Закон единства и борьбы противоположностей является сутью, ядром диалектики. Здесь нет сомнений среди марксистов, но в самом содержании этого закона при применении его к анализу конкретных общественных процессов появляется троичность как отражение и выражение неравномерности процесса развития. Появление Советского Союза коренным

образом изменило ситуацию в мире. В советской общественной мысли прочно утвердилось тогда выделение в мире трех групп стран, отличавшихся между собой по самым важным параметрам общественной жизни – экономическим, политическим, идеологическим и культурным – первый мир, второй мир и третий мир.

При некоторых сложностях в проведении границ между ними считалось несомненным, что «Второй мир» – это прежде всего Советский Союз и созданная с его помощью мировая система социализма, в которую входил и Китай. США и все развитые капиталистические страны составляли первый мир. К третьему миру относились развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Это было вполне обоснованное политико-идеологическое советское видение расклада сил на мировой арене. Особенно много уделялось тогда внимания эмпирическому описанию ситуативного взаимодействия этих трех сил. Но философского, диалектического обоснования эта проблема тогда не получила. Марксистская теоретическая мысль весьма основательно исследовала основные законы диалектики. В ней много говорилось о троичности именно как о спиралевидном характере развития, нашедшем наиболее полное выражение в законе отрицания отрицания (тезис-антитезис-синтез). Но, мне кажется, марксистская мысль не обратила должного внимания на закон троичного характера развития как отражение его неравномерности. Дэн Сяопин считал теорию председателя Мао Цзэдуна о делении мира на три части самым большим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Согласно Закону перемен в связке трех сил, который известен с давних времен, троичность общественного развития с марксистских позиций сегодня выглядит следующим образом. Первый мир – это сверхдержава США. Второй мир – это развитые капиталистические страны, главным образом Россия, Западная Европа и Япония. Третий мир – это развивающиеся страны. Китай считает себя развивающейся страной и фактически является их лидером. В книге «Китайская мечта и мир» ставится вопрос о том, «справедливо ли по-прежнему считать Китай развивающейся страной», и дается ясный ответ. «Китай еще довольно длительное время будет относиться к развивающимся странам. ... в международных делах Китай, являясь развивающейся страной, будет продолжать отстаивать интересы развивающихся государств».²¹

Марксисты Китая приложили немало усилий в последнее время для того, чтобы привлечь внимание к этой весьма перспективной проблеме троичного характера общественного развития. Главное, на что обращается внимание, это отличие закона перемен от закона единства и борьбы противоположностей. Если закон перемен обеспечивает развитие в гармонии трех сил, то основной закон диалектики делает особый упор на борьбу. Но оказывается, что борьба и гармония есть разные полюсы развития. **Китайский опыт показывает, что установка на гармонию не препятствует развитию, а в огромной степени способствует ему.** Об этом как раз и свидетельствует «идея тройного представительства». Здесь многое предстоит ещё осмыслить, особенно тем, кто занимается традиционными проблемами марксистской диалектики.

Особенности духовного пространства при некапиталистическом социализме

Итак, подведем некоторые итоги. В духовном пространстве социалистической страны можно выделить три взаимосвязанные составляющие: современный марксизм, в рамках которого показывается, как осуществляется переход от универсальных ценностей и принципов марксизма к марксистскому социализму с цивилизационной спецификой; прагматическая идеология; и составляющая, которая связана с современным осмыслением культурно-цивилизационных особенностей страны. Все эти содержательные грани единой духовной целостности взаимосвязаны и оказывают мощное воздействие друг на друга.

Китайский ученый Ян Миндин дал интересный анализ того решающего вклада, который сделал Мао Цзэдун в создание китаизированного марксизма (Sinicized Marxism). Он справедливо увидел его в том, что «идеологическая линия была фундаментальным вопросом. Она определяла то, схватим ли мы правильно суть марксизма, схватим ли мы правильно реальные условия жизни, сложившиеся в Китае, и пойдем ли мы дальше в соединении универсальной правды марксизма и конкретной практики Китая, творчески применяя и развивая марксизм»²².

Мы обращаем особое внимание на роль идеологии в соединении универсальных черт марксизма и тех высоких стратегических целей (китайская мечта), которые ставит перед собой страна, идущая по социа-

листическому пути. Китайский опыт заслуживает сегодня особого внимания. Если идеология правильно сформулировала те конкретные задачи, которые предстоит решать обществу, то она становится прочным мостом между языком универсальных принципов марксизма и цивилизационных ценностей китайского общества. Можно утверждать, что **сегодняшняя идеология надежно соединяет китайскую мечту и универсальные ценности и цели марксизма**. Есть все основания, чтобы считать социализм с китайской спецификой научным социализмом в новую историческую эпоху. В России сегодня сложилась ситуация, во многом отличная от ситуации в Китае. Для России соединение либеральной теории, навязанной Западом, и традиционных (консервативных) ценностей есть прямой путь к новому полукOLONIALному состоянию, в котором пребывала Россия сто лет назад. Другими словами, цивилизационная специфика подчиняется и искажается в угоду либеральному западному мышлению, что постепенно оборачивается для населения и по образу жизни, и по социальному положению фактически новым средневековьем.

В последний год Россия сделала очень важный шаг по пути восстановления своего суверенитета и права на выбор своего собственного пути развития.

Следует отметить, что **внимание многих российских марксистов привлекает сегодня идея левоконсервативного синтеза, когда консервативные традиции и левые, социалистические идеи и взгляды все больше находят общий язык и общее признание важности идей социальной справедливости, коллективизма (соборности) и социального равенства для дальнейшего развития России**. Особенно важным в этих условиях становится для российского общества, прежде всего, для российских марксистов, богатый опыт строительства социализма с китайской спецификой.

Примечания:

- ¹ XVIII Всекитайский съезд КПК. *Китайская мечта и мир*. Пекин, 2013. С. 10.
- ² Титаренко М.Л. *Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии*. М., 2008. С. 86.
- ³ Федотова В.Г. *Модернизация Китая и её уроки для России* // *Философские науки*. 2015. № 1. С. 61.

- ⁴ *Китайская мечта и мир. Пекин, 2013. С. 16.*
- ⁵ *Документы третьего пленума ЦК КПК Китая 18-го созыва. Пекин, 2013. С. 109.*
- ⁶ *Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М., 2011. С. 319.*
- ⁷ *Там же. С. 324.*
- ⁸ *Бузгалин А.В. Будущее коммунизма. М., 1996; Бузгалин А., Колганов А. 10 мифов об СССР. М., 2010.*
- ⁹ *Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 1. М., 2014. С. 280.*
- ¹⁰ *Там же. С. 291.*
- ¹¹ *«Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 119.*
- ¹² *Девятков А.П. Китайская специфика. Для тех, кто принимает решения. М., 2008. С. 187.*
- ¹³ *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1959. С. 384.*
- ¹⁴ *Смит А. «Китай более богатая страна, чем любая часть Европы». – Там же. С. 228.*
- ¹⁵ *Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век. М., 2009. С. 18.*
- ¹⁶ *Конфуций. Луньей. Изречения. М., 2015. С. 40.*
- ¹⁷ *Маркс К. Критика Готской программы (1875) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 27.*
- ¹⁸ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 271.*
- ¹⁹ *Фурсов А.И. Исторический коммунизм. <http://www.docme.ru/doc/116586/andrej-fursov---istoricheskij-kommunizm#>*
- ²⁰ *См. также нашу статью «Россия: Историческая судьба «Второго мира», которая посвящена судьбе социализма в России в последние столетия // Философские науки. Москва. 2014. № 8. С. 7–24.*
- ²¹ *XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир. Пекин. 2013. С. 420–421.*
- ²² *Mingqing Jin. Important Mark of the Preliminary Formation of Sinicized Marxism // Marxist studies in China (2010). Beijing, 2012. P. 193.*

Кит Розентал, журналист

СОЦИАЛИЗМ, ПОЛИТИКА И ИНВАЛИДНОСТЬ

Хелен Келлер – одна из героических фигур американской истории, но подлинную Келлер мы знаем мало. То, что она была серьёзным политическим мыслителем и внесла важный вклад в социалистическую теорию и практику, что она была пионером марксистского понимания инвалидности и реабилитации инвалидов, намеренно или по невежеству замалчивается. Из Келлер сделали «гипсовую святую», удобный, но политически бесцветный символ упорства и победы над невзгодами.

Её жизнь подаётся как нравоучение: нет таких препятствий, которых не преодолели бы смелость и усердная работа, и какими бы серьёзными ни казались ваши проблемы, они меркнут по сравнению с тем, что пережила Келлер. Самый коварный урок предназначен для людей с ограниченными возможностями: вы станете полноценным членом общества, если собственными усилиями компенсируете инвалидность, а структурное угнетение и неравенство возможностей не имеют никакого значения.

Активно эксплуатируется образ Келлер как «вечного ребёнка». Статуя Келлер, установленная в Конгрессе в 2009 г., изображает её семилетней девочкой, чтобы не было даже мысли о более чем 60 годах её жизни, отданных политической борьбе. Политический радикализм Келлер игнорируется или изображается как отклонение. Дж. Лэш, автор одной из лучших биографий Келлер, объясняет её участие в социалистическом движении тем, что «слепота и глухота изолировали её сознание от жизненных реалий, очевидных большинству из нас и диктующих осторожность, компромисс и полутона, и делали её мир чёрно-белым и дихотомичным».

Примерно в том же Келлер обвиняли при жизни. Газета «Детройт Фри Пресс» писала в 1914 г.: «Хелен Келлер, стремящаяся указать путь к свету для глухонемых и слепых, вдохновляет нас. Та же Хелен Келлер, проповедующая социализм, поддерживающая стачку рабочих медных рудников или высмеивающая Конституцию Соединённых Штатов, не вызывает ничего, кроме жалости, потому что выходит за свои рамки, за те ограничения, от которых не спасут ни уверенность в себе, ни медицина.

Её знания могут быть только чисто теоретическими, а наш мир и его проблемы, увы, остаются сугубо практическими».

Ещё чаще буржуазные журналисты её просто игнорировали, «корректировали» или отказывались печатать её статьи и письма в редакцию. В 1929 г. она заметила: «Пока я ограничиваюсь социальным обслуживанием и проблемами слепых, они восхваляют меня, но когда перехожу к рассмотрению жгучих социальных или политических вопросов, особенно, как нередко со мной бывает, на стороне меньшинства, всё резко меняется. Они полагают, что я – орудие в руках беспринципных людей, которые стараются сделать меня своим рупором. Я не боюсь жёсткой критики, но только тогда, когда во мне видят человека с собственным умом».

Как она стала радикалом

Хелен Келлер родилась в 1880 г. в штате Алабама. Её отец был плантатором-рабовладельцем, во время Гражданской войны служил офицером в армии южан, а потом стал редактором одной из ведущих газет Алабамы. Мать Келлер происходила из богатой и влиятельной семьи из Новой Англии. Когда Хелен было два года, она заболела (диагноз не был установлен), ослепла и оглохла. Только в семь лет она начала учиться под руководством Э. Салливэн, которая сама переболела трахомой и почти ослепла в восемь лет, но сумела окончить школу для слепых и была нанята Келлерами как домашняя учительница.

Под её руководством Хелен успешно осваивала навыки общения и училась. В 1896 г. она поступила на подготовительное отделение обычного колледжа. Американские и иностранные газеты наперебой описывали её успехи в учёбе, и когда в 1904 г. Келлер окончила Редклиффский колледж со степенью бакалавра искусств, она стала уже почти всемирной знаменитостью.

В 1908 г. Келлер неожиданно вступила в Социалистическую партию США (СП). Её привели к этому, во-первых, чтение работ по социологии и философии, в том числе К. Маркса, Г. Уэллса, У. Морриса и Ю. Дебса, а во-вторых, изучение условий жизни инвалидов в США. Она осознала, что основными причинами инвалидности были несчастные случаи на производстве, профессиональные заболевания, зачастую вызванные стремлением предпринимателей сэкономить на технике безопасности, и социальные

факторы – нищета, неравный доступ к медицине, антисанитария в переполненных трущобах и навязываемое обществу невежество в вопросах продолжения рода и сексуального здоровья.

Для окружающего общества люди, став инвалидами, переставали существовать, пополняя класс нищих, безработных и отверженных. Никакой статистики инвалидов и их нужд ни в одном штате или городе не велось. **Изучение последствий слепоты постепенно вело Келлер к убеждению, что нищета, невежество, вырождение и стихийная жестокость капитализма и есть главные враги, «лишающие зрения детей и рабочих, подрывающие здоровье всего человечества».**

Социалистическая Жанна д'Арк

Вскоре Келлер стала одним из ведущих деятелей социалистического движения, одним из его самых активных и успешных пропагандистов. Она регулярно печаталась в изданиях СП, объездила с лекциями всю страну, поддерживала все крупные забастовки и классовые конфликты. В 1913 г. она опубликовала сборник работ о социализме, правах женщин и инвалидности «Из тьмы: эссе, письма и выступления о физическом и социальном зрении», ставший её важным вкладом в социалистическую мысль.

Когда Келлер пришла к выводу, что СП больна консервативным реформизмом и нацелена прежде всего на участие в выборах, она начала активно поддерживать профсоюз «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), выступавший за создание революционного рабочего движения. В 1912 г. Келлер приняла участие в организованной ИРМ стачке текстильщиков в Лоренсе (штат Массачусетс).

Сама Келлер открыто сравнивала себя с Жанной д'Арк. С марксистской политикой и практикой она сочетала христианский социализм, поскольку принадлежала к секте, известной как сведенборгианство, по имени шведского философа XVIII века Э. Сведенборга. Келлер была уверена в том, что учение Иисуса Христа несовместимо с рабством в любой форме, сам он был защитником всех угнетённых, а будущее социалистическое общество и царство Божье – это почти одно и то же.

В 1910–1920-е гг. радикализм Келлер достиг своего пика. В 1916 г. она заявила: «Не может быть просвещения без революции. Мы пробовали мирное просвещение 1900 лет, но без успеха. Давайте попробуем рево-

люцию и посмотрим, что получится. Мне не нужен мир любой ценой. Я сожалею, что идёт эта [Первая мировая] война, но я никогда не сожалела о тысячах, чья кровь была пролита во время Великой французской революции. Рабочие в окопах усваивают уроки, которые они применят на пользу своему делу».

Её печатные работы и выступления этого периода затрагивали широкий круг тем: капитализм, классовая борьба, эксплуатация, революция, война, империализм, угнетение женщины, расизм и инвалидность. Эти темы объединяло обличение существующего общественного строя. Ещё до войны Келлер отмечала, что капиталисты каждой нации относились к своему рабочему классу почти как к вражескому населению, которое надо поработить и ограбить. Государство – не нейтральный исполнитель закона, а инструмент в руках экономически господствующего класса, который принимает законы сам для себя и при необходимости сам бесстыдно нарушает их, считала Келлер, поэтому для революционеров соблюдение или нарушение закона остаются лишь вопросом тактики.

Борец за всеобщее равенство

Келлер приняла горячее участие в борьбе за права женщин, демонстрациях и акциях за наделение женщин избирательным правом, выступала за легализацию аборт и контроля за рождаемостью, требовала полного равенства женщин в экономической, политической и общественной жизни. **Келлер подходила к освобождению женщины с чисто марксистских позиций, считая, что избирательное право женщин ускорит наступление социализма, а борьба за избирательные права женщин – это стратегическое оружие в общей борьбе против капитализма.**

Социалистическая партия также традиционно выступала за предоставление женщинам избирательных прав, но не имела официальной позиции по борьбе с расовой сегрегацией и неравенством, которые были нормой в американском обществе в целом и в рабочем движении в частности. Некоторые представители его левого крыла отвергали расизм и сегрегацию, однако В. Бергер и многие другие прямо заявляли, что «цветные расы» отстают в развитии и являются обузой для торжества социализма.

Келлер всю жизнь принципиально выступала против всех форм расовой сегрегации и неравенства. Она активно поддерживала Национальную ассо-

циацию содействия прогрессу цветного населения, с основателем которой У. Дюбуа была знакома с детства. Даже на склоне лет Келлер участвовала в митингах и протестах в ходе движения за гражданские права 1940-х и 1950-х гг. «Хладнокровная последовательность, с которой [черных американцев] лишают знаний, опоры на собственные силы и хорошей работы», убогое состояние школ для небелых слепых детей, которые она посещала, «суды Линча» на Юге и в Новой Англии, оголтелая проповедь белого превосходства сулят Америке трудное будущее, считала Келлер.

Новое понимание инвалидности

Теоретические и политические подходы Келлер к инвалидности, вытекавшие из её социалистических убеждений, были истинно революционными, хотя она, особенно в последние годы жизни, отделяла радикальную политическую деятельность от своей позиции по инвалидности, которая становилась всё менее воинствующей. Она далеко опередила своих современников, которые изучали этот вопрос, но сами не были инвалидами и занимали патерналистскую позицию. По сути, считалось, что причиной бесправия инвалидов были они сами – их недостаточное образование и квалификация и что все проблемы будут решены, стоит им лишь успешнее приспособляться к жизни.

В программной статье «Безработные» (1911) Келлер объясняла массовую безработицу тем, что капиталистическое производство требует «большой армии бездействующих людей», чтобы заставить рабочих конкурировать друг с другом, а менее здоровые просто первыми выводятся в расход. Безработица слепых, продолжала она, «вызвана условиями, которые тяжким бременем ложатся на весь остальной рабочий люд», и права на труд их лишает «не их физическая, а наша социальная слепота».

Келлер настойчиво требовала расширения возможностей для обучения и профессиональной подготовки инвалидов, но доказывала, что дело не в противоположности между инвалидами и здоровыми людьми, но в противостоянии между всеми угнетёнными, включая инвалидов, и господствующим классом, который их всеми способами эксплуатирует.

Келлер писала: «Общество основано на индивидуализме, захвате, эксплуатации и полном пренебрежении общим благом. [Такое] общество

не может не тормозить развитие даже самых успешных своих членов, поскольку отвлекает силы человека на ненужные действия. Это аморальное состояние общества будет продолжаться, пока остаётся система всеобщей конкуренции за средства к существованию. Конкуренция должна уступить место сотрудничеству, а классовый антагонизм – братству».

По мнению Келлер, общество обеспечит достоинство и благополучие всех инвалидов только вместе с достоинством и благополучием всех, вне зависимости от состояния здоровья. Подход Келлер к пониманию инвалидности включает несколько основных положений: решающее значение имеют социальные и политические, а не индивидуальные и ситуативные причины инвалидности; инвалидам нужны не жалость или благотворительность, а помощь, делающая их полноценными членами общества, и право работать и распоряжаться своими делами; недопустимы сегрегация инвалидов и изоляция их в приютах, которые становятся своего рода «гетто»; освобождение инвалидов от социальных препятствий неразрывно связано с общей борьбой за общество равенства и благоденствия.

Взгляды Келлер с течением времени менялись. Так, в 1915 г. она выступила в поддержку евгеники, связав контроль за рождаемостью и репродуктивное самоопределение, с одной стороны, с созданием «наиболее приспособленных» будущих поколений – с другой. Но затем Келлер не раз осуждала идею «выживания самых жизнеспособных», на которой была основана евгеника не только в нацистской Германии, но и в США, где Верховный суд в 1927 г. даже признал принудительную стерилизацию законной.

Русская революция и международное социалистическое движение

Келлер безоговорочно приветствовала Октябрьскую революцию в России. В 1918 г. она писала: «В России сделан первый шаг по пути социального возрождения. Русский народ взял Россию в свои руки! Сейчас, когда весь мир раздирают вражда и свирепое соперничество, русский народ героически высказался за единство человечества, против аннексий, контрибуций, тайной дипломатии, ненависти, страха, сговоров и расовых антагонизмов».

Келлер сделала всё возможное для противостояния волне политических репрессий, прокатившейся по США в 1920-е гг. Она писала бесчисленные статьи и письма в защиту левых активистов, которым грозили долгие сроки заключения или депортация за «измену» или «подрывную деятельность». Она стала одним из основателей и членом правления Американского союза защиты гражданских свобод.

Однако к концу 1920-х гг. у Келлер становилось всё меньше возможностей для участия в социалистическом движении. Политические гонения и фракционные склоки превратили Социалистическую партию и ИРМ в развалины. Вновь созданная Коммунистическая партия (КП), объявленная правительством вне закона, оставалась небольшой группой, действующей в подполье и раздираемой междоусобицами.

Поэтому Келлер продолжала независимые лекционные туры, выступая перед самыми разными аудиториями и организациями. Основной темой лекций была её собственная жизнь. Своим главным героем она называла американского социалиста Ю. Дебса, тремя самыми великими людьми своего времени – В. Ленина, американского изобретателя Т. Эдисона и британского актёра Ч. Чаплина.

Американский фонд поддержки слепых, Коммунистическая партия, Вторая мировая война

С 1924 г. Келлер начала читать лекции под эгидой Американского фонда помощи слепым (АФПС), основанного в 1921 г., и продолжала работать в нём до конца жизни. Фонд был благотворительной организацией, его консервативно и антикоммунистически настроенное крыло выступало против сотрудничества с Келлер. АФПС платил ей регулярное жалованье, однако жёстко контролировал содержание её выступлений, всеми мерами приглушая её радикализм и ассоциации с социализмом и коммунизмом. Она больше не говорила, что капитализм является причиной угнетения инвалидов и что полное освобождение инвалидов возможно только после революции.

Пропасть между общеполитическим социалистическим активизмом и работой Келлер по поддержке инвалидов ширилась. Однако в 1920–1940-е гг. она продолжала писать статьи и давать интервью по таким вопросам, как права женщин, бедность, смертная казнь и империализм.

В 1929 и 1938 годах она опубликовала две книги, в каждой из которых был раздел с восхвалениями СССР, который она всё ещё считала более или менее демократическим государством рабочих, и Ленина, который «посеял в России семена новой жизни всего человечества».

Келлер вела переписку с прежними соратниками по СП и ИРМ, включая тех, кто вступил в Компартию. Сама Келлер в ней никогда не состояла, но была активным «попутчиком», в 1930-х и 1940-х годах участвовала во многих кампаниях, организациях и мероприятиях КП, регулярно писала статьи для партийных газет и журналов. Поэтому с 1925 до 1964 г. Федеральное бюро расследований вело подробное досье на «неблагонадёжную» Келлер.

До 1941 г. Келлер публично высказывалась против вступления США во Вторую мировую войну, которую называла ненужным рабочему классу империалистическим конфликтом. Однако она осознавала угрозу, которую несёт миру фашизм, и в 1938 г. направила в редакцию газеты «Нью-Йорк Таймс» письмо, в котором требовала прекратить замалчивание преступлений нацизма в Германии, в том числе «евгенического террора» против инвалидов. Но пока Келлер предлагала ограничиться международным бойкотом фашистских Германии и Италии, призывала их население активно сопротивляться своим правительствам, участвовала в кампаниях за допуск в западные страны всех без исключения бежавших от фашизма.

После нападения Германии на СССР Келлер совершила крутой поворот и заявляла, что «явно империалистическая» война внезапно стала «народной войной за освобождение». Как и Компартия США и большинство остальных левых, Келлер перестала осуждать США как «недемократическое капиталистическое государство» и превозносила президента Ф. Рузвельта, ставшего союзником И. Сталина.

Это не мешало Келлер бичевать недостатки американского общества, в том числе расовую сегрегацию, которая только ужесточалась, несмотря на то что США вели войну с фашизмом, основанным на расизме. В октябре 1942 г. она опубликовала в коммунистическом журнале «Нью Мэссиз» статью «Что значит негр для победы», где требовала «помочь неграм защитить свои достижения в борьбе с несправедливостью, поскольку если они будут сведены на нет, то война не сможет закончиться настоящей победой демократии».

«Холодная война» и маккартизм

После окончания Второй мировой войны и с началом «холодной войны» Келлер, опять-таки вслед за КП США, вновь начала критиковать свою страну как империалистическое государство, подрывающее демократию у себя и за рубежом. Келлер осуждала президента Г. Трумэна за поддержку антидемократических сил в Греции и Турции, за наращивание ядерного арсенала, неприкрытый расизм, подавление радикализма и либерализма.

Она совершила поездку по Европе, посетила Хиросиму и Нагасаки и ужаснулась тому «немыслимому зверству», которое здесь совершили США. Келлер пришла к выводу, что предала свои принципы, когда выступила в поддержку участия США в войне, тем более что она закончилась отнюдь не триумфом всеобщего мира и демократии, как многие надеялись.

К началу 1950-х гг. Келлер разочаровалась в Советском Союзе и начала дистанцироваться от него и КП США. Она признавала, что СССР основан на репрессиях, а на мировой арене действует, как любое большое агрессивное государство. Вину за «холодную войну» она возлагала в равной мере на США и СССР. Когда в 1948 г. лидер Югославии Иосиф Броз Тито отказался подчиниться диктату Сталина, Келлер выступила в поддержку Югославии.

Келлер активно сопротивлялась маккартизму – кампании репрессий против коммунистов и левых сил, которая велась в США в 1940-х и 1950-х гг. Тогда десятки тысяч людей были заключены в тюрьму, уволены с работы и депортированы, многие бывшие коммунисты отрекались от своих убеждений и публично доносили на бывших товарищей по партии. Келлер писала статьи и подписывала протесты против маккартизма и охоты на ведьм, заявляла, что от своих взглядов не отречётся никогда, и столь же ясно давала понять, что больше не поддерживает СССР или Компартию.

Она перешла к некоммунистическому, хотя и не антикоммунистическому пониманию социализма. Её друзьями и политическими единомышленниками, соратниками в борьбе против маккартизма, гонки атомных вооружений, расизма и «холодной войны» были такие некоммунистические социалисты, как физик А. Эйнштейн, скульптор Дж. Дэвидсон, литератор В. Брукс, политик-прогрессист Г. Уоллес.

Сохранила ли Келлер до конца жизни социалистические убеждения или стала либералом, которого больше не «одурманивали коммунисты»? Несомненно, она осталась социалистом, хотя более умеренным, а её политическое кредо на закате лет не было столь прямолинейным, как в молодости, в чём убеждают хотя бы противоречивые высказывания об СССР, США и войне. В 1950 г. в интервью «Нью-Йорк Таймз» она заявила, что по-прежнему считает себя социалистом, а коммунизм может служить идеалом, но если его не навязывают силой. Сейчас, по её словам, советский строй – «это ещё одна тирания над душой и телом», поскольку в СССР «дух Ленина» подавлен сталинской властью, правящей так же, как правила цари.

К концу 1950-х гг. Келлер оказалась в изоляции и утратила интерес к политике, её христианский социализм становился всё более христианским и всё менее социалистическим. Теперь она возлагала свои надежды на «третий мир» и некоммунистические социалистические силы, но понимала, что её мечта о социализме как никогда далека от осуществления.

АФПС всё больше управлял её жизнью – он получил доверенность на ведение её дел, контролировал её финансы, публичные выступления и даже её посетителей, поскольку дом, где она жила, тоже принадлежал фонду. В 1959 г. была поставлена пьеса У. Гибсона «Сотворившая чудо», в которой рассказывалось о детстве Келлер. Пьеса имела огромный успех, но Келлер в постановке практически не участвовала, более того, враждебно отнеслась к пьесе и к тем, кто считал, что при постановке можно обойтись и без помощи и советов Келлер.

Публично она в последний раз выступила в апреле 1961 г., речь касалась положения инвалидов, Келлер требовала от правительства увеличить финансирование школьного обучения детей-инвалидов, поскольку до 75% из них были вообще лишены какого-либо образования. В октябре 1961 г. она перенесла несколько инсультов и полностью исчезла с общественной сцены. Умерла она 1 июня 1968 г. в возрасте 87 лет.

*Оригинал статьи опубликован
в журнале International Socialist Review
Перевод Олега Терёбова*

Эрик Хан, социолог**«УГЛУБЛЯТЬ, ОБОСНОВЫВАТЬ, УКРЕПЛЯТЬ»**

Дьёрдь Лукач принадлежит к числу виднейших марксистских философов XX века. Его ранний сборник статей «История и классовое сознание» (1923) и поздняя работа «К онтологии общественного бытия» (1972/1984) вызвали бурные дискуссии, вышедшие далеко за рамки коммунистического движения. Мы побеседовали о жизни и творчестве Лукача с философом и социологом Эриком Ханом, который с 1971 по 1990 гг. занимал пост директора Института марксистско-ленинской философии берлинской Академии общественных наук (ГДР), а с 1993 г. является членом Лейбницевского общества в Берлине.

130 лет назад родился Дьёрдь Лукач. Для нас это повод поговорить с Вами о его творческом наследии и о ваших работах, посвященных этому философу. Особо хочется затронуть тему разрыва и преемственности. Ваши работы о Лукаче публиковались начиная с 2001 г. Означает ли это, если уж говорить о разрывах, что интерес к Лукачу возник у вас только после 1989 г.?

Ни в коей мере. С работами Лукача меня познакомили преподаватели по историческому материализму в Гумбольдтовском университете, в том числе мой учитель Герман Шелер. Он читал соответствующие лекции в 1953 или 1954 г. Тогда книги Лукача почти не издавались. У Шелера, однако, был старый экземпляр «Истории и классового сознания».

Сегодня меня удивляет, почему он совершенно не коснулся философских вопросов, вызвавших бурную дискуссию после выхода в 1923 г. этого произведения. Шелер говорил только о теории партии, причем только в позитивном, прагматическом ключе, так что книга показалась нам очень доступным учебником по диалектике классового сознания рабочего класса: классовое сознание – это ни сумма эмпирических представлений, возникающих в головах пролетариев, ни нечто, существующее за пределами их сознания. Оно возникает тогда, когда теоретическая активность коммунистической партии соединяется с реальным сознательным процессом и опытом рабочего класса. Для нас тогда всё

это было настолько очевидно, что у меня никогда не возникало никаких сомнений. Я тогда работал пропагандистом, и учеба в университете обеспечила меня очень удачным теоретическим обоснованием моих взглядов. В этой эйфории мы буквально махом «проглотили» «Юного Гегеля» и «Разрушение разума» Лукача. В том числе потому, что тогда вообще было мало литературы. Между тем наступил 1956 год, связанный в том числе с участием Лукача в правительстве Имре Надя. Среди нас, студентов Института философии, некоторые были готовы даже создать бригаду для поддержки венгерских коммунистов в борьбе против контрреволюции. К Лукачу же мы относились с непониманием, разочарованием и гневом.

Такие же настроения царили и во время событий 1968 г. Руди Дучке¹ тщетно пытался тогда «поставить на ноги Ленина», апеллируя к Лукачу, в особенности, к его «Истории и классовому сознанию». Дучке пользовался авторитетом у представителей внепарламентского левого движения в Западной Германии, которые не принимали коммунистическую партию и позиционировали себя как альтернативу ей и организованному рабочему движению в целом. Они извлекали из Лукача то, что хотели, и, как правило, понимали его слишком абстрактно и искаженно. В любом случае это в очередной раз поставило для нас под сомнение работы Лукача. Потом была пауза. В 1966 г. я ушел в социологию и занялся другими вопросами. Моя встреча с Лукачем после 1989 г. произошла благодаря коллеге-философу Гельмуту Зайделю. В 1997 г. он представил на I конференции по марксизму в Ганновере блестящий доклад, который и побудил меня обратиться к лукачевской «Онтологии». С этого момента я и начал подробно изучать творчество венгерского философа.

Таким образом, сначала вы обратились к его философии, затем отвернулись от нее, а потом снова к ней возвратились. Тем самым, в ваших занятиях ею образовался разрыв. А в самом творчестве Лукача были такие разрывы или можно говорить только о разрывах в его биографии – когда он покинул буржуазную семью своих родителей?

Это долгий разговор. Прежде всего, разрыв, о котором идет речь, растянулся на годы. Определенная дистанция между Лукачем и его семьей образовалась еще в очень ранней юности. Он протестовал против многих черт уклада жизни крупной буржуазии, в частности против ее лицемер-

рия. Эта дистанция расширилась после его учебы в католической школе. Он слыл строптивым учеником, читал книги, противоречащие морали и нормам его буржуазного окружения. Разрыв вырос прежде всего из его разочарования культурными нравами тогдашнего Будапешта. Так что это был первый повод для большой ссоры, берущий начало в семье и ближайшем окружении Лукача. Еще одним большим разочарованием для Лукача стала Первая мировая война, которая много в нем поменяла. До этого он занимался теорией искусства и в своих книгах «История развития современной драмы» (1907) и статьях 1910–1912 гг. критиковал состояние буржуазного театра. В своей автобиографии «Мысли о пережитом» он писал: в 1914/15 гг. необходимо было переопределить свою позицию – жить как раньше было уже нельзя. Одновременно с вопросов искусства и эстетики он переориентировался на этику. Это произошло, конечно, не за один год и даже не за несколько лет. Впервые вопросы этики были затронуты им в 1911 г., в сборнике «Душа и ее формы». Поводом для этого послужили самоубийство его подруги и вызванный им тяжелый душевный кризис. С началом Первой мировой войны интерес Лукача к социальным аспектам человеческого бытия еще более усилился. Он, конечно, не написал книгу об этике, но его интересовали актуальные жизненные вопросы. Кроме того, мировая война с ее откатом к варварству разбудила в нем интерес к политике. До этого у него не было никаких контактов с левыми группами. В 1914 г. он установил связь с анархо-синдикалистской группой Эрвина Сабо². Потом Лукач снова два года посвятил эстетике. В конце концов, он окончательно порвал не только с родительским домом, но и в целом с буржуазной культурой, капиталистическим обществом. Это было как единый поток. Полностью изменился его язык. В его работах всё чаще упоминался, цитировался и комментировался Маркс, правда, поначалу – с некоторым дистанцированием. Однако в конечном итоге Лукач полностью перешел на марксистские позиции, решив, что это и есть та теория, которая ему поможет. Этот процесс начался в 1915 г. написанием работ, посвященных вопросам этики («Достоевский. Заметки и наброски»), и продолжился в 1918 г. первыми статьями на политическую тематику. Об этом он сам писал в конце своей жизни: «Самым значимым поворотом в моей жизни было обращение к коммунизму». По словам друзей, в декабре 1918 г. он принял решение вступить в компартию.

А разве не сыграла в этом свою роль и Октябрьская революция?

Само собой разумеется. Правда, сам он об этом подробно не говорил. Мы можем только делать определенные выводы. Он вообще писал в это время непосредственно на теоретико-политические, марксистские темы. Тему большевизма Лукач затронул в статье «Большевизм как моральная проблема» (1918), в которой он рассказывал о событиях в России и Венгрии. Он увидел в большевистской позиции одну нерешенную моральную проблему, базировавшуюся на «метафизической предпосылке, согласно которой добро способно родиться из зла». Там есть одно блестящее замечание: «Большевизм уделяет недостаточно внимания моральным проблемам пролетарской революции». Проблема, которая стоит перед пролетарской революцией, заключалась в том, что коммунисты, стремясь к введению социализма, объединили вокруг себя слишком мало людей. **В любом случае большевизм должен был учитывать, что вступил в революцию, имея за собой поддержку меньшинства, а не большинства. Из этого проистекала дилемма: он должен был либо противостоять большинству населения, что в конечном счете должно было привести к террору, либо дожидаться, когда достаточное число людей перейдет на социалистические позиции.** Этот период, по мнению Лукача, может продолжаться очень долго. В этом случае придется идти на компромиссы и согласиться с размыванием принципов. А это может привести к исчезновению из фокуса конечной цели революции. В этом и состояла дилемма Лукача. Он не мог решиться на большевизм, он был полон демократических ожиданий. Но само собой разумеется, что при принятии любого из этих двух решений пришлось бы столкнуться с чрезвычайно сложными проблемами.

Вы только что сказали, что Лукач порвал со своим буржуазным прошлым, но «диалектичнее» было бы сказать, что в его творческом развитии произошла остановка.

Полностью согласен. Я отмечаю влияние на Лукача так называемой немецкой науки о духе в лице ведущих представителей Баденской (Фрайбургской, Юго-Западно-Германской) школы³ – Георга Зиммеля, Генриха Риккерта, Вильгельма Виндельбанда и Эмиля Ласка. Их ориентация на идеалистическое понимание истории, на историю духа, – это в той или иной степени редукционизм, во всяком случае, что касается движущих

сил истории. Позиции этой школы находились в вопиющем противоречии с марксизмом, который уже по крайней мере за 50 лет до этого сформулировал свою позицию по этому вопросу. Школа отрицала какую бы то ни было роль материальных факторов в историческом развитии. Марксизм она признавала только в отдельных моментах. Позитивное влияние науки о духе на Лукача проявилось разве что в его педантичном интересе к различным проявлениям духовной жизни: к истории мировоззрений, проблемам эстетики, этики, в целом к проблеме ценностей. Следует заметить, что следы этого интереса просматривались в его произведениях до самого конца жизни. Издатель лукачевских «Записок по идеологии и политике» Петер Людц утверждает, что проблемы сознания всегда занимали большое место в размышлениях венгерского философа. Его работы выходили по мере того, как прояснялись основы марксизма. В принципе, вопросы, которые он ставил, уже рассматривались Марксом и Энгельсом. **Он всегда пробовал «на зуб» положения марксизма, подвергал их испытанию через сопоставления с историческими событиями, победами и поражениями рабочего движения. Он подталкивал марксизм к ответу на вопрос: какие выводы необходимо сделать из определенного развития общественной практики.** С этой точки зрения, он оценивал и историю искусства, и марксово определение отношений между базисом и надстройкой, несмотря на то что основатели марксизма уже написали всё важное по этому вопросу. Это было связано с духовным развитием Лукача. Особую роль в развитии марксизма играли знаменитые «Письма об историческом материализме» Энгельса, в которых исторический марксизм принял законченную форму по сравнению с ранними работами основателей. Энгельс сформулировал проблему так: материализм окончательно доказал, что общественное бытие определяется общественным сознанием, надстройка – базисом, идеология – ежедневной классовой борьбой и т.п. В тогдашней позиции по отношению к идеализму Маркс и Энгельс абсолютно справедливо делали акцент на материальном происхождении идей. Собственная жизнь сознания и идеологии, обратное воздействие идей на бытие оставались недоисследованными. В момент своего возникновения идеология уже работает. Она ещё не систематизирована, но уже работает. На этом Лукач и сделал акцент – несомненно новый – в своей онтологии, в своей теории

бытия существующего. Я приведу пример. Мы в рамках марксизма-ленинизма часто дискутируем о возникновении и функционировании идеологии. Схематически мы исходим из того, что идеология порождается экономическими, политическими и социальными процессами. Как, однако, объясняется ее обратное воздействие на эти процессы? Собственно, это воздействие противоречит материализму. И вот здесь Лукач в своем позднем произведении рассматривает проблему в новом разрезе и различает две проблемы: проблему истины и проблему духовной данности. Первая, говорит он, есть вопрос гносеологии – что есть истина? Вторая – вопрос онтологии: почему и как действует нечто? Он делает всё, чтобы устранить возможное недопонимание: это две разных науки, два разных образа мыслей. Он осознает относительность данного различения. Я считаю это гениальным открытием. **В истории действует не только истина, не только правильная точка зрения. Неправильные взгляды тоже обладают своей силой, и их нельзя свести только к ошибке, случайности, проистекающей из каких-то обстоятельств.** И здесь Лукач действительно делает шаг вперед. Это можно объяснить диалектически, используя понятийный аппарат, разработанный Гансом Хайнцем Хольцем.

Вы утверждаете, что Лукач просто тематически варьировал многое из того, что в свое время было разъяснено еще Марксом и Энгельсом. Но на это можно возразить: он осмыслил качественные изменения империалистической эпохи с ее иррациональным способом мышления и тем самым дал импульс дальнейшему развитию марксизма.

То, что я сказал, касается исключительно философской системы. Но, разумеется, у Лукача – и в этом состоит его масштабность как марксистского философа – не было ни одной крупной работы (оставим в стороне более мелкие), где не затрагивались бы проблемы общественной практики. Он не ограничивается чисто академическим рассмотрением теоретических вопросов. Исходный пункт его теоретических рассуждений – историческая практика. Это в особенной степени относится к «Разрушению разума» (1954) – сборнику работ, посвященных фашистской идеологии. Заслуживают внимания также его подготовительные работы 1933 г. к этому сборнику, посвященные обстоятельствам рождения в Германии фашистской

идеологии, а также его памфлет «Отель «Бездна». В них он обосновывает с антифашистских позиций свой выбор в пользу марксизма и социализма, призывает своих тогдашней друзей и учителей не дать себя обмануть демагогией и не повторить ошибки других. При этом он не щадит и самого себя; это очень сильные места в его работе. Я вижу в его антифашистских выступлениях проявление того настроения, отпечаток которого был оставлен в его душе Первой мировой войной. Это заметно по используемым им формулировкам, доведенным, конечно, до совершенно нового уровня. Потрясение времен Первой мировой войны было очень персональным, ситуационным и мало отрефлексированным философски. Чувство протеста накапливалось в душе Лукача на протяжении 1914–1918 гг. Оставалось только найти путь от искусства к этике и от этики к политике. В «Истории и классовом сознании» с этикой в непосредственном смысле этого слова было покончено. Снова к этим вопросам он вернулся уже в конце жизни – в «Онтологии».

А как Лукач стал причиной разрыва внутри антифашистского и социалистического лагеря? Почему функционеры и ученые ГДР стали рассматривать его как ревизиониста? Его, конечно, упрекали за участие в правительстве Имре Надя, но ведь начали также находить ревизионизм и в его произведениях. Чем это можно объяснить?

Я бы все-таки развел такие разные темы, как дебаты внутри антифашистского лагеря и упреки в ревизионизме. Первая тема выходит за рамки нашего разговора. Что касается упреков в ревизионизме, то впервые с ними в адрес Лукача выступил Г. Зиновьев в 1924–25 гг. в ходе V конгресса Коминтерна. Потом эта критика продолжилась в 20–30-е годы и с новой силой – в 1960-е. В центре этой критики стояли философские проблемы, поднятые в уже упомянутой книге «История и классовое сознание» – его самой известной и вызвавшей наиболее горячие споры работе. Непосредственной причиной такой неординарной реакции на этот текст – правда, сначала на Западе – послужило то, что он впервые в марксистской философии (так он предположил в предисловии к переизданию работы в собрании сочинений 1967 г.) с революционно-критических позиций поднял проблему отчуждения. Акцентируя эту проблему, он затронул чувства и разум широкого круга буржуазных интеллектуалов.

Понятие «отчуждение» заставило их задуматься. Стало понятно, что капитализм представляет угрозу не только для рабочего класса, но и для всех классов и слоев общества. Лукач не был первым, кто об этом написал. Его заслуга состояла в том, что он поставил вопрос о сознании, о субъективном факторе, о силе, которая может преодолеть отчуждение. Как говорит поздний издатель работ Лукача Франк Бензелер, целью «Истории и классового сознания» было определить исторический субъект, который может покончить с отчуждением. Это может быть только пролетарская революция. Таков ход мысли Лукача. Он развивает теорию, которая углубляет, обосновывает и укрепляет изначальные мысли Маркса о роли рабочего класса.

А откуда появляется этот исторический субъект – пролетариат? Не возникает ли он в «Истории и классовом сознании», как бог из машины?

Очень распространенный упрек. Я придерживаюсь другого мнения. Я уже упомянул, что Лукач многое взял у Маркса и Энгельса. Например, их историко-экономическое обоснование исторической роли пролетариата. Об этом говорит использование им в качестве эпиграфа к одной из наиболее значимых статей этого сборника знаменитой фразы из «Святого семейства»: «Дело не в том, в чём в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать» (Собрание сочинений Маркса и Энгельса – MEW, том 2, с. 38)⁴. Это в высшей степени материалистическая и последовательно историческая формулировка, выраженная, правда, абстрактным образом. Лукач описал объективно возможное мировоззрение пролетариата и общества в целом в конкретной исторической ситуации. Всё это базируется в конечном счете на экономическом анализе Маркса и Энгельса.

А что касается упреков Лукача в ревизионизме? Как с этим обстоит дело?

Я часто ссылаюсь на работы Йорга Камлера, ученика и коллеги марбургского социолога Вольфганга Абендрота. Он спорит со всеми

теми, кто хочет свести эти дебаты к чисто теоретическим или чисто мировоззренческим дискуссиям. Камлер указывает на социальные причины идеологической критики Лукача: в 30-е годы перед Советским Союзом стояла задача во что бы то ни стало привести крестьян в капиталистическое индустриальное общество – со всем, что это общество сопровождает. При этом Камлер внес в дискуссию тезис о неизбежности своего рода «воспитательной диктатуры». В конечном счете, как выяснилось позже, речь шла о том, быть или не быть самому Советскому Союзу. Лукач незадолго до своей смерти тоже подчеркивал это обстоятельство. Очевидно, что, чтобы понять суть этих процессов, недостаточно теоретических уверток – нужна работающая концепция, объясняющая, что, как и почему происходит. Необходим единый подход, основанный на единых принципах и единой идеологической концепции. Как это произошло у нас в 1945 г., которому я обязан своими первыми представлениями о том, что такое фашизм и каковы причины войны. Я получил их из упрощенных материалистических постулатов «Краткого курса истории ВКП(б)».

Между тем Камлер соглашается, что в ходе дискуссии вокруг «Истории и классового сознания» речь шла не только о понятиях и концептах (материализм, гегельянство, диалектика природы, отражение), но и о направлении развития ленинизма после смерти Ленина. Эта дискуссия происходила в рамках V конгресса Коминтерна. Должен ли ленинизм рассматриваться как жесткая система однозначно толкуемых постулатов или речь идет о философском осмыслении материалистического метода – «революционной диалектики»? Эскиз к подобного рода проекту революционной диалектики Лукач набросал еще в 1924 г. в небольшой статье «Ленин». Он пытался сформулировать теорию и метод, с помощью которых можно было бы философски осмыслить конкретные проблемы исторической практики. В своей подвергнутой резкой критике книге он хотел инициировать дискуссию вокруг проблемы диалектики. То же самое касается и дебатов, вспыхнувших после публикации в 1960 г. в ГДР сборника «Дьёрдь Лукач и ревизионизм».

Стоит упомянуть и об этом. Ни у кого, в том числе ГДРовских авторов, не было никаких сомнений, что выход сборника явился политической реакцией на позицию Лукача вокруг событий в Будапеште осенью 1956 г.

Вся теоретическая аргументация была подчинена именно этой цели. И это касается не только данной публикации. Правды ради следует признать, что эта книга не стала в ГДР последней из числа посвященных Лукачу. Институту философии и истории литературы Академии наук ГДР принадлежит заслуга в организации в 1985 г., в сотрудничестве с венгерскими властями, международного симпозиума, приуроченного к 100-летию философа. Значение и влияние Лукача на философию надо было по достоинству оценить, а его работы – «критически-конструктивно» освоить. С позиций сегодняшнего дня, ход симпозиума и публикации по его итогам следует оценить как яркую, взвешенную, корректную, основанную на аргументах дискуссию с венгерскими товарищами. С нашей стороны имела место и определенная самокритика. Важную роль в подготовке симпозиума сыграли Вернер Митенцвай и другие ученые. Тем самым они продолжили дело Вольфганга Хариха, который еще до 1956 года опубликовал в знаменитой «Голубой серии» издательства «Ауфбау» более дюжины основополагающих работ Лукача.

Примечания:

- ¹ Руди Дучке (1940–1979) – социолог-марксист, в 1960-е гг. лидер студенческого движения в Западной Германии и Западном Берлине. – Прим. переводчика.
- ² Эрвин Сабо (1877–1918) – венгерский политик левого толка (сначала левый социал-демократ, затем анархо-синдикалист, затем коммунист), теоретик марксизма, историк и социолог. – Прим. переводчика.
- ³ Смесь философии жизни и неокантианства. – Прим. JW.
- ⁴ На русском языке – Сочинения Маркса и Энгельса, 2-е издание, т. 2, с. 40.

*Интервью было опубликовано в газете Junge Welt. Интервью вели
Даниэль Братанович и Андреас Хиллингхорст.
Перевод Дмитрия Тарбеева*

Борис Славин, философ

О СУДЬБЕ ОДНОЙ ИДЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Давно прошли те времена, когда российские политологи и социологи увлекались идеей «деидеологизации», которая на самом деле означала неприятие постсоветским режимом исторически исчерпавшей себя советской идеологии. Напомню, именно тогда по отношению к левым (коммунистам, социалистам и социал-демократам) либеральными радикалами был приклеен ярлык «красно-коричневые», который тогда навешивали даже на такого типичного антисталиниста, как историк Рой Медведев.

На мой взгляд, реальная деидеологизация в обществе, пронизанном политическими страстями, вообще невозможна. Дело в том, что идеология, по сути, есть концентрированное выражение политики. Она используется не только верхами общества и официозными СМИ, но и в обыденной жизни людьми, оценивающими с идеологических позиций многие события в стране и мире.

Критерием жизненности любой идеологии всегда является ее конечное соответствие действительности. Каждый раз, когда идеология отвечала вызовам времени и потребностям масс, она стимулировала поступательное движение общества, и, напротив, отрыв идеологии от реальной жизни приводил к политическим ошибкам и человеческим трагедиям. Именно такой «отрыв» способствует тому, что среди современных философов и политологов распространено мнение о «ложном», или «иллюзорном», характере любой идеологии. Есть идеология и идеология.

Так, с точки зрения основателей марксизма, «даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками». В идеологии, принадлежащей к сфере «идеального», или «духовного», отражается социальная практика человека с ее нравственными и правовыми нормами, политикой, мировоззрением, искусством, литературой и т.д. Являясь совокупностью идей и взглядов, в которых осознается отношение людей к окружающей их действительности и друг

к другу, идеология выступает важнейшей стороной современного общества. Она во многом определяет смысл жизни людей, их духовную и гражданскую идентичность.

Сегодня стало модным обсуждение проекта «консервативного человека» для современной России. Я думаю, что этот проект в 1990-е годы уже существовал в правительственных верхах (его целью было сохранить и по возможности защитить олигархические капиталы). Однако в повседневной действительности он стал проявляться относительно недавно, с приходом к власти В. Путина, который не случайно (может быть, под влиянием личных бесед с Никитой Михалковым) увлекся идеями Данилевского, Ильина, записками Деникина, других носителей русского консерватизма.

Сегодня интерес к этому проекту резко усилился, в том числе, в связи с событиями на Украине. Что же произошло за последние десятилетия в духовной жизни нашей страны?

На мой взгляд, произошло два важнейших события. Это крушение некогда господствующей советской идеологии, которую в свое время разделяли многие наши соотечественники. Ее остатки до сих пор сохраняются в их сознании, притом не только среди старшего поколения. Если верить социологам, советские ценности присутствуют также в сознании молодых людей, которые на их основе пытаются оценивать различные явления современной жизни.

Вместе с тем как государственная идеология она, конечно, перестала существовать. На смену ей пришла идеология либеральная. Социологи говорят, что многие ценности либеральной идеологии присутствуют в сознании современного человека, уживаясь, как это ни странно, с наличием в нем некоторых советских ценностей. Например, исследования показывают, что такие противоречивые понятия и ценности, как «частная» и «государственная собственность», «индивидуализм» и «коллективизм», «свобода» и «авторитаризм» нередко соседствуют в одной голове. Подобный эклектизм особенно присущ обыденному сознанию. Что касается господства либеральной идеологии, как правило, свойственного постперестроечному времени, то она с недавних пор тоже «приказывает долго жить».

Примером здесь может служить известное отношение масс к главному понятию и ценности либерализма – «демократии». Вы знаете, как в народе переиначали это слово... Вопрос – почему? Почему демократия

превратилась в «дермократию»? Почему массы россиян так негативно оценивают это слово, которое должно было их вдохновлять и окрылять, являясь по определению «властью народа, для народа и посредством народа»? Но этого в России до сих пор не случилось. Почему? На мой взгляд, потому что политика «шоковой» терапии 1990-х гг., проводимая демократами «первой волны», опустила многих россиян до уровня нищеты и других бед первоначального накопления капитала. Одним словом, массы не захотели принять «ценности демократии», основанные на «шоковой терапии», метода, который, как известно, применяется в психиатрии к больным людям.

Вообще, изменение или иное прочтение идеологических ценностей происходит тогда, когда они начинают противоречить действительности. В итоге в обществе появляется потребность в новой идеологии и новых ценностях. Именно так и произошло на рубеже веков, когда на смену либеральной идеологии времен Ельцина – Гайдара в России пришла консервативная идеология Путина и его команды. В рамках этой идеологии «хаос» 1990-х гг. начали противопоставлять «порядку» нулевых, «политический плюрализм» – «вертикали власти», «радикальным реформам» – «стабильность», наконец, «мировой цивилизации» – своеобразие «русского мира». **В итоге, сегодня консервативная идеология активно внедряется СМИ в общественное и индивидуальное сознание людей. Она буквально сметает на своем пути обанкротившуюся либеральную идеологию в разных сферах общества.** Отсюда ненависть некоторых представителей либеральной интеллигенции ко всему, что говорит и делает Путин и его команда. В этой ненависти она иногда доходит до парадоксов и даже прямых глупостей.

Так, после присоединения Крыма к России, которое произошло в результате мирного и демократического самоопределения абсолютного большинства крымского населения, она в унисон с новой украинской властью и ее западными друзьями продолжает говорить о насильственной «аннексии» полуострова. Одновременно она в упор не видит националистические и фашиствующие проявления и эксцессы этой власти. Напомним, подлинные либералы и демократы всегда ставили принцип «самоопределения» народов выше принципа «целостности» унитарного, тем более националистического государства.

Что касается российских радикал-либералов, то они сегодня, критикуя авторитаризм и традиционализм Путина, отстаивают незыблемость таких традиционных понятий, как «целостность» и «унитарность» Украины, несмотря на фактически идущую в ней гражданскую войну. Как уже отмечалось, массы ценят слова, ценности и идеи только тогда, когда они подкрепляются конкретными делами. Это в первую очередь относится к Украине, где особенно наглядно проявляется расхождение демократической риторики власти и реальной жизненной ситуации.

Приведу пример. 15 мая 2014 г. по телевизору показали, как Россия оказывает гражданам на Юго-Востоке гуманитарную помощь. Присутствующий при этом корреспондент спрашивает одну из жительниц Юга-Востока Украины: «Как вы к относитесь к этой помощи?» Женщина отвечает: «У меня болеет ребенок, ему необходим инсулин, а мы не можем его получить от нашего государства уже несколько месяцев, а вы, русские, его нам привезли».

Так простые люди реагируют сегодня на помощь России. Они связывают ее внешнюю политику со спасением русских и русскоязычных граждан на Юго-Востоке. Отсюда же их соответствующее отношение к украинской власти, которая много говорит о патриотизме, о целостности и единстве нации, но не может решить элементарную проблему снабжения инсулином своих граждан, не говоря уже о других не менее важных социальных проблемах. Можно проводить любые социологические исследования ценностной ориентации граждан, но если власть не в состоянии решить проблемы удовлетворения их основных жизненных потребностей, они будут решительно выступать против такой власти и ее идеологии.

Однако вернемся к России. Я ставлю вопрос: если в ней произошел крах двух прежних идеологий (советской, а затем либеральной), то где гарантии, что это не случится и с нынешней консервативной идеологией? Казалось бы, эта идеология несовременна, особенно для человека светского, для человека, который далек от религии, который не в состоянии принять отжившие монархические ценности? Откуда же такое увлечение данной идеологией, и не только Путиным, но и широкими массами россиян? Что кроется за этим феноменом? Вроде бы современные люди не должны поддерживать консервативную власть, а они ее поддерживают. Как понимать ситуацию, когда, по данным социологов, ценностные ориентации многих

людей сохраняют либеральную направленность (они говорят о ценности таких качеств, как «частная собственность», «конкуренция», «свобода») и в то же время выражают поддержку политике явного консерватора Путина с его ценностями «стабильности», «порядка», необходимости «вертикали власти», «православия» и т.д.?

Почему консервативная идеология, которая, казалось, никак не связана с действительностью XXI века, сегодня разделяется многими людьми, которые еще недавно во многом исповедовали либеральные и социалистические идеалы? Мы видим, как эти люди переполняют церкви, ностальгируют по самодержавию, всячески ругают либералов, социалистические идеи «справедливости», «социального равенства», «революции» и т.п. Виноваты ли в этом только СМИ или здесь есть какие-то иные причины? На мой взгляд, о политической власти надо судить не столько по ее словам, сколько по делам. Это, в первую очередь, относится к современной путинской власти. Хотим мы этого или нет, но приходится признать за ней некоторые позитивные результаты деятельности. Так, если мы обратимся к уровню благосостояния людей в нулевые годы, то увидим его существенное отличие от уровня жизни людей в последнее десятилетие XX века. Нулевые годы дали по сравнению с 1990-ми годами заметное улучшение их жизни. Например, если преподаватели и профессора в вузах начала 90-х гг. получали менее 100 долл. в месяц, то сегодня их заработок вырос в разы. Подобное произошло и с другими слоями населения России.

На мой взгляд, путинская команда в отличие от ельцинской научилась «делиться» с обществом доходами от сырьевой экономики, что привело к общему росту заработной платы и повышению жизненного уровня большинства граждан страны. Это и стало той основой, на которую ложится сегодня консервативная идеология с ее главной идеей «стабильности» государства. Отсюда же и странный, на первый взгляд, рейтинг Путина, который все время колеблется между 60 и 80 процентами. «Консерватизм» как идеология сам по себе, конечно, не может дать гарантии стабильности государства.

Тем не менее, следует отметить, что в годы путинского правления почти исчез сепаратизм регионов, нет оголтелого антикоммунизма в официальных СМИ, началось признание отдельных позитивных сторон советской

действительности, что совершенно не было присуще «демократическим» временам эпохи Ельцина и его либерального окружения.

Да, в России по-прежнему отрицается позитивность революционных преобразований и идеализируются монархические порядки, сохраняется пропасть в уровне жизни богатых и бедных слоев общества, коррупция продолжает «править бал» во властных структурах, наблюдается свертывание политических свобод, тем не менее, нынешняя Россия, например, отличается от Украины тем, что в ней нет тех социальных и политических крайностей, тех открытых проявлений фашизма и воинствующего национализма, которые стали доминировать на Украине сначала на Майдане, а затем и в официальных структурах власти. Говорят, что сегодня киевляне в своей массе находятся в «прострации», потому что они начинали антиолигархическую революцию против режима Януковича, а получили суперолигархическую власть в лице Коломойского, Таруты, Ахметова и др. Как известно, в истории аналогичные метаморфозы случались неоднократно, начиная с Великой французской буржуазной революции XVIII века и кончая гражданской войной в Испании в 1930-е гг. XX века, когда на смену инсургентам приходили диктаторы.

Нежданность – характерная черта многих революционных преобразований в мировой истории. Это происходит тогда, когда идеалы и цели участников революции не совпадают с ее результатами. Здесь наглядно проявляется ирония истории: хотели одного, а получили прямо противоположное. Не революционеры Майдана, а олигархи сегодня стали губернаторами многих областей Украины. И это не только простые олигархи, а олигархи с явно националистическими и даже профашистскими лицами. (Наглядным примером здесь может служить олигарх Днепропетровской области тот же Коломойский, который оплачивал зверства фашистов «Правого сектора» в Одессе и других городах Украины.) После заживо сожженных одесситов в Доме профсоюзов, я уверен, уже нельзя говорить в ироническом ключе о наличии фашизма на Украине. К сожалению, до сих пор это не хотят понять ни на Западе, ни в наших российских либеральных и оппозиционных СМИ. Однако, как показывает продолжающийся кризис на Украине, революционные процессы там не закончились. После февральского политического переворота на смену Майдану пришел Антимайдан, то есть возникла «вторая революция», свидетелями которой мы сейчас

являемся. Назовите ее «пророссийской» или «просоветской» революцией (в противоположность «антисоветскому» Майдану), назовите ее восстанием народа Юго-Востока против существующей власти, это не меняет ее революционной сути. Если вы посмотрите на требования, которые сегодня выдвигают лидеры этого низового народного движения против центральной власти в Киеве (а это требования «самоопределения», «федерализации» и свободного владения русским языком на всей территории Украины), то вы поймете, что их удовлетворить сегодня может только реальная социально-политическая борьба с существующей нелегитимной властью на Украине. **Значение второй антиолигархической и антифашистской революции на Украине выходит далеко за ее пределы. Я уверен, она окажет и уже оказывает значительное влияние на внутреннюю политику в России, которая должна эволюционировать в сторону большего антиолигархизма и большей социальной справедливости в стране.**

На мой взгляд, современная Россия не сможет справиться со своим постепенно ухудшающимся экономическим положением, если не перейдет с «нефтяной иглы» на новейшие промышленные технологии, если не перейдет к прогрессивной шкале налогообложения граждан, если не остановит скатывание к авторитарным методам управления страной, то есть не даст всем российским людям и оппозиционным политическим партиям больше прав и свобод.

Одним словом, украинские события, на мой взгляд, подтолкнул Россию рано или поздно стать лево-демократической страной. В этой связи, я хочу высказать свое отношение к пессимистическим прогнозам, все чаще звучавшим в публичных выступлениях некоторых представителей нашей отечественной интеллигенции, которая «не видит выхода» из сегодняшней тяжелой ситуации в стране. К сожалению, так думают многие представители российской интеллигенции демократического и либерального толка.

По моему мнению, эта часть интеллигенции видит, что ее либеральные идеалы и демократические ценности не пользуются сегодня спросом у большинства российского народа, которому, как показывает практика, ближе консервативные ценности. Однако здесь не нужно впадать в отчаяние: сознание русских людей может быстро меняться под влиянием жизни. Если мы посмотрим на процент, который фиксируется в соци-

ологических исследованиях российского общества, то меня поражает устойчивость двух цифр 20 и 80. 20% – это та часть общества, которая в 1990-е гг. усвоила либеральные ценности, приняла радикальные гайдаровские реформы, определенно выиграв от них. И другая часть, составляющая 80%, то есть абсолютное большинство народа, которое в 1990-е гг. их не приняло. Почему? Потому что жизнь этих людей резко ухудшилась в ходе этих реформ, полностью обесценились денежные накопления граждан, катастрофически выросли цены на продовольствие и продукты массового спроса, начались длительные перебои с заработной платой, потому что закрылись тысячи заводов и фабрик, породив массовую безработицу и разгул криминала. Фразы о демократии тогда стали пустышкой или фейком на фоне расстрела Белого дома в 1993 году и последующего вооруженного конфликта в Чечне.

Как уже говорилось, отсюда глубокое разочарование людей в либеральной идеологии и демократических ценностях, которые призваны были заменить собой прежнюю советскую идеологию. Нечто похожее начинает происходить и сегодня, но уже в условиях господства консервативной идеологии. Падает экономика, растут цены, обесценивается рубль, начались сбои в оплате труда, жизнь становится все труднее, коррупция во властных структурах и криминал не сдают свои позиции. Терроризм дает о себе знать взрывами на транспорте и в местах большого скопления людей, растет бюрократизм и сужаются политические права и свободы граждан. В стране усилилась частота межэтнических конфликтов, не прекращаются внешние угрозы и продолжающиеся санкции со стороны США и Евросоюза. К сожалению, господствующая консервативная идеология, как и прежняя либеральная, предлагает искать людям выход из ситуации не в будущем, а в прошлом. Власть не понимает, что консерватизм и необходимая модернизация России – разные и плохо совместимые вещи. Все эти факты говорят о том, что патриотический потенциал этой идеологии, простимулированный успешной Сочинской олимпиадой и присоединением Крыма, не может сохраняться вечно. Уверен: хотя современный «каток» консерватизма в России и мире еще продолжает катиться, но уже проглядывают существенные барьеры на его пути, как в экономике, так и в социальной сфере. Какой же проект может прийти на смену современному политическому консерватизму? Некоторые идеологи считают, что про-

грессивная интеллигенция должна заниматься просвещением и отстаивать демократические ценности. Все так, но этого мало.

Обществу нужна современная альтернативная идеология, которая могла бы помочь создать конкретную программу выхода из наметившегося нового кризиса российского общества. И такая идеология существует. Это идеология третьего, социал-демократического пути развития, которая в свое время обозначалась в годы перестройки, но не смогла позднее реализоваться по известным экономическим и социально-политическим причинам.

Думаю, Россия в конечном итоге должна встать на этот путь, который станет действенной альтернативой как современным неосталинистским и консервативным тенденциям в обществе, так и исторически исчерпавшему себя либеральному фундаментализму. Нынешняя прогрессивная интеллигенция должна отбросить в сторону свои пессимистические настроения. Она может и должна выработать новый социал-демократический проект для России, который, выразив глубинные интересы нашего народа, сумеет ответить на вызовы современности.

Роберт Макчесни, теоретик медиакультуры

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ В БОРЬБЕ ЗА СМИ

Движение за реформу средств массовой информации (СМИ) в США вступило в новый этап в 2003 г., в ответ на попытку Федеральной комиссии по коммуникациям (ФКК) отменить ряд ограничений на владение СМИ. Тогда три миллиона человек подписали петиции против этого. Многие из них были активистами антивоенного движения, отвергавшими идею, что те же самые информационные конгломераты, которые пропагандировали вторжение в Ирак, получают возможность проглотить то, что осталось от независимых СМИ. Размах и успешность этого «народного восстания» повлияли на федеральный суд, который блокировал проект ФКК.

Затем движение за реформу СМИ расширялось, в основном под руководством организации «Свободная печать», одним из основателей которой

был я. Предполагалось вести в Вашингтоне битвы по злободневным вопросам и одновременно заниматься «полевой» организационной работой с целью расширить общественную осведомлённость и поддержку движения.

Мы сознавали, что большинству населения неинтересен или безразличен исход борьбы в Вашингтоне по вопросам СМИ, поэтому нужно было захватить воображение людей, озвучив какие-то смелые и радикальные предложения. Наша стратегия была нацелена на создание «армии» для борьбы за структурную реформу СМИ и обсуждение более широких вопросов, чем тогда позволительно было обсуждать в столице. Парадоксально, но при второй администрации Дж. У. Буша (2005–2009) движение за реформу СМИ имело относительный успех в вашингтонских политических кругах.

Кандидат в президенты Барак Обама в 2007–2008 годах также тесно сотрудничал с движением, выдвигая прогрессистскую, по крайней мере по вашингтонским стандартам, платформу. Само же движение за реформу СМИ испытывало тяготение к вашингтонской политике и перенесло тяжесть усилий с «полевой» работы на действия в коридорах власти. Эта стратегия не могла не провалиться. Вступив в должность, Обама отказался от своей платформы и от поддержки движения за реформу СМИ. Участников борьбы охватила глубокая и непреходящая депрессия.

В этой статье я доказываю, что движение за реформу СМИ должно двинуться в совершенно новом направлении, вернувшись к своим истокам и изначальным принципам. **За последнее десятилетие мир драматически изменился, в частности, капитализм переживает затянувшийся кризис, которому не видно конца. Это порождает новые задачи и возможности для сторонников демократических реформ.** Я выдвигаю здесь три новых радикальных предложения, которые могут послужить идеалом и руководством для движения за реформу СМИ. Если они не «овладеют массами», то это движение, да и всё политическое левое крыло обречены на забвение и провал.

Контекст для радикальной реформы средств массовой информации

Коммуникационные системы развиваются не по какому-то естественному («по умолчанию») пути развития. От введения авторского права и почтовых льгот для газет на заре существования США до лицензиро-

вания телефонных, телерадиовещательных и кабельных телевизионных монополий двигателем развития СМИ являлось государство. Переход Интернета от «антикоммерческой» и эгалитаристской системы, какой он был в 1990-е годы, на коммерческие рельсы тоже стал результатом проведения определённой политики. В капиталистическом, формально демократическом обществе выработка политики обсуждается, так или иначе, под углом коммерческих интересов, особенно в такой сфере, как информационная, с её высокой прибыльностью и политическим влиянием.

Но организованные народные силы одерживали победы в борьбе за медийную политику. В Европе левые политические силы сыграли решающую роль в создании финансово обеспеченных некоммерческих телерадиокомпаний. В США народные силы также одерживали победы, начиная с бесплатной доставки малотиражных еженедельных газет, в том числе большинства аболиционистских, в 1840-е годы до создания муниципальных радиостанций в 1970-е.

Однако в последние сорок лет народным силам стало труднее влиять на политику, а коррупция при выработке медийной политики за последнее десятилетие даже увеличилась. Политическая система США стала, как Дж. Николз и я называем её, «долларократией», где огромное большинство населения не имеет никакого влияния на государственную политику, регулирование, налоги или бюджет, отданные на откуп большим корпорациям и самым богатым людям. Избирательная система как способ участия граждан в управлении практически перестала функционировать.

При нынешней расстановке сил в высшем эшелоне власти практически нет шансов одержать более-менее серьёзные победы в борьбе за медийную политику. Второе отличие по сравнению с 2003 г. касается Интернета, который стал одной (возможно, главной) из движущих сил современного капитализма. Выгоды от интернет-экономики достаются очень небольшому количеству монополий. Три из четырёх самых больших публично торгуемых корпораций в США – это интернет-компании; 13 из 33 самых больших работают в основном в Интернете; ещё несколько из 33 самых больших ведут значительный сетевой бизнес. Для сравнения, только четыре из самых больших банков входят в число 33 крупнейших фирм.

Гиганты Интернета контролируют принятие любого касающегося их политического решения, а это всё чаще затрагивает такие вопросы

фундаментальной важности, как налогообложение, регулирование, права трудящихся и потребителей, торговля.

Третье отличие от ситуации 2003 г. состоит в том, что капитализм США переживает «очередную Великую депрессию»: безработица остаётся очень высокой, корпорации держат под спудом около 1,7 трлн долл, не вкладывая их в новые предприятия и оборудование; зарплаты, особенно у молодёжи и рабочего класса, сокращаются. Стагнация и политическая коррупция привели к тому, что уровень бедности вернулся к показателям, которых США не видели уже почти столетие, а по неравенству они догоняют Малайзию или Филиппины. Никто не предлагает выхода из этой ситуации, и большинство населения ждёт мрачное будущее.

В политических и академических дебатах по коммуникационной политике общим местом, от уважаемых левых до правых, остаётся восхваление «гения рынка». Но обеспокоенные рядовые граждане всё лучше понимают то, что ещё должны уяснить коррумпированные власти в Вашингтоне, академическое сообщество и «добропорядочные» СМИ. **По данным опроса 2011 г., 49% американцев младше 30 лет заявили, что хорошо относятся к социализму, и только 46% хорошо относились к капитализму.** Соответствующие цифры составили 55% и 41% для афроамериканцев, 44% и 32% для выходцев из Латинской Америки. Опрос в ноябре 2012 г. показал, что 39% респондентов симпатизировали социализму. Это тем более примечательно, что мало кто из американцев слышал что-то доброе о социализме. Но зато американцы на собственном опыте знают, что от реального капитализма их воротит. В 2013 г. «социалистический альтернативный» кандидат Кшама Савант выиграл выборы в городской совет Сизтла, обойдя либерального кандидата от Демократической партии (других кандидатов не было). Лет десять назад радикал Савант, призывавший передать заброшенные фабрики рабочим, едва ли набрал бы даже 1–2% голосов. Гражданские активисты всех убеждений должны открыто требовать радикальных перемен. Поскольку коммуникационная политика играет центральную роль в экономике, сторонники реформы СМИ должны забыть про вашингтонские коридоры власти и начать диалог с теми, кто голосовал за Саванта и за Б. де Блазио на выборах мэра Нью-Йорка. Тогда мы сможем мобилизовать армию, которая сотрясёт основы этой гниющей системы.

Первое предложение: покончить с картелем поставщиков интернет-услуг

В 1990-е годы немало говорилось о том, что Интернет вызовет такую бешеную конкуренцию между региональными телефонными компаниями, компаниями дальней связи и компаниями кабельного телевидения, что государственное регулирование больше не понадобится для защиты интересов граждан, а магия рынка и компьютерная революция сделают конкуренцию бесконечной. В 1996 г. было около 15 таких крупных компаний, которые как будто намеревались вырвать бизнес друг у друга, если бы были освобождены от регулирования. Сами фирмы утверждали, что с них нужно «снять кандалы», поскольку десятки новых конкурентов готовы нажиться на компьютерных технологиях и вторгнуться на их рынок. Это оказалось одним из величайших трюков в политической истории США. Эти фирмы-монополисты знали, что смогут не допустить реальной конкуренции, но воспользуются ослаблением ограничений для значительного укрепления своих позиций на рынке.

К 2014 году осталось порядка пяти основных компаний, предоставляющих доступ к широкополосному и беспроводному Интернету. Три из них («Веризон», АТТ и «Комкаст») господствуют на рынке телефонии и Интернета. Фактически они составляют картель и реально не конкурируют друг с другом. В результате в США мобильный телефон и широкополосный Интернет стоят гораздо больше, чем в большинстве других развитых стран, а качество услуг – гораздо ниже. Такие компании нельзя назвать рыночными. Их бизнес, как и до эры Интернета, основан на получении от государства монопольных лицензий на телефонию и кабельное телевидение. Их «конкурентным преимуществом» всегда было не обслуживание клиента, а агрессивное лоббирование.

Десять лет назад власть лобби помогла им провести серию слияний и обойти существующие ограничения, благодаря чему эти чудовища монополизировали доступ к широкополосному Интернету, раз и навсегда убив конкуренцию. В ответ защитники интересов общества начали кампанию за «сетевой нейтралитет», который не позволил бы картелю использовать своё монопольное положение для цензуры сайтов (при подлинной конкуренции она стала бы невозможной, поскольку пользователи не стали бы выбирать

провайдера-цензора). Предлагалось также создавать муниципальные широкополосные сети. Послушные картелю политики на уровне штатов добивались запрета таких сетей, но там, где их удавалось создать, они были очень популярны. Но они ведут постоянную борьбу за выживание, поскольку картель пытается их ликвидировать, применяя свой лоббистский арсенал. Картель отжил свой исторический срок! Это фирмы-паразиты, использующие полученную от государства монополистическую власть для извлечения незаслуженного дохода за счёт потребителей и других фирм. Давайте выкупим их по реальной цене, учитывающей фактические инвестиции, а не спекулятивную накрутку. Затем давайте сделаем доступ к мобильной связи, широкополосному Интернету, спутниковому и кабельному ТВ повсеместным и недорогим. Для этого нужна некоммерческая сеть «компьютерных почтовых отделений», находящихся в публичной собственности.

Второе предложение: относиться к монополям как... к монополиям

Почему интернет-бум не привёл к «золотому веку» инвестиций и процветания, как это было, например, после появления автомобиля в XX веке? В том числе потому, что такая большая доля доходов, произведённых в Интернете, перекачивалась в столь немногие руки. Кроме упомянутого выше картеля, который был детищем старых телекоммуникационных монополий, Интернет породил такие монополистические гиганты, как «Гугл», «Эппл», «Амазон», «Фейсбук», «ЭБэй», «Майкрософт», «Интел», «Сиско», «Оракл» и «Квалкомм». Они извлекают выгоду прежде всего из сетевых эффектов, благодаря которым на рынке почти не остаётся фирм среднего размера. Патентное право и сокращение затрат благодаря росту масштабов производства помогают создавать непреодолимые преимущества над любыми возможными соперниками.

Интернет всё больше похож на обнесённую забором площадку, где эти гиганты бьются за господство над существующими и перспективными рынками, а никто больше и пикнуть не смеет, если только его не выкупает один из гигантов. Система закрыта наглухо. Вместе эти фирмы имеют почти неограниченную власть в Вашингтоне, а угроза государственного регулирования возникает лишь тогда, когда они занимают противополож-

ные позиции по какому-то вопросу, например, о «сетевом нейтралитете» или интеллектуальной собственности. Титанов Интернета, их администраторов и главных инвесторов восхваляют СМИ и академические круги, и мало кому приходит в голову мысль, что легитимность этих фирм может ставиться под сомнение.

Действительно, достижения технического прогресса в этой сфере ошеломляют, но все они направлены только на рост прибылей этих фирм. **Интернет вновь напоминает об одном из ключевых противоречий капитализма – то, что хорошо и рационально для хозяев экономики, плохо и иррационально для общества в целом.** Все левиафаны Интернета – монополии, то есть они контролируют долю рынка (не менее 50–60%), достаточную для того, чтобы определять цены и допустимый уровень конкуренции. Как монополии они являются прямой угрозой не только меньшим предприятиям, но и демократическому правлению. Так думают не только социалисты и прогрессисты. В разные времена эту идею разделяли и представители консервативной теории свободного рынка.

В частности, видный сторонник минимального вмешательства государства в экономику Г. Саймонс доказывал, что монополии угрожают свободе предпринимательства и демократии, поэтому необходимо разделить их на меньшие конкурентные предприятия, а там, где это невозможно (как в случае с железными дорогами), «социализировать» их и передать под управление государства. Поскольку сетевые эффекты практически исключают разделение гигантов Интернета, остаётся передать монополизированные услуги Интернета в общественную собственность и под открытое управление. Тогда пользователи будут сами решать свою «компьютерную судьбу», не отдавая её на усмотрение гигантских фирм, неподотчётных никому, кроме своих инвесторов.

Третье предложение: журналистика как общественное благо

Интернет, несмотря на весь свой демократизм и неограниченный информационный потенциал, не привёл к «золотому веку» в культуре и журналистике. Он ликвидировал большую часть ресурсов, которые ранее определяли содержательную часть журналистики. Сама журналистика США переживает период свободного развала. Сейчас гораздо меньше штатных журналистов и редакторов, чем поколение назад, хотя

население выросло. Большая часть того, что делает государство, включая его отношения с бизнесом, освещается гораздо меньше, чем в прошлом. Не освещается большинство выборов, об остальных пишется недостаточно. Всё это началось до появления Интернета, но Интернет ускорил этот процесс и сделал его непрерывным. В чём проблема? В основе всей демократической теории и всей истории США лежит идея о том, что для демократии нужно участие информированного гражданина, который появляется только благодаря сильной и активной журналистике, и если её нет, то республика и свободы не выживают. **Примерно 1% населения имеет доступ к информации, которая нужна им, чтобы править миром. Но сможет ли каждый гражданин получать информацию, которая нужна для реального участия в демократии? Поэтому битва за народную журналистику – это борьба за саму демократию.** Из этого понятно, почему сегодня в США хозяева экономики вполне довольны обществом, свободным от журналистики, и почему они противодействуют реформе СМИ. Чем меньше людей знает, как действует власть, тем лучше для власти имущих. Почему журналистика разваливается? В последние двадцать лет бизнес перестал вкладывать в неё деньги, но оставались надежды, что благодаря Интернету на смену умирающим традиционным СМИ придёт качественно превосходящая компьютерная коммерческая журналистика. Но этого не произошло и не произойдёт. **Интернет создаёт иллюзию океана информации, заставляя забыть о той информационной пустыне, в которой мы всё больше и больше оказываемся.** При этом профессиональная журналистика в США в непропорциональной мере сосредоточена в «старых СМИ».

В XX веке реклама давала журналистике основную часть дохода и делала СМИ коммерчески выгодными. Рекламодатель платил журналистике, чтобы привлечь внимание читателя или зрителя к СМИ, а тем самым – к размещённой в них рекламе. Расцвет рекламы стимулировал развитие профессиональной журналистики и ограждал содержание новостей от прямого коммерческого влияния. Реклама считалась злом, необходимым для субсидирования журналистики. Профессиональная журналистика была попыткой найти компромисс между СМИ как необходимым демократическим институтом и как коммерческим предприятием, нацеленным на извлечение прибыли. Сейчас рекламодатель гораздо реже размещает

рекламу на каком-то конкретном сайте в надежде воздействовать на посетителей этого сайта. Вместо этого он размещает рекламу через рекламные интернет-сети, которые выявляют целевые аудитории, где бы они ни выходили в Интернет. Рекламодателям больше не нужно поддерживать журналистику или её содержательную часть.

Реклама создавала иллюзию, что журналистика – это прежде всего коммерческое предприятие. Когда реклама прекращается, на первый план выходит настоящая природа журналистики как общественного блага, которое рынок не может произвести в достаточном количестве или качестве. Как любое другое общественное достояние, она требует государственной политики и государственных расходов.

Поскольку брак между капитализмом и журналистикой распался, то если США нужна демократическая журналистика, нужно и масштабное государственное финансирование. Есть опасение, что оно создаст подконтрольную государству пропагандистскую машину, как при диктатурах, авторитарных режимах или более коррумпированных капиталистических демократиях, например в Италии. Это опасение обоснованно, с учётом того никому не подотчётного аппарата национальной безопасности, который является частью современного правительства США. Но **создание поддерживаемой государством журналистики – это часть процесса демократизации общества. Чем демократичней страна, тем больше она субсидирует журналистику, не превращая её в марионетку правительства.**

Сопоставив ежегодные рейтинги журнала «Экономист» (степень демократичности государств) и организации «Фридом Хауз» (степень свободы СМИ), мы увидим, что верхние места в обоих рейтингах неизменно занимают одни и те же государства. Так же неизменно рейтинг «Экономиста» возглавляют государства, которые расходуют больше всего средств на душу населения на государственные и муниципальные СМИ. На верхних строчках рейтинга «Фридом Хауз» остаются Норвегия, Швеция и Германия.

В демократических государствах субсидируемая журналистика делает СМИ более разнообразными и критическими по отношению к правительству. **Борьбу за государственное финансирование СМИ возглавляют левые силы и поддерживает население, если оно**

успело оценить его полезность. Примером может служить Норвегия, где в сентябре 2013 года пришло к власти самое консервативное за несколько поколений правительство. Консерваторы обещали прекратить финансирование государственного телерадиовещания и газетные субсидии, благодаря которым издаются многочисленные ежедневные газеты (прежде всего газеты с низкими доходами от рекламы, в том числе либеральные, консервативные и левая газета «Классекампен»). Но норвежцы, вне зависимости от политической ориентации, не поддержали это предложение, и в ноябре 2013 года стортинг решительно отклонил его. В США норвежская система субсидирования газет как коммерческих предприятий неприменима. Здесь необходимо создать неприбыльную, некоммерческую, конкурентную, бесцензурную и независимую систему СМИ, основанную на компьютерных технологиях.

Одним из вариантов может быть предложение Д. Бейкера, которое развили Николз и я. Оно выглядит так: каждый американец старше 18 лет имеет право ежегодно перевести до 200 долларов из государственных средств любому средству массовой информации, при условии, что оно официально является некоммерческим и не публикует коммерческую рекламу; всё оплаченное из этих средств немедленно размещается в Интернете с бесплатным доступом, является общественной собственностью и не защищается авторским правом. Это будет стоить государству до 30 млрд долл. в год, но без всякого государственного контроля за тем, кто получает эти деньги. Это будет стимулировать конкуренцию, так как СМИ будут стремиться заработать эти субсидии. Коммерческие СМИ, не имея права на эти субсидии, смогут бесплатно использовать размещённую таким образом информацию, а любой человек сможет открыть своё издание, коммерческое или некоммерческое, не прося ни у кого разрешения. Наверное, есть много других способов сохранить систему свободной прессы в компьютерный век. Общественная дискуссия по этим вопросам не просто необходима, это краеугольный камень движения за демократизацию Соединённых Штатов. Три предлагаемых реформы могут радикально изменить облик всей страны и направить её по пути к посткапиталистической демократии.

*Оригинал статьи опубликован в журнале Monthly Review
Перевод Олега Теребова*

Научное издание

Библиотека Института «Справедливый мир»
Выпуск 39

ПРИЗНАКИ БУДУЩЕГО
левый взгляд на перспективы глобального развития

Составители: Кутовая Елена Евгеньевна,
Белов Вадим Анатольевич

Подписано в печать 15.03.2016
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 18
Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
Издательством «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 640-87-93

Отпечатано в ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1А